

Алексей Милюков

Пустые множества

Эссе на тему сетевого проекта
«Доказательства эволюции»
под ред. А. Маркова, в трёх частях

1. Доказательства эволюции» 2010 – новое платье короля.....2
2. Игры в науку: знаком ли главный редактор «Доказательств эволюции» с научной методологией?.....20
3. Психологический портрет героя на фоне неудавшегося проекта.... 60
4. Специалист всегда прав?.....112
5. Справедлив ли «аргумент к большинству»?.....119
6. Хорошо выстиранный свитер Гитлера.....136
7. Лиловый туман похож на обман.....150

Часть I

I. "Доказательства эволюции" 2010 - - новое платье короля

После относительно продолжительного затишья в области эволюционистской критической мысли, начало 2010 года было ознаменовано появлением сетевого сборника «Доказательства эволюции» [1]. Девять портных из многочисленных лоскутов сшили королю по имени «эволюционизм» новое платье. Главным закройщиком, то есть, редактором этого произведения, выступил известный популяризатор теории эволюции, научный журналист и палеонтолог Александр Марков, а главной объявленной фишкой нового проекта явилось «научно-просветительское» объединение атеистов с верующими, в частности, участие в нем трех ученых мужей, идентифицирующих себя как православные эволюционисты.

Однако, по здравому разумению, главной фишкой проекта стали (точнее, остались) всё те же традиционные для эволюционизма догматизм, двойные стандарты и подмены, не говоря уже о том, что значительную роль в этом проекте сыграл десятый автор, отсутствующий в нынешнем авторском списке, придавший всему проекту неэтичный душок (см. Приложение).

Я не собираюсь подробно рассматривать здесь сами примеры, представленные в «Доказательствах эволюции» – некоторые комментаторы из лагеря, идейно противоположного Маркову, уже кратко высказались об этой работе, заметив, что она содержит практически всё те же старые, давно известные и разобранные аргументы, многие из которых уже просто стыдно выставлять (например, «эволюция» лошади или «эволюция» гоминид, «несовершенство» человеческого глаза и пр.). Единичные же новые положения имеют вполне удовлетворительные объяснения в рамках концепции разумного дизайна, и писать какой-то отдельный критический разбор «До-

казательств...», считают мои друзья, вряд ли имеет смысл.

Но помимо старых и давно уже набивших оскомину «доказательств», авторы пошли и на нововведение – в достаточно большом объеме представили читателю якобы «оппозиционные» аргументы, которые, как им представляется, рассмотрели и опровергли. Самая большая ошибка авторов, на мой взгляд, в том, что они вдруг почувствовали себя новаторами и решили развить тему борьбы с креационизмом. Но, поскольку всё уже было «украдено до них», нашим друзьям ничего не оставалось, как самим выдумывать беды и пороки креационизма. Разумеется, то, что они придумали – стало их собственным психологическим портретом, ибо «мы есть то, что думаем и говорим о других».

Собственно, я бы и хотел высказаться по поводу этих «вставок против», эмоциональный нерв которых и судорожность противостояния оппонентам – пронизывают всю работу. Жанр эссе предполагает оценку мировоззрения автора рассматриваемого произведения. Поскольку авторов много, акцентной фигурой волей-неволей становится главный редактор нового проекта. Разумеется, будем держать в уме коллективную работу, но ее мировоззренческим (и, кстати, что бросается в глаза – стилистическим) стержнем по умолчанию являются «воля и разум» главного редактора.

«Как вы яхту назовёте...»

У непредвзятого читателя скулы сводит, я думаю, начиная уже с заглавия. «Доказательства эволюции»! Вот уж весьма оригинально и необычно. Мне хочется поздравить авторов со своеобразным достижением – только им удалось дать (или использовать в качестве своего) название из двух слов, каждое из которых не имеет однозначного определения, а в сочетании и вовсе мутно, как лондонский туман. Это тот редкий

случай, когда сама доброкачественность, смысловое содержание названия характеризуют всю работу в целом.

Что такое «доказательства эволюции»? В этом городе вам никто ничего не скажет, как заметила однажды некая дворничиха в Дубне, у которой я спросил нужный мне адрес. Всё зависит от того, кто и как эти понятия толкует. Какую из эволюций собираются доказывать авторы? Микроэволюционную адаптацию, то есть, мелкие приспособительные изменения организмов в природе? Или так называемую макроэволюцию, то есть, качественное усложнение органов, структур, планов строения, ведущее к образованию таксонов на надвидовом уровне? И что стоит за словом «доказательства»? Это материальные примеры и свидетельства эволюции (опять же, непонятно, какой из них), наблюдаемые факты, истолкованные как свидетельства, или строгие доказательства уровня математических?

Мы прекрасно знаем, что игры на подмене «макро» и «микро» весьма характерны для нынешних последователей Дарвина. Это позволяет им удачно манипулировать разными смыслами в полемике и пропаганде, дурача почтенную публику в своих якобы доказательствах существования эволюции. В дальнейшем мы увидим эту подмену во всей красе. Того же качества и манипуляции термином «доказательства». Читатель, ожидающий, что, наконец-то, услышит не очередные фантазии о превращении капли слизи в человека, а именно ознакомится с фактами и доказательствами, будет разочарован. Авторы «быстро-быстро», еще во вводной части, объясняют, что имели в виду не доказательства в строго математическом смысле (англ. *proof*), а лишь «свидетельства в пользу» (англ. *evidence*), то есть, наблюдаемые явления, которые при многочисленных проверках выдвинутой для их объяснения теории можно всё же приравнять к твердо установленным фактам. Каковым твердо установленным фактом,

по мнению авторов, биологическая эволюция и является. Но на протяжении всей работы под редакцией Маркова читатель вынужден будет сталкиваться с тем, что *доказательством* и доказанным, *твердо установленным фактом эволюции* тут именуется лишь союз наблюдаемых фактов с некоей идеологической фантазией, которые при другом повороте фантазии можно толковать в прямо противоположном ключе.

Таким образом, читатель имеет дело с недостоверной информацией уже начиная с заглавия работы. А известно, что «как вы яхту назовете, так она и поплывет».

Кто такие «антиэволюционисты?»

Семантически работа подпорчена тем, что традиционных в подобной полемике «креационистов» главный редактор заменил на каких-то аморфных и стилистически тяжеловесных «антиэволюционистов». С одной стороны это было необходимо, так как в рядах авторов «Доказательств...» числились три христианина – а всякий христианин, как известно, по определению является креационистом (верит в сотворение мира волею Бога Творца), хотя в данном случае даже православные авторы в качестве основного оппонента дружно подразумевали «не этот» креационизм, а так называемый научный. Чтоб не путаться и не создавать «дружественного огня», видимо, решили не рисковать.

С другой стороны – безотносительно к желанию самих авторов держаться логики и смысла, – они «автоматом» попали впросак, в ситуацию, которая сама стала вертеть ими, как хвост собакой. Неудобоваримый термин «антиэволюционисты» сделал направление главного удара каким-то безадресным и противоречивым – вплоть до полного несоответствия своим же претензиям к этим «антиэволюционистам». Например, ислам, индуизм, а также масса антиэволюционист-

ских школ, учений и концепций никак не связаны с библейским и т.н. «научным креационизмом». Между тем не только мусульмане и индуисты, но, скажем, современные ученые-агностики, **с научных позиций** пришедшие к пониманию невозможности макроэволюции, не говоря уже об обычных критически настроенных гражданах, интуитивно отрицающих эволюцию, – все они будут удивлены, что творческий коллектив Маркова в борьбе с «антиэволюционизмом» навязывает им **библейские аргументы** в качестве их собственных утверждений (которые затем победно как бы и опровергает). Зачем все эти экивоки, почему бы не сказать о целях своего проекта прямо, как говорит об этом Марков «в другом месте»: *«Главный враг – это креационисты, верящие во всемогущего творца с абсолютными возможностями и абсолютной мудростью»* (Комментарий в блоге Иванова-Петрова 17.02.10).

Смысловые нестыковки такой терминологической замены очевидны – если креационистам можно смело поставить в вину изъяны в их альтернативной аргументации, то пассажи типа: *«Антиэволюционизм, напротив, не может предложить никаких внятных объяснений...»* – выглядят достаточно нелепо, поскольку позиция «анти» ни с какого боку не подразумевает альтернативности, а имеет право ограничиваться лишь отрицанием.

В подобных пассажах, где «креационизм», видимо, был спешно («в ночь перед публикацией») вымаран и заменен в тексте на «антиэволюционизм», хуже требований «внятных объяснений» могут быть только требования «предсказаний»:

*«Существует колоссальное количество фактов (результатов наблюдений, экспериментов), – пишут авторы, – хорошо объясняемых (а часто и предсказываемых) эволюционной теорией, и гораздо хуже или вовсе не **объ-***

ясняемых (и не предсказываемых) идей об отсутствии эволюции».

Вот это да! Идея о несуществовании чего-то, оказывается, должна не только что-то объяснять, но и предсказывать! Ну, если главного «предсказания» – а именно о **несуществовании макроэволюции в прошлом, настоящем и будущем** авторам мало, то им, опять же, следует вспомнить, что отрицание чего бы то ни было не обязывает ни к каким объяснениям и предсказаниям. Если я, скажем, отрицаю зеленых человечков, я не должен доказывать их несуществование и делать какие-либо «предсказания» кроме самого отрицания – обязанность доказать существование зеленых человечков целиком и полностью лежит на утверждающей стороне. Или Марков не понимает, что, бросив вызов какому-то кожезаменителю по имени «антиэволюционизм», он прилюдно поставил себя на сцену, под свет прожекторов обосновывать свои эволюционные взгляды – крутить сальто, доставать кроликов из шляпы и обвивать себя питонами, а всех абстрактных противников эволюции (не креационистов, а именно антиэволюционистов) усадил в зал в роли наблюдателей – они вольны свистеть, жевать попкорн, и абсолютно ничем не обязаны артисту.

Чем-то знакомым повеяло...

Ужасающе нерусским, партийно-казенным языком написана вводная часть «Доказательств...» – как будто текст рубили топором, забыв о пере. Тотчас на месте, повторяя по многу раз одно и то же, вновь и вновь возвращаясь к уже сказанному, чтобы начать эту попытку заново, главный редактор всю вводную часть прокручивает одну и ту же пластинку – о доказанном факте эволюции, о том, что эволюция признана большин-

ством ученых, а большинство не может ошибаться, о том, что эволюция – удел специалистов, которые лучше вас знают всю правду, а также о том, что отрицают эволюцию только неучи.

Текст сразу валит с ног затхлым дыханием подвала:

«Мировое научное сообщество обоснованно считает, что имеющиеся доказательства эволюции настолько непроверяемы и всеобъемлющи, что отрицать факт биологической эволюции, оставаясь в рамках науки, сегодня уже невозможно. ...С научными представлениями об эволюции согласуются миллионы фактов. Эволюция придает смысл, логику и стройность всему гигантскому массиву накопленных биологией знаний».

Эпическая сила! Какое ретро! Чем же это таким знакомым повеяло? Ах, да, это же стилистика времен «победившего социализма»:

«Научный коммунизм, как и марксизм-ленинизм ... является результатом обобщения не только опыта революционного движения в той или иной отдельной стране, но и опыта мирового рабочего и коммунистического движения в целом, раскрывает общие закономерности и специфику строительства социализма и коммунизма во всех странах, совершающих переход к коммунизму» (БСЭ, статья «Научный коммунизм»).

Я хочу спросить товарища Маркова и весь уважаемый коллектив товарищей, выступающих от имени мирового научно-общественного сообщества – чем они собираются заниматься дальше, после свершившейся мировой победы эволюционизма? Наверное, перейдут к мирному строительству?

С точки зрения стилистики вся вводная часть «Доказательств эволюции» есть бесценный архивный клад, музей, возвращающий нас в славные годы советского застоя, а то и еще дальше по времени – к концу тридцатых годов прошлого века. Здесь в одной витрине, точнее, на одной интернет-странице собраны все признаки и классические приемы советской пропаганды. Это чужь, что НЛП (нейро-лингвистическое программирование) выдумали в наше время, как и сюжет «Матрицы». Простые граждане уже жили в «Матрице» в сталинском Советском союзе, и испытывали на себе успешное воздействие пропагандистского НЛП. Правда, есть одно но – нынешний главный редактор «Доказательств...», видимо, забыл какой сейчас год на дворе, и что старые фишки уже не выстреливают.

«Партия всегда права, а во всех наших трудностях виноваты враги». «Враг способен побеждать лишь хитростью и коварством». «Нам не нужна “их” хваленая демократия!» (а сила и монолитное единство коллектива). «Миру – мир!» (но лишь тот, который принесем мы). Невероятно, но в 2010 году подобные аргументы снова идут в дело. Более того. Главный редактор сумел вструмить в «Доказательства...» даже пропагандистские методы загнивающего позднего социализма – этакую идеологическую «карательную психиатрию»! Суть «аргумента», как и прежде, в том, что нормальный человек с нашими идеями спорить не будет, а кто спорит, тот проявляет не свою личную волю, а демонстрирует поведение, связанное со специфическими особенностями психики.

«По мнению ряда психологов (? – А.М.), живучесть креационизма (?? – А.М.) отчасти связана с врожденными особенностями человеческой психики. В частности, людям, особенно в детстве, свойственна так называемая “неупорядоченная телеология” — склонность при-

писывать некую изначальную цель всем объектам окружающего мира (тучи существуют, чтобы шел дождик, а львы – чтобы смотреть на них в зоопарке)».

Оставим авторские фантазии о психологах, изучающих феномен «живучести креационизма» (замечательна сама интонация, будто речь идет о живучести какого-то порока). Мне неловко говорить некоторые вещи человеку неимущему, но людям в детстве дается внутреннее ощущение Бога, то, что в христианском переложении именуется «душа-христианка» (но это касается всех конфессий). В детстве мы всё чувствуем тоньше и точнее. Это не «склонность приписывать цель» и не детское «сопротивление научному знанию», а именно ощущение единства с миром, который управляется Высшей силой. Тот, кто сохраняет это мироощущение, реализует его позже в своей научной, творческой, религиозной деятельности. Тот, кто утрачивает, становится сотрудником Палеонтологического института (типа иронизирую).

Кстати, в связи с подобными попытками привлечения темы психики для объяснения проблемных вопросов, так называемым православным соавторам «Доказательств...» следует иметь в виду, что их союз с учеными-атеистами весьма зыбок, и для атеистов фраза – «наиболее здраво мыслящий из верующих» всегда будет означать – «наименее сумасшедший». Марков утверждает, что *«неприятие научного знания уходит корнями в детскую психологию»*. Нет. Скорее, неприятие религиозного мироощущения неким индивидом *«уходит корнями»* в его собственные комплексы.

«Партия всегда права, а во всех наших трудностях виноваты враги». Партия (мировое научное сообщество) права настолько, что авторам не хватает обычной констатации ее правоты, и они начинают выражать рвущееся из груди чувство в терминах превосходной степени:

«Поэтому когда мы говорим, что факт биологической эволюции признан мировым научным сообществом, за этими словами скрывается нечто гораздо большее, чем кажется многим далеким от науки людям» (выделено авторами. – прим. А.М.).

«Враг способен побеждать лишь хитростью и коварством». Враги эволюционизма, если порой и побеждают, то, разумеется, не иначе как с помощью каких-то уловок:

*«К сожалению, антиэволюционистская пропаганда продолжает находить отклик в сердцах многих **далеких от биологии людей**». «Антиэволюционисты нередко ссылаются на **высказывания авторитетных ученых, якобы подтверждающие их взгляды**. Нельзя сказать, чтобы ни один крупный ученый никогда не высказывался в поддержку тех или иных идей, свойственных антиэволюционистам. Но все же в наши дни в мире нет грамотных биологов, геологов и астрофизиков, которые отрицали бы миллиарды лет существования Земли и жизни на ней». «Антиэволюционисты могут похвастаться лишь несколькими именами известных ученых, разделяющих их взгляды, и то **известность этих ученых связана преимущественно с их пропагандой антиэволюционизма, а не с научными достижениями, обычно довольно скромными**». «Самый большой успех, достигнутый противниками эволюции за годы активной пропагандистской деятельности, состоит в том, что **им удалось внушить значительной части населения ложное представление о наличии разногласий в науке по поводу реальности эволюции**»[2].*

«Нам не нужна “их” хваленая демократия!» С точки зрения авторов, для единства партийного, то есть, пардон, научного сообщества, в нем недопустима демократия, являющаяся одной из причин популярности оппонентов:

«Помимо врожденных психологических особенностей, распространению креационизма и других ненаучных и лженаучных представлений и суеверий способствует и распространение демократических ценностей. ... В науке нельзя ни решать вопросы всеобщим голосованием, ни рассматривать любые точки зрения как изначально равноправные, ни считать одинаково весомыми мнения экспертов и дилетантов. ... Это особенно актуально для биологии».

Здесь замечательна подмена реальной ситуации проекцией своих собственных желаний. Никто из противников Маркова никогда не призывал решать голосованием вопросы **в науке**, никто не считал никогда мнение эксперта и дилетанта одинаково весомыми; но в приведенной цитате автор отстаивает – ни много ни мало – **монопольное** право эволюционистов на обсуждение любых вопросов эволюции. Чего стоит одно только письмо Маркова на Российское телевидение[3] во время съемок фильма о Дарвине, где автор просит телевизионное начальство не давать слова противникам эволюции. Впрочем, подробнее об этом мы поговорим чуть позже.

Подобно советским идеологам, авторы «Доказательств...» также провозглашают своеобразный лозунг «*Миру – мир!*», призывая к примирению веры и науки. Как же они себе этот мир представляют? «*Авторы данной публикации призывают к примирению религиозных людей с наукой*», – пишут они и почти сразу (времени-то у них мало!) с места в карьер начинают грубую «перековку» верующих такими аргументами:

«...Многое в священных текстах никто, даже самые ортодоксальные богословы, не предлагает понимать буквально (например, притчи), а многое понять буквально просто невозможно – из-за отличающегося во многих конкретных деталях изложения одних и тех же событий, например, в разных книгах Библии, или в разных главах книги Бытия. Казалось бы, почему бы верующим не отказаться и от буквального понимания священных текстов об истории сотворения мира, жизни и человека?»

Тот из «окучиваемых», кто удивится – типа, вы что несёте, товарищи? Вы вообще поняли, к кому обращаетесь и в своем ли вы уме? – так вот, этот окучиваемый будет неправ. Ибо это не предложение и не просьба, это – требование. И выхода у окучиваемого, увы, нет. *«Следует признать, что такой отказ сопряжен с трудностями богословского свойства»*, – входят в положение нашего страдальца авторы. Но тот узнает лишь одну грустную для себя вещь – поскольку в современном мире против выводов науки не попрёшь, *«ничего нельзя с этим подделать: нужно доверять науке»*. Если кто-то из читателей не понял, какое предлагается примирение, я уточню – наука столь много узнала об этом мире «окончательно и бесповоротного», что религия ей в вопросах познания уже не конкурент. Но наша эволюционная милость не знает границ, так что, если не хотите считаться мракобесами и остаться на обочине современности, бросайте ваши религиозные бредни и принимайте всё, что мы вам скажем. Расслабьтесь и получайте удовольствие от науки.

«Нет, всё понятно, но что конкретно?»

Одной из главных причин неадекватности «Доказательств...» явился избитый, но весьма удобный для большин-

ства пропагандистов эволюции трюк с жонглированием понятиями микро- и макроэволюции (о чем я уже упоминал, обсуждая название работы). Это невероятно с точки зрения канонов «просветительского» жанра, но авторы изначально даже не потрудились дать определения своему основному «объекту пропаганды» – что именно они подразумевают под эволюцией. Термин «макроэволюция» в первой редакции текста вообще отсутствовал, а «микроэволюция» упоминалась лишь один раз, да и то в цитате креациониста. Как можно обсуждать и, тем более, пропагандировать нечто, не дав ему определения? Мог ли Ульянов-Ильич и прочие Троцкие в 1917 году день и ночь кричать с трибуны о победе мировой пролетарской революции, подразумевая под ней лишь своеобразную домашнюю «микроРеволюцию», то есть, взбучку жене и выгон тещи из дома?

После замечаний оппонентов авторы «Доказательств...» спохватились и сделали два вставных куска (вернее сказать, две заплатки на сплошь дырявой сетке для улавливания сомневающихся в эволюции душ!). Однако эти вставки проблемы не решили и «микро» и «макро» по разным углам не развели. Напротив, несмотря на данные определения, структурная неразбериха только усилилась. Читая гневные филиппики в адрес противников эволюции, так и осталось непонятным, противники какой эволюции имеются в виду. Если «микро» – то пусть авторы покажут людей, отрицающих выведение новых пород животных, если же «макро» – то где примеры этого самого «макро»? Проблема в том, что **по множеству определений эволюции даже т.н. научные креационисты не являются антиэволюционистами**[4].

В первой вставке (раздел «Микро» и «макро», гл. 3) позже даны были определения двум эволюциям, но, оказывается, согласно авторам, употребление этих терминов в научном со-

обществе уже «выходит из моды» (в науке, видимо, тоже есть мода на термины):

«Дело в том, что большинство биологов (? – А.М.) обоснованно (?? – А.М.) считает, что микро- и макроэволюция ничем принципиально не отличаются друг от друга[5]. Точнее говоря, макроэволюция – это просто-напросто суммарный результат множества последовательных микроэволюционных событий».

О, да. Все мы знаем, что суммарный результат семейных скандалов и пьяных выкриков: «Кто в доме хозяин?» – приводит к мировой пролетарской революции. Ну, чтобы уж не очень утрировать – сумма всех ссор в трамваях мира привела к двум мировым войнам. Или, совсем банально – если школьник Вася бросает камень вверх на 10 метров, то сумма всех Васиных бросков способна вывести камень на околоземную орбиту. Авторы, делясь своим пониманием вопроса, признают, что *«...когда у нас есть детальная информация (лабораторный эксперимент или очень подробный эволюционный ряд в палеонтологической летописи), мы видим, как правило, последовательность микроизменений».* Но:

«Если же мы рассмотрим только начало и конец длинного ряда (как в случае с эволюцией гоминид...), то, сравнивая их между собой, можно говорить уже о макроизменениях. Именно такая ситуация получается в том случае, когда не найдены промежуточные формы между двумя крупными таксонами: мы видим значительные изменения и говорим о макроэволюционном «событии».

«Тонкая, однако, работа!» – отсутствие связи между двумя таксонами и есть доказательство этой связи! Оцените, чита-

тель, эту вывернутость суждения, эту телегу впереди лошади. Сначала речь идет о начале и конце **ряда**, будто этот ряд, действительно, существовал, и сегодняшние исследователи держат в руках хотя бы его костные останки, а затем следует вывод, что именно отсутствие всего ряда позволяет говорить о макроэволюции от «начальной» формы к «конечной». Ловко! Таким образом, все разговоры о «твердо установленным факте эволюции» являются лишь разговорами в пользу бедных и имеют право на существование лишь применительно к микроэволюции – действительно, реально наблюдаемого процесса, хотя сами авторы наверняка с этим не согласятся.

*«Поэтому мы можем реально наблюдать “настоящие” макроэволюционные события только в ископаемой летописи, когда удастся найти хорошие филогенетические ряды, соединяющие предковый таксон <...> с таксоном-потомком <...>, о котором нам уже **заранее известно** (! – А.М.), что от него в будущем действительно произошло (!! – А.М.) что-то большое, важное и принципиально новое (например, все наземные позвоночные)».*

«Удастся найти хорошие филогенетические ряды» – означает самым сконструировать нечто крайне приблизительное из наиболее подходящего. Это и есть истинная цена «макроэволюции» – ее легко наблюдать лишь тому, кто в нее верит, кто предвзят в выводах и делает ей поблажки (ну, или, мягче, принимает модель именно такой «эволюции»; что, конечно же, ни к каким «твердо установленным наукой фактам» отношения не имеет). Как доказать, что барон Мюнхгаузен двумя пуговицами от своей жилетки убил медведя? А так – именно отсутствие пуговиц на жилетке свидетельствует об этом; тем более что нам уже «заранее известно», что барон остался жив.

«Лишь в редких случаях удается в лаборатории или в природе наблюдать нечто похожее на “макроэволюционное” событие (см. раздел «Эво-дево: следы макроэволюции»)».

Вторая более поздняя вставка (собственно, указанный раздел «Эво-дево» 5-й главы) содержит заявленные примеры, но сами авторские кавычки, как и в предыдущей цитате («*настоящие*» макроэволюционные события») – говорят о многом. Здесь в качестве таких «*нечто похожих на “макроэволюционное” событие*» рассматриваются либо эволюционно бесперспективные генетические уродства, либо примеры все той же микроэволюционной адаптации (причем, любопытно, что лишь на примере растений; за исключением старых добрых, набивших оскомину мутаций мушек-дрозофил).

Во время этих хороходов вокруг «микро» и «макро» вспоминается подобное отношение к этой теме ведущих эволюционистов. Например, известная монография В. Гранта [6], многие положения которой почти слово в слово вошли в «Доказательства...». Только если у Гранта каждое слово взвешено и соблюдена методологическая корректность, то наши «новаторы до Вержболово», как истинные революционеры, видимо, решили не мелочиться и максимально усилить эффект сказанного предшественниками. У Гранта было:

*«Многое из того, что относится к эволюции, перешло теперь в категорию фактов. Эволюционные изменения, происходящие на уровне **микроэволюции** и **видообразования**, были обнаружены компетентными биологами и в настоящее время могут считаться **доказанными фактами**».*

Обратим внимание, **доказанными фактами** могут считаться только **микроэволюция** и **видообразование**. О

макроэволюции речи не идет. Наши же «гранты», видимо, решили себе ни в чем не отказывать и самостоятельно повысить градус эволюционного накала:

«Эволюция является твердо установленным научным фактом». «...Некоторые модели конкретных эволюционных механизмов могут быть в будущем пересмотрены, но сам факт биологической эволюции не будет отвергнут уже никогда». «Биологическая эволюция является доказанным фактом в точно таком же смысле» [как] «...наличие восьми протонов в ядре атома кислорода».

При этом из контекста однозначно следует, что под биологической эволюцией они подразумевают и проповедают именно «прогрессивную» эволюцию, идущую с помощью «макро», «от рыбы до философа». У Гранта о макроэволюции сказано:

*«В случае макроэволюции простое противопоставление теории и факта неприменимо. Хотя эволюционную теорию нельзя наблюдать непосредственно, о её существовании можно судить по ископаемым остаткам. А сами эти остатки представляют собой факты. Макроэволюция – **вывод**, который следует из этих фактов».*

Яснее, кажется, некуда – доказанным фактом являются микроэволюция и видообразование, а макроэволюция, это лишь вывод, который можно сделать из найденных ископаемых останков. Всего лишь логический вывод, поскольку из тех же найденных фактов можно сделать и другие выводы (то есть, интерпретировать их в рамках другой модели). Хотя Грант, как истинный эволюционист, считает, что «мелкие» наблю-

даемые процессы дают ключ к пониманию «крупных», ни о каком доказанном факте самой макроэволюции речи быть не может. В способности наших авторов так лихо «усилить» выводы своих единомышленников, действительно, есть что-то застойно-советское, лозунговое, внешне бравое и одновременно боящееся не произвести нужного впечатления.

Между тем в «Доказательствах...» так и не приводится никаких фактов прогрессивных эволюционных изменений (макроэволюции), и о них на протяжении всей работы **говорится только голословно** – приводимые примеры являются либо старыми спекуляциями на тему найденных костей, либо за макроэволюцию выдаются сегодняшние внутривидовые уродства, эволюционная «перспективность» которых также является спекулятивной. Потому что свидетельств «настоящей» декларируемой **макроэволюции у авторов просто нет и никогда не было**. Вместе с тем, в изобилии приводимые примеры адаптивных изменений (микроэволюции) никоим образом не являются подтверждением основной концепции эволюционизма – качественного, прогрессивного изменения организмов от простого к сложному. В конце концов читатель должен сделать несколько ошеломляющий для себя вывод – «Доказательства...» не выстреливают даже в качестве научно-популярной агитки за эволюцию. Ибо **подавляющая часть работы посвящена лишь доказательствам микроэволюции и видообразования**. Повторю еще раз, как вывод – **подавляющая часть работы посвящена лишь доказательствам микроэволюции и видообразования**. И микроэволюция, и видообразование являются бесспорными фактами и, по крайней мере, не отрицаются креационистами. Кроме того, видообразование не относится собственно к эволюции в ее «желанном» для адептов понимании – то есть, к прогрессивному усложнению живых существ. Но стоила ли игра свеч – доказывать с такой натужно-

стью и пафосом существование очевидного? Если авторы хотели просветить детей, то почему в тексте присутствуют столь обильные и нервные отповеди «антиэволюционистам», а если хотели микроэволюцией и видообразованием «срезать» оппонентов, то ломились в открытую дверь и просто потратили время впустую.

2. Игры в науку: знаком ли главный редактор «Доказательств эволюции» с научной методологией?

Пытаясь разобраться с тезисом «эволюция является доказанным фактом», высказанным авторами во вступительной части «Доказательств...», мы приходим к еще одному довольно необычному открытию. Оно вовсе не в том, что эволюция доказанным фактом не является. Оно в том, что главный редактор «Доказательств эволюции» – абсолютно **не понимает сути научного метода**, не говоря уже о философии и истории науки в целом, а также основах логики и права.

Это тем более странно, что перу одного из соавторов проекта, Кирилла Еськова, принадлежит достаточно известная в современной науч-поп-литературе работа, описывающая научный инструментарий. Подобное изложение философии науки содержится и в статье другого соавтора проекта, Николая Борисова – «Проставляем даты на геологической летописи». По многим статьям того же Борисова, включая записи и комментарии в интернет-блогах, рассыпаны высказывания, из коих однозначно следует безусловное знание вопроса:

«Наука изучает материальные свидетельства прошлого, и реконструирует на этой основе мир прошлого (не прибегая к чудесным гипотезам), а уж дело мировоз-

зрения – интерпретировать эти реконструкции как “способ действия Творца” или “самоорганизации ма-тушки-природы”» (Запись в блоге Н. Борисова 22.03.10).

Возникает вопрос: почему же эти ученые мужи не подсказали, не просветили главного редактора проекта в столь основополагающих моментах?

Ответ может показаться более простым, чем кажется – **им это просто не нужно**. Ни им, ни самому Маркову. Ибо следуя на словах строгим научно-рациональным предписаниям, заявляя о необходимости жестких «правил игры в науку», эти ученые-эволюционисты в своей пропагандистской деятельности сами им не следуют – более того, просто их игнорируют и ограничиваются лишь формальными декларациями (на что в отношении того же Еськова указывал, например, Чайковский[7]).

Здесь мы сталкиваемся с характерной сегодняшней ситуацией – **постмодернистскими отношениями, проникшими в науку**, когда изначальная дарвиновская необязательность и неопределенность позволяет его наследникам на словах поддерживать правила, но в реальности, образно выражаясь, свободно мчаться на машине на красный свет и безнаказанно пересекать сплошную. Юрий Чайковский говорит об этом парадоксе эволюционистской методологической необязательности:

*«Еще за сто лет до Медавара великий биолог Луи Пастер писал: “Идеи превращения видов так легко воспринимаются, может быть, потому, что **освобождают от строгого экспериментирования**”. В самом деле, эволюционизм дает биологу **отдохнуть от изнурительных норм своей науки** и позволить себе плыть по течению свободной от их контроля мысли. Единое*

мнение тут нереально.

Трудно вообразить ученого, который решил бы описать в качестве своих результатов чужие многократно опубликованные данные, зато легко представить, как смеялись бы над ним коллеги. А вот эволюционисты сотнями лет высказывают одни и те же положения, одни и те же на них возражения, нисколько не смущаясь, когда изредка кто-нибудь укажет на повторы или, наоборот, на искажение чужой мысли.

Разве еще где-нибудь коллеги допустят утверждать, что некая точка зрения доказана, если в качестве опытных доказательств приведятся никем не поставленные эксперименты?» (Чайковский, 2003).

Это написано в 2003 году как будто специально о проекте Маркова и К^о 2010 года! Такая нынешняя позиция игнорирования авторами основных правил настоящей науки, позиция «намеренного дилетантизма» и даже «пофигизма» к соблюдению законов – стала возможной только в ситуации, аналогичной «крутым парням на дороге», а именно – «победителей» в науке, в силу господствующей парадигмы эволюционизма уже не считающих себя обязанными соблюдать общепринятые нормы. «Наша власть!»

В подтверждение слов, что теория эволюции не является «законной» научной теорией, а лишь идеологически-философской концепцией, можно привести продолжение вышеприведенной мысли Чайковского:

*«Как уже давно заметил Любичев, такая ситуация характерна вовсе не для естествознания, а для **философии**, где противоположные учения сосуществуют тысячелетиями. По этой причине многие считают философию второсортным знанием, однако это неверно –*

*просто она занимается вопросами, **однозначного ответа не имеющими**; едва какой-то ее вопрос получает общепризнанный ответ, он перестает быть философским и становится достоянием конкретной науки, часто новой».*

Действительно, неужели – если бы теория эволюции, согласно Маркову, стояла в ряду «настоящих» теорий, вроде имеющихся ныне теорий или законов, – она допускала бы подобные сегодняшние баталии, а не перешла бы давно в разряд **объективного знания** и не перестала быть «*вопросом, однозначного ответа не имеющим*», этакой вечно загадочной, но уже некоей перезрелой барышней, фанатично охраняемой ее эволюционными братьями «в бурках и папахах» от посягательств на ее честь? (аллюзия из какого-то советского кинофильма).

Адепты современного, общепринятого в «науке» эволюционизма настолько почувствовали себя «свободными и безнаказанными», что стали пренебрежительно относиться даже к **главному своему** методологическому принципу – фальсификации Карла Поппера. Однако подозреваю, что главный редактор «Доказательств эволюции» об этом принципе, возможно, даже не слышал. Или, если слышал, пропустил мимо ушей. Или, если на каком-нибудь «научном банкете» о нем спросил, то услужливые подхалимы тут же посоветовали ему «не обращать внимания на пустяки». По крайней мере, следы такого знакомства с методом Поппера в писаниях «нового портного короля» практически не отыскиваются (а те единичные словоупотребления термина «фальсифицируемость», что отыскиваются, выдают знакомство автора с этим принципом в каком-то извращенном варианте; об этом чуть ниже). Вообще-то, с некоторыми «странными» суждениями Маркова почитатели его методологического таланта могли сталкиваться и ранее:

«А вот в философии я не силен. Извините, не сложилось. Не вижу рационального способа отличить правильное философское утверждение от неправильного. Один философ одно нафилософствует, другой другое, поди разбери. Предпочитаю иметь дело с фактами, экспериментами, цифрами и т.д.» (Запись в комментариях на «Элементах» 06.07.2007 к «Письму на Российское телевидение»)[8].

Первая мысль, которая приходит в голову по прочтении подобных экзерсисий – как можно *«иметь дело с фактами, экспериментами, цифрами и т.д.»* без определенного взгляда на них сквозь призму мировоззренческой концепции или модели; то есть, без «объясняющей» философской идеи, сгенерировавшей в себе уже накопленные знания? Конечно, «эксперименты» и «цифры» здесь – как обычно, для красного словца. Но если человеку упал на голову кирпич (и человек при этом остался жив), откажется ли он от обсуждения предположения – упал ли этот кирпич сам или его намеренно сбросили с крыши? Скажет ли, что предпочитает иметь дело лишь с фактом существования кирпича? Ошарашенные собеседники Маркова возразили на его слова лишь тем, что подобная позиция для них просто необъяснима. Как можно пренебрегать таким огромным пластом научного знания как философия, на протяжении веков разрабатываемого титанами вроде Пифагора, Платона, Аристотеля, Макиавелли, Канта, Лейбница, Пуанкаре, Рассела и др.? *«С таким же успехом можно про химиков сказать, что один – одно нахимичит, другой – другое – поди разбери»* (оппонент Маркова anteу, там же). Подобные провалы в «методологическом образовании» главного редактора ужасны. Читать его порой неловко.

«Доказать существование чего-либо, в том числе Бога, в принципе можно – для этого достаточно лишь найти

доказательства» (Запись в блоге Маркова 30.11.2009).

«В целом гипотеза Бога, с научной точки зрения, на сегодняшний день – пока мы не обнаружили убедительных научных подтверждений, – представляется мне безосновательной. Ученые-естественники ни при каких обстоятельствах не должны ориентироваться на эту гипотезу в своей работе»[9].

Пренебрежение так называемых рационалов к философии хорошо известно. Не копая слишком глубоко, я бы определил философию как взгляд на любой предмет со стороны – что он такое, в чем его суть, что с ним делать. Именно за это альтернативное, углубленное и при этом достаточно свободное «суждение со стороны» рационалы и презирают философию, опускаясь до ефрейторского уровня «Не смей рассуждать! Говорим только мы!» Но именно это презрение к философии (в первую очередь к философии науки) «выходит боком» Маркову практически в каждой его строке. Например, в своем приснопамятном «Письме на Российское телевидение...» автор пишет невероятное:

«Без идеи эволюции весь массив данных, накопленных биологической наукой, становится просто кучей мусора, и никакие «альтернативные», то есть креационистские умствования не могут исправить этого положения».

Это какой-то методологический произвол! Из подобных заявлений напрямую следует, что все так называемые факты, накопленные эволюционизмом (сделаем поправку на традиционные марковские подмены) не самоценны, а без объяснения их в ключе «единственно верного учения» являются чем угодно – мусором, подделкой, ошибкой и т.д. Как говорится, горько слышать! Мы держим в руках черепа хомо эректуса,

неандертальца и современного сапиенса. Если бы не теория эволюции, эти черепа, согласно Маркову, можно считать мусором, казусом, никак иначе кроме эволюционизма не объяснимым? Хуже того – мы смотрим на летучую мышь, переводим взгляд на лошадь – и без эво-объяснения, что они являются ближайшими родственниками, ничего не понимаем в этой жизни. Это – мусор. Здесь первый и последний раз позволю себе методологическую подсказку главному редактору – корректно накопленные факты мусором быть не могут ни в каком случае, мусором могут быть только трактовки этих фактов, например, трактовки эволюционистские.

Но, как говорят в рекламе, это еще не всё. Если не поленишься и попытаться расшифровать другие марковские «непонятки», то мы увидим еще один семиотический казус. Окажется, что **под словом «факт»** главный редактор «Доказательств эволюции» подразумевает ничто иное как **любое свидетельство в пользу эволюции**. Разумеется, по его мнению.

Факт – это нечто существующее или существовавшее в реальности. На интуитивном уровне понятно, что факт – это что-то объективное, несомненное – событие, понятие, предмет. Упал на голову кирпич – голова есть факт, кирпич – факт, но понятие (событие) «упал» уже требует уточнения.

Марков же с такими тонкостями не заморачивается. Поразительно, что он путает реальность факта (например, окаменелость морского ежа, находящегося у него перед глазами) с его эволюционной трактовкой – сама окаменелость ежа по Маркову уже является «фактом» эволюции! В этом смысле показательна фраза, звучащая рефреном во многих его интервью – «Да у меня в институте все полки завалены переходными формами!» В переводе на русский язык это, опять же, означает, что под фактом эволюции палеонтолог понимает «простое» наличие окаменелостей. И он искренне не может

взять в толк, почему другие не ценят и не принимают такого «факта эволюции». По Маркову факт – это нечто, заранее заданное поиском и найденное в подтверждение эволюции:

*«...Сегодня быть компетентным биологом и при этом не признавать дарвиновскую эволюцию путем естественного отбора – или не понимать роли Дарвина в истории науки – по-просту невозможно. Либо вы владеете фактами и ориентируетесь в предмете – и тогда вы эволюционист, поскольку **накопленные факты не допускают иного толкования**, либо вы отрицаете эволюцию – но это верный признак незнакомства с фактами и, следовательно, профессиональной некомпетентности»[10].*

И подобное понимание «факта» рассыпано по всему тексту «Доказательств...».

«Профессионально заниматься биостратиграфией и палеонтологией и при этом быть антиэволюционистом – немыслимо. Это все равно что быть хирургом, полагая, что в артериях течет воздух».

То есть, наличие и расположение окаменелостей в геokolонке уже само по себе, без всяких трактовок и философий, является столь же очевидным фактом эволюции, как и наличие крови в артериях? И артерию, и геokolонку достаточно всего лишь «вскрыть», чтобы факт стал зримым? В этом смысле понятно изумившее некоторых комментаторов «Доказательств...» откровение главного редактора о его личном понимании основ научной методологии:

«Мы собираем факты, потом выдвигаем гипотезу для их объяснения. Из этой гипотезы выводятся проверяемые

следствия (Выделено автором цитаты. – А.М.). После этого начинается самое главное – поиск новых фактов, которые позволяют эти предсказанные следствия проверить (либо подтвердить, либо опровергнуть). Полученные результаты позволяют оценить степень достоверности гипотезы. Чем больше подобных проверок выдержала гипотеза, тем ниже вероятность ее ошибочности».

*«Из этой гипотезы выводятся **проверяемые следствия**»* – в эмпирической науке означает, что дальнейшие эксперименты или наблюдения позволяют проверить, работает ли наша гипотеза, или неизвестные явления объясняются иными причинами. Однако **для теории эволюции** (разумеется, я имею в виду «макро»; и пёс подери эту постоянную необходимость оговорок!) **эмпирика не работает**, поскольку события происходили в прошлом, без свидетелей и лишь однажды в истории. Кстати, также совсем не обязательно, что наша гипотеза, в случае ее хорошей объяснительной способности, верна, ибо даже из неверных посылок можно сделать верные выводы, а «правильные» наблюдения трактовать ложно.

Но то, что говорит Марков далее, можно рассматривать не просто как непонимание (или незнание, или игнорирование) научного метода познания; нет – это можно рассматривать как своего рода «добровольное и чистосердечное признание» в собственных сомнительных методах ведения игры. Позволю себе еще раз повторить фрагмент приведенной выше цитаты:

*«После этого начинается самое главное – **поиск новых фактов, которые позволяют эти предсказанные следствия проверить** (либо подтвердить, либо опровергнуть). Полученные результаты позволяют оценить степень достоверности гипотезы. Чем больше*

подобных проверок выдержала гипотеза, тем ниже вероятность ее ошибочности».

Отличная проговорка-признание. Именно – **поиск**. Самое главное – не эксперимент, не наблюдение, а целенаправленный **поиск!** Таким образом, Марков вольно или невольно **описывает истинные методы «доказательств» эволюционистов**, у которых факты не просто целенаправленно ищутся (и это «самое главное»), но ищутся именно факты, подтверждающие их «гипотезу». Как бы главный редактор «Доказательств...» презрительно ни относился к философии, он должен принять эту печальную данность, что в реальном мире личные философские «настройки» каждого эволюциониста, его идеологические предпочтения (т. наз. доктринальные ожидания) всё равно оказываются решающими факторами отбора при поиске новых фактов, позволяя еще на стадии знакомства с ними принять все подходящие и отсеять неудобные. Более того, именно к опровергающим фактам эволюционисты относятся как-то по-особенному агрессивно. Для любого из них заранее выстроена глухая стена – опровержение эволюции по умолчанию, автоматически считается «ненаучным»; и даже ученых-соратников, предоставляющих такие факты (какие бы звания эти люди ни имели), эволюционисты легко «на войне бросают». Сказать более – с опровергающими эволюцию аргументами ее адепты не удосуживаются даже ознакомиться. Чайковский говорит, что противники дарвинизма предоставили множество опровержений презумпций оппонентов, *«но их доводы дарвинисты не читали, для оправдания чего приняли другую установку: “Не умножай сущностей сверх необходимого”»* (Чайковский, 2003). Поэтому фраза Маркова о поиске фактов, которые позволяют *«либо подтвердить, либо опровергнуть»*, применительно к эволюционистской методологии звучит каким-то особо утонченным издевательством над реальностью.

Верификация по Маркову

Мои слова легко проверить – весь текст «Доказательств...» содержит только победные реляции и грохот фанфар; там нет не только ни одного опровергающего факта, но и факта, создающего хотя бы малую трудность для теории эволюции. Что же, это означает, что опровергающих фактов не нашлось? Нет, это означает, что такие факты были изгнаны, выжжены каленым железом, а оставлены, «собраны» только подтверждающие.

Однако, подобный подход – **избирательная «верификация»** есть грубейшая и фатальная для научной практики ошибка. Чтобы не сказать – подтасовка данных в форме сокрытия нежелательной информации. Подобрать подтверждения, как известно, можно не только любой гипотезе, но даже самой абсурдной идее, однако это в лучшем случае означает лишь, что такие подтверждения гипотезе **не противоречат**. Но и только. Ни о какой истинности и доказанности здесь речи идти не может – при игнорировании опровергающих фактов можно доказать и наличие плоской земли, и построенный социализм, и судьбу, зависящую от расположения звёзд. Такой «доказательный подход» характерен как раз не для творческих и научных, а именно для тоталитарных – или вообще любых, основанных на зависимости – сообществ и является абсолютным аналогом советской (нацисткой, китайской, северокорейской и др.) пропаганды. Вспомните содержание любой советской газеты доперестроечных времен, изо всех сил «верифицирующих» теорию научного коммунизма на стадии победившего социализма и спросите себя – чем «Доказательства эволюции» принципиально, т.е., в нашем случае методологически, от нее отличаются? Тот же грохот фанфар, тот же соцреализм, тот же портрет одноглазого султана в профиль, со стороны зрячего глаза. Избирательная верификация в науке – почти абсолютный аналог выборочного применения закона в судебной практике, то есть, форма про-

извола и свидетельство недееспособности системы.

Если **непосредственная верификация** в случае эволюционной гипотезы невозможна (нельзя поставить эксперимент и даже наблюдать процесс), то даже **«косвенная верификация, позволяющая установить логические отношения между косвенно верифицируемыми утверждениями»** (или, согласно более точной формулировке А.Н. Лунного, дать **«совокупность косвенных свидетельств»**), все равно не идет дальше возможности **«в первом приближении ограничить научное знание от явно вненаучного. Однако [она] не может помочь там, где система идей скроена так, что решительно все возможные эмпирические факты можно истолковать в ее пользу – идеология, религия, астрология и т.п.»**[11]. В этом списке, разумеется, есть и почетное место эволюционизму, который является и идеологией, и религией.

Фальсифицируемость по Маркову

В «методологии», описанной Марковым, как я уже сказал, чудесным образом отсутствует критерий **фальсификации**. У процитированной выше Наталии Кириенко читаем также:

*«Критерием научного статуса теории является ее фальсифицируемость, или опровержимость, то есть, только то знание может претендовать на звание “научного”, которое в принципе опровержимо. Принцип фальсификации **делает знание относительным, лишая его неизменности, абсолютности, законченности**»* (Кириенко, 2004).

В общем случае именно нефальсифицируемость утверждений эволюционистов (как и любых религиозных концепций) позволяет говорить о них, как о ненаучных – никакие гипотетические «кролики в архее» эволюционизм не фальсифици-

ругут. Учитывая избирательность «поиска фактов» в эволюционизме, любой «кролик в архее» будет объявлен либо подделкой, либо шуткой археологов, либо интрузией (проникновением из верхних слоев в нижние). Эволюционисты легко могут заявить о цикличности возникновения и развития жизни на нашей планете, приписав «кролика» предыдущему циклу и т.д. Любопытно, что такие фальсификационные аналогии «кролика в архее» как мягкие ткани динозавров с официальным возрастом до 80 млн. лет, те же авторы «Доказательств...» проглатывают, не поморщившись.

Что касается понимания Марковым принципа фальсифицируемости, то в «Доказательствах...» присутствуют всего четыре упоминания (точнее, примера) этого принципа, два из которых принадлежат неназванному википедийному автору, и только два – предположительно перу главного редактора. В первом примере Маркова речь идет даже не о теории эволюции, а о нефальсифицируемости одного из аргументов «анти-эволюционистов»:

*«...“макроэволюцию – превращение одного вида в другой – мы все равно отрицаем” (якобы говорят антиэволюционисты. – прим. А.М.). В ответ на приводимые биологами доказательства превращения одного вида в другой антиэволюционисты обычно заявляют: “ну, значит, это не два разных вида, а один и тот же вид”. Поскольку четкого и строго определения вида нет (и быть не может, т.к. виды постепенно эволюционируют и перетекают один в другой подчас весьма плавно и постепенно), такая аргументация оказывается принципиально непроверяемой, **нефальсифицируемой**, т.е. не научной».*

Но только-только мы смирились с неправотой креационистов и невозможностью «четко и строго определить вид», как сразу вслед за предыдущей фразой автор пафосно сообщает:

«Однако у биологов есть и неопровержимые доказательства превращения друг в друга таких форм, про которые не может быть двух разных мнений: это однозначно разные виды и даже порой разные роды...».

Вот как надо правильно подрывать гранатой противника – подорвать его в клочья вместе с собой! Так фальсифицируемо или нет рассматриваемое гипотетическое утверждение «антиэволюционистов»? Оставим без внимания истинность или ложность последней приведенной цитаты. Но разве автор не понимает, что в его логике это и есть **фальсификация** аргумента противника? – то есть, если четкая граница между видами «неопровержимо доказана», то аргумент креационистов, выходит, всё же фальсифицируем, и, следовательно, научен. На всякий случай отмечу для читателя, что я не пытаюсь «онаучить» креационизм, а лишь разбираю ситуацию с точки зрения «логики» ее автора («логики», где можно высказывать нечто прямо противоположное в двух соседних предложениях), ибо вся приведенная конструкция сама по себе неадекватна в силу ложных посылок.

Второй (и последний!) пример использования Марковым (или Марковым-редактором, неважно) термина «фальсифицируемость» в проекте «Доказательства эволюции» не менее оригинален.

*«Сам факт наличия наследственной изменчивости необходим для эволюции, и если бы оказалось, что ДНК устойчива к изменениям, это означало бы конец теории. <...> ...версию об эволюционном происхождении от общего предка пришлось бы пересматривать, то есть это еще один пример **фальсифицируемости** теории эволюции».*

На самом деле это еще один пример непонимания или игнорирования методологии науки. Ссылка на отсутствие абсурда абсурдна сама по себе – можно взять любое явление и ска-

зять, что **это как раз то, чего мы ожидали бы от эволюции**, а противоположный сценарий ее фальсифицирует. Если бы у людей не рождались дети, это означало бы конец важнейшего фактора эволюции, наследственности. Или – если бы жизнь на земле не самозародилась, эволюция оказалось бы невозможной. Это некорректный и безграмотный по сути прием своеобразного предсказания задним числом, поскольку, во-первых, нам уже наверняка известно, что у бабушки, так сказать, нет усов и она не дедушка, и, во-вторых, уже априори подразумевается, что эволюция была реальностью. В силу своей некорректности подобные *«примеры фальсифицируемости»* годятся для любой модели. Если бы оказалось, что ДНК устойчива к изменениям (пишу и ловлю себя на том, какую фантастическую чепуху приходится рассматривать), то, следуя логике Маркова, это означало бы, к примеру, и конец креационной модели, поскольку сделало бы невозможным происхождение современных групп организмов от бараминнов; следовательно, изменчивость есть пример фальсифицируемости креационизма, который, соответственно, является научным (разумеется, я опять лишь зеркало «аргумент» Маркова, а не утверждаю сказанное). Эволюционисты любят потчевать своих оппонентов чеховским «Письмом к ученому соседу», намекая на недалекость их аргументов, однако уровень аргументации Маркова при всем его кажущемся реализме почти не уступает чеховской карикатуре – и аргумент «Письма...» вполне мог бы быть включен в марковский список. Действительно, тот факт, что «цыганы» не водят нас в виде хвостатых существ по ярмаркам, в логике Маркова (вопреки утверждениям отставного урядника Семи-Булатова) как раз и означает, что эволюция от обезьян к человеку имела место, а вот если бы водили... Таким образом, мы имеем еще один пример фальсифицируемости теории эволюции!

Вообще, использование «доказательств» (на самом деле каких-то тугодумных измышлений), работающих на обе сто-

роны, но приписываемых в качестве «неопрровержимых» только одной из них, – это отличительный, фирменный стиль Александра Маркова. Например, там же, после приведенных цитат:

«Антиэволюционизм, напротив, не может предложить никаких внятных объяснений наблюдаемого единства генетического кода у всех организмов».

Помилуйте, голубчик, это креационизм-то и *Intelligent Design* (как главные из «антиэволюционизмов», чего уж там лукавить) не могут предложить *«никаких внятных объяснений наблюдаемого единства генетического кода»*? Перефразируя сатирика, быстро спрячьте своё «внятное»! Представляю себе эксперта, который сказал бы о картинах неизвестного художника, что все они появились в результате многочисленных случайных падений капель краски на холст (холст при этом отобрал и закрепил самые удачные, цепкие и прочные краски), а вот эксперты-искусствоведы не могут предложить никаких внятных объяснений происхождения этих картин и наблюдаемого единства стиля. Впрочем, популяризаторы эволюционизма, подобные Маркову, не только способны «читать в сердцах художников», но и лучше Самого Творца знают, чего Тому надлежало делать, и чего Он сделал неправильно:

«Творец вполне мог бы снабдить разные виды сотворенных им существ разными генетическими кодами – ну хотя бы для того, чтобы не вводить биологов во искушение, предоставляя им еще один чрезвычайно весомый довод в пользу эволюции».

Как говорят в Одессе, я вас умоляю... *«Во искушение»*. В этом случае любой эволюционист без запинки сказал бы, что именно разнообразие вариантов ДНК есть лучшее доказательство эволюции (а Бог, напротив, творил бы всё по еди-

ному плану), и что у каждого типа ДНК-несходных существ имелся предок и эволюционный ряд со своим собственным кодом. «Делов-то»!

Два других примера фальсифицируемости, присутствующие в работе Маркова и К^о, принадлежат десятому неназванному автору «Доказательств...», участие которого в этом проекте остальные авторы с некоторых пор не афишируют. Эти примеры столь же мало адекватны, как и марковские, и сверстаны по тому же рецепту – гипотетически иной, чем в реальности, сценарий или явление объявляем примером возможной фальсифицируемости теории эволюции. Ибо то, что имеем вокруг себя, может быть только ее результатом! Адекватных же примеров в работе Маркова и К^о нет. Впрочем, надо отметить, что это общее правило – предлагаемые эволюционистами примеры фальсифицируемости ТЭ всегда содержат нечто двусмысленное, принципиально невыполнимое или просто нелепое.

Прошу обратить внимание читателя – я сейчас говорю не о том, научна ли «теория» эволюции и **достаточно** ли общепринятая научная методология как таковая для детектирования собственно научности тех или иных теоретических выкладок, не говоря уже об их истинности... Я о другом. Меня удивляет крайне пренебрежительное отношение главного редактора «Доказательств...», беспрестанно и бесконечно повторяющего рефрен о науке и ее всесии, к **собственным правилам игры**. Принцип фальсификации Карла Поппера, в числе прочего оставляющий любую теорию «живой», открытой для дальнейшего развития, являющийся сдерживающим противовесом любой «оголтелой верификации», здесь отмечается **на правах победителя**. Я слышал, что руководство компании «Apple» при выпуске новой операционной системы платит немалую премию тому, кто сможет ее взломать или найти в ней «дыры», ибо сама кровно заинтересована в надежности своего продукта. Любой ученый, по мнению Ю. Чайковского,

должен быть благодарен тому, кто укажет на изъяны в его построениях. Напротив, главный редактор «Доказательств...», как и многие его единомышленники, не только намеренно прячут все «дыры» своей гипотезы, но моментально приходят в агрессивное состояние при задавании «неудобных» вопросов. Ощущение типа «Что-то ты, Герасим, недоговариваешь...» – присутствует на протяжении всего чтения. Когда Марков говорит о теории эволюции как об окончательной истине, то с точки зрения философии науки он режет свою любимицу под самый корень, превращая ее в монументальное надгробие самой себе. Понимает ли он это? Ричард Фейнман, выдающийся физик, нобелевский лауреат, один из отцов квантовой электродинамики, пишет о подобном подходе:

«...Вся история научных исследований наводит на эту мысль. Поэтому стоит назвать ее сейчас со всей определенностью.

Это научная честность, принцип научного мышления, соответствующий полнейшей честности, честности, доведенной до крайности. <...>

*Если вы подозреваете, что какие-то детали могут поставить под сомнение Вашу интерпретацию, – приведите их. Если что-то кажется вам неправильным или предположительно неправильным, сделайте все, что в Ваших силах, чтобы в этом разобраться. Если вы создали теорию и пропагандируете ее, **приводите все факты, которые с ней не согласуются так же, как и те, которые ее подтверждают.** <...>*

*Короче говоря, моя мысль состоит в том, что надо стараться опубликовать **всю информацию**, которая поможет другим оценить значение Вашей работы, **а не одностороннюю информацию, ведущую к выводам в заданном направлении.** <...>*

*Я хотел бы добавить нечто, не самое, может быть, существенное для ученого, но для меня важное: вы как ученый **не должны дурачить непрофессионалов.** <...> Я говорю об особом, **высшем, типе честности,** который предполагает, что вы как ученый сделаете абсолютно все, что в Ваших силах, чтобы **показать свои возможные ошибки.** В этом, безусловно, состоит долг ученого по отношению к другим ученым и, я думаю, к непрофессионалам. <...>*

*Публикуя результаты только одного сорта, мы можем усилить нашу аргументацию. **Но мы должны публиковать все результаты**»[12].*

С сожалением вынужден констатировать, что вышеприведенные слова к коллективу под руководством А. Маркова и написанным ими текстам – **не относятся.** Научная честность, стремление «публиковать все материалы», «не дурачить самого себя и непрофессионалов» – вот что отсутствует в труде Маркова и К°. Тут нужна просто **честность,** как заметил Фейнман. Честность, которая в «Доказательствах эволюции» является понятием крайне дефицитным.

Парефразируя суждение Солженицына о советской литературе, можно сказать, что теория эволюции есть теория нескольких мелких правд, но **основана на клятве воздержания от главной правды.** Это и есть основная «научная методология» Александра Маркова. Его философская аргументация кичлива и беспредметна, а «предметная» мало того что расплылена, уведена в детали – так еще и абсолютно односторонняя. Как ни крути, а научная добросовестность требует от автора «**обдумывать свою идею всесторонне, в том числе и с разных существенных позиций** – только тогда в ней обнаружатся изъяны» (Чайковский, 2003). Но, как говорил Жванецкий, об этом можно только мечтать!

Предсказательная сила теории

Итак, понятно, что Марков не мог и не смог привести ни одного адекватного примера фальсифицируемости ТЭ, а непосредственная верификация макроэволюционных событий, происходивших в отдаленном прошлом, невозможна. Но о каких же все-таки проверяемых следствиях говорил главный редактор «Доказательств...»? Если теория работает, мы можем на ее основе сделать предсказания, вытекающие из нее, и проверить их. По крайней мере, Марков и К^о уверенно заявляют, что *«эволюционная теория – весьма эффективное практическое средство, позволяющее предсказывать новые, еще не открытые факты, целенаправленно искать их и находить»*. По словам главного редактора, с помощью теории эволюции были сделаны некие важные предсказания, которые *«направили работу исследователей в определенную сторону (т.е. стали исследовательской программой)»* (выделено автором цитаты. – А.М.) и *«привели к успеху, то есть к открытию новых фактов, прежде неизвестных, но предсказанных теорией»*. Что же это за успех и что за предсказания, которые направили работу ученых в определенную сторону?

«К числу самых известных примеров относится предсказанная Дарвином длительная история жизни на Земле в период, предшествовавший “кембрийскому взрыву” – и триумфальный успех палеонтологии докембрия в XX веке; предсказанное и подтвержденное основателями молекулярной генетики единство генетического кода всех живых организмов <...>, многочисленные предсказанные и найденные ископаемые переходные формы (например, тиктаалика искали совершенно целенаправленно в отложениях строго определенного возраста, там, где была “дырка” между уже известными переходными формами от рыб к четвероногим».

Читатель наверняка заметил, что самые убойные примеры, иллюстрирующие ТЭ как *«практическое средство»*, сами по себе, в декларируемом виде, на самом деле имеют лишь познавательную, удовлетворяющую любопытство, а не **практическую** ценность. Впрочем, с познавательной ценностью у этой «теории» тоже проблемы.

«Предсказанная Дарвином длительная история жизни на Земле в период, предшествовавший “кембрийскому взрыву”»? Да, вот уж весьма смелое, рискованное предсказание – увидев дерево, предсказать, что у него есть корни. Но весь юмор в том, что у кембрийского «дерева» не нашлось даже «корней»! Работа одного из авторов доказательств, А. Журавлева, на которого дается ссылка в подтверждение триумфа эво-теории, вопроса не проясняет (автор лишь пытается выстроить филогенетические отношения внутри уже известных кембрийских форм), а фраза Маркова о *«триумфальном успехе палеонтологии докембрия в XX веке»* относится лишь к открытию эдиакарской фауны, официально чуть ранее по времени предшествовавшей кембрийской, но для нее **не предковой**. Поэтому с «триумфами» и «сбывшимися предсказаниями» Марков намеренно вводит читателей в заблуждение – предсказание Дарвина хоть и очевидное, банальное, логически выводимое из наличия кембрийской фауны как таковой, тем не менее – не сбылось, предковая для кембрия фауна в летописи отсутствует, и многокилометровые слои докембрийских пород в этом смысле по-прежнему девственно чисты.

Стоит заметить также, что все приведенные Марковым примеры «предсказаний», начиная от докембрийской фауны и далее, обладают как минимум двумя системными, «терминирующими» их, изъянами. Во-первых, они являются либо банальными, нерискованными предположениями, либо констатацией уже сделанных открытий; и, во-вторых, имеют отношение не к собственно теории эволюции, а к обычной логи-

ке и практике научного исследования как такового. Понятна ли самому Маркову заявленная им эффективная лингвистическая конструкция о предсказаниях в рамках теории эволюции, приносящей практическую пользу и, так сказать, руководящей и направляющей поиски? Насколько я понимаю, практическая роль теории должна сводиться к следующему – у исследователей гипотетически существует множество вариантов и решений «необычного» наблюдаемого факта, но в рамках определенной теории они выбирают совершенно определенное, узкое направление поиска, которое, если теория адекватна, приводит к успеху. Так вот, ни один из примеров, приведенных Марковым, этому рядовому условию не отвечает.

«Предсказанное и подтвержденное основателями молекулярной генетики единство генетического кода всех живых организмов» – пример «предсказания» по типу «вряд ли ошибусь, если предположу, что...». После расшифровки ДНК в 50–60-х годах прошлого века ученые для продолжения работ в первую очередь постулировали принцип единства генетического кода для всех организмов, но не в соответствии с руководящей и направляющей ролью «теории» эволюции, а исходя из принципа экономии предположений, так называемой парсимонии – первым делом предполагается простота, а сложность, что называется, нас сама в случае чего найдет (и действительно, позже всплыли полтора десятка вариантов генетического кода плюс многочисленные проблемы с его так называемой эволюционной историей). Как ни крути, а мысль о единстве генетического кода логическим образом вытекает из наблюдаемого единства важнейших свойств всего живого, и подобный прогноз в любом случае вряд ли может считаться рискованным. (А уж является ли причиной такого единства эволюция или разумное проектирование – вопрос совсем из другой оперы. В этой связи я рекомендую читателю ознакомиться с гипотезой «универсального генома» М. Шермана, высказанной с позиций разумного дизайнера и самому сде-

лать вывод, какое из двух объяснений генетического единства организмов более соответствует реальности).

«Многочисленные предсказанные и найденные ископаемые переходные формы» – это, видимо, какая-то неудачная шутка. Это самое слабое, провальное место «теории» эволюции, которое мы в силу неадекватности ее доказательств в этой части работы рассматривать даже не будем. Так шутить могут только эво-пропагандисты. Конечно, всегда можно выдать курицу за оперенного динозавра, но это вряд ли спасёт положение. Ответы на самые важные вопросы, включая происхождение человека, эволюционная теория от нас до сих пор скрывает.

Что же касается тиктаалика, найденного якобы в заранее предсказанных отложениях геоколонки, то это – из разряда тех «триумфов», когда триумфаторы во время патетической речи вдруг падают с коня или с грохотом проваливаются под трибуну.

«...например, тиктаалика искали совершенно целенаправленно в отложениях строго определенного возраста, там, где была “дырка” между уже известными переходными формами от рыб к четвероногим».

Если забыть целый ряд натяжек, связанных с находкой и интерпретациями фрагментов тиктаалика, то фраза Маркова звучит, казалось бы, впечатляюще. Однако вскоре после написания и появления в сети «Доказательств эволюции» в Польше были обнаружены многочисленные следы тетраподов, датированных возрастом 395 млн. лет (самое начало среднего девона), что на десятки миллионов лет предшествует всем тем «перспективным» существам, которые, по мнению победившего эволюционизма, еще только готовились стать четвероногими. Столь раннее свидетельство существования уже «готовых» амфибий уничтожает всю прежнюю цепочку «эволюции от рыб к тетраподам», включая, разумеется, и ис-

когого тиктаалика, и лишает их всех статуса «переходных» форм. Не дополняет, не корректирует, а именно уничтожает. Вот такая она надежная штука, предсказательная сила теории эволюции. Вы ломаете копыя по поводу одного тиктаалика, а гулким медным тазом вдруг накрывается весь эволюционный океанариум[13]. Надо ли говорить, что в связи с польской находкой медным тазом накрывается также и довольно значительная часть «Доказательств эволюции», посвященная всем этим якобы переходным формам, тонкостям превращения плавника в конечность и макроэволюционным обоснованиям этих процессов (написанная вполне пафосно и теперь смотрящаяся комично). И всё это вкупе с явной искусственностью цепочки «эволюции» китообразных, не говоря уже о якобы эволюции человека. Так что – «Сеня, про зайцев – это неактуально!»

...Вдруг неожиданно, так же как и начались – убойные примеры эволюционный «предсказаний» у Александра Маркова отчего-то кончаются, и он как-то суетливо переходит на «мелочи».

«Но убежденность биологов основана не столько на этих хрестоматийных и широко разрекламированных триумфах эволюционной теории (вот как надо уметь выдавать нищету за богатство! Триумфы эволюционной теории! – прим. А.М.), сколько на бесчисленном множестве открытий меньшего масштаба, но зато повседневных и повсеместных, которые были выполнены по алгоритму “предсказал – проверил – подтвердил”. Рассмотрим пару примеров, взятых наугад из статей, опубликованных в течение последнего месяца».

Александру Маркову можно лишь посочувствовать, так как перед ним стоит сложная, хотя и благородная задача – натянуть резиновую маску эволюции на примеры обычных биологических исследований, свободных от каких-либо фило-

софских и идеологических воззрений. Вообще, вся ситуация с примерами «предсказаний» на страницах «Доказательств эволюции» похожа на то, как нас поначалу зазвали бы в богатый дом обещаниями лучших угощений, осетрами да балыками, а на деле выдали три каменных сушки. Когда же хозяева стали бы уверять, что сушки, это «хрестоматийное изобилие угощений», но имеется еще и «бесчисленное множество угощений меньшего масштаба», – то вы были бы совершенно правы, предположив, что «хрестоматийное изобилие» – это последнее лучшее из возможного, и далее никакого угощения выше заплесневелых корочек вам ожидать не стоит.

Первый из примеров «предсказаний», «взятых наугад из статей», оставляет чувство крайнего недоумения. Речь идет о так называемых бделлоидных коловратках, по словам Маркова, утративших половое размножение еще в далеком прошлом, но доживших до наших дней. Причиной вымирания таких животных, говорит автор, служат паразиты, но раз коловратки выжили, ученые задались вопросом – как они сумели защититься от этих пресловутых паразитов?

*«...Если теория верна, – подпускает драматизма Марков и тут же выдает искомое «предсказание», – **у коловраток должно быть какое-то «тайное оружие» против паразитов, позволяющее им процветать невзирая на отсутствие полового размножения»** (выделено автором цитаты. – прим. А.М.).*

Вот уж предсказание так предсказание! Рискованное, смелое – а вдруг не сбудется? А вдруг у коловраток, выживших, так сказать, по факту, не окажется какого-нибудь механизма защиты от паразитов? Тогда теория эволюции будет поставлена под удар и противники закричат, что она, наконец-то, фальсифицирована?!

Но нет. Страхи оказались напрасными. Видимо, именно теория эволюции, единственно верная, организующая и на-

правляющая, не только шепнула ученым, что животное, не страдающее от паразитов, каким-то образом от них защищено, но и что для получения ответа на вопрос «а, собственно, что тут происходит?» – коловраток нужно исследовать! Сказано – сделано. Ученые изучили коловраток в лабораторных условиях и выяснили, что те спасаются от паразитов двумя своеобразными приемами – усыханием и проветриванием, когда в обезвоженном виде они переносятся ветром на большие расстояния. Воистину Господь сотворил уникальный организм, однако не существует крепостей, которые не смогли бы объявить своей собственностью большевики, то есть, прощу прощения, эволюционисты-популяризаторы. И Марков подводит ошеломляющий итог:

«Таким образом, предсказанное эволюционной теорией (??? – А.М.) “тайное оружие” коловраток было успешно найдено благодаря целенаправленному поиску» (выделено автором цитаты. – прим. А.М.).

Нет, я не хочу взывать к совести автора, я лишь надеюсь на здравомыслие еще не определившихся со своими взглядами людей, окучиваемых подобными просветителями. Однако кто может объяснить мне, непросвещенному, где и в каком виде в приведенном примере наличествует предсказание, да еще в рамках эволюционной теории, да еще давшее ученым верное направление поисков?^[14] При чем здесь вообще – какая-то «теория» эволюции, если *«предсказывать новые, еще не открытые факты, целенаправленно искать их и находить»* можно в рамках обычного исследовательского процесса, опираясь на стандартный «общечеловеческий», идеологически нейтральный научный метод? С тем же успехом и с теми же вопросами («блин, а как коловратки, интересно, защищаются от паразитов?») этих коловраток мог бы изучать и любой противник эволюции – искомая «теория» здесь имеет не большее значение, чем, скажем, в наши школьные годы

какой-нибудь вездесущий потрет Ильича над доской в классе биологии. Эволюционизм здесь – помощник ученому с того же боку, что и ленинизм в изучении биологии школьнику; разве что оба «изма» чётче ходить строем способствуют.

Такого же примерно качества и второе «предсказание». Здесь автор дает волю своей фантазии, живописуя на манер лукасовских «Звездных войн» специфические *«спермовые войны»* у животных – то есть некую, в изложении автора, сознательную конкуренцию сперматозоидов *«для победы в отчаянной гонке»* при так называемой полиандрии – спаривании самки со многими самцами. В данном примере фигурируют американские хомячки рода *Peromyscus*. Всем, кому уже исполнилось шестнадцать, я настоятельно рекомендую к прочтению эту фантастическую балладу, где быстрой и живой кистью описаны этические и эмоционально-психологические взаимоотношения между сперматозоидами американских хомячков. Оказывается, чтобы повысить *«шанс на бессмертие»* и победить в *«спермовой войне»*, сперматозоиды определенного самца не идут в атаку в одиночку, а объединяются в группы со «своими», из своего «захода», дабы обогнать сперматозоиды конкурентов (типа «братва, вместе прорвемся!»).

«В кооперации сперматозоидов, – воспаряет над прозой жизни автор ввиду явившейся ему «спермовой» Музы, – присутствует элемент альтруизма, ведь из всей группы только один сперматозоид может передать свои гены следующим поколениям, а все остальные жертвуют собой, чтобы ему помочь. Но они, скорее всего, не знают заранее, кто именно окажется счастливым <...> каждому сперматозоиду выгодно пожертвовать частью собственных шансов на успех ради родственников, если их суммарный выигрыш от этого более чем вдвое превысит его проигрыш. Совсем другое дело, если речь идет о чужих сперматозоидах: помогать им во вред себе совершенно невыгодно».

Давным-давно, когда я работал в театре механиком, режиссер в зале во время репетиции кричал по поводу чьей-нибудь торчащей из кулис любопытной головы: «Уберите наблюдателя!» Такое ощущение, что Марков основательно подслушал разговоры сперматозоидов, в особенности, был свидетелем торга и угрызений совести отдельных членов трудового коллектива по вопросу – жертвовать собой ради общего блага или нет.

«Предсказание» является как снег на голову:

«Таким образом, эволюционная теория предсказывает, что у видов, для которых характерна полиандрия, отбор может поддержать способность сперматозоидов отличать родню от чужаков и кооперироваться только со «своими» (выделено автором цитаты. – прим. А.М.).

Что это? Что значит *«таким образом»*? Вывод здесь никак не следует из посылки. То, что Марков пытается назвать предсказанием, следует не из теории эволюции, а из его собственных фантазий о разумном поведении сперматозоидов. То есть уже изначально мы видим систему рассуждений, при которых любое произвольное утверждение будет основанием для вывода о феноменальной предсказательной способности теории эволюции. Например, пчелы понимают, что строить свои соты выгодней не в одиночку, а коллективно, *«таким образом, эволюционная теория предсказывает»*, что пчелы для возведения сот будут объединяться в семьи. Футболистам теория эволюции предсказывает, что для прорыва к воротам противника результативнее пробиваться группой и т.д. При подобной широте мысли можно смело утверждать, что теория эволюции способна предсказать всё.

Однако необходимо отделить заявленный пример прогноза как таковой от марковского его изложения, ибо проблема для Маркова в том, что никакого предсказания, сделанного в рамках эволюционной теории, не было. В исследовательской

статье речь, как и в предыдущем случае с коловратками, идет не об открытии, сделанном в результате предсказания, а об изучении уже открытого явления. Заметив, что сперматозоиды хомячков при полиандрии группируются, ученые стали изучать сей факт и в результате якобы выяснили, что группа сперматозоидов движется несколько быстрее, чем одиночные претенденты. Разумеется, у всякого нормального исследователя при имеющихся вводных наверняка первым делом должен возникнуть вопрос – по какому принципу сперматозоиды собираются вместе? Хаотично ли формируется «группа прорыва» или собирается из спермы одного претендента на отцовство? Эти свои предположения авторы оригинальной статьи и проверяли. Таким образом, никакого конкретного предсказания, сделанного в рамках эволюционной теории – и не задним числом, а до эксперимента – не было и быть не могло; Марков путает (или намеренно подменяет) теоретический научный прогноз примером стандартного лабораторного изучения явления, идущего через проверку ряда предположений. Но под грохот фанфар о торжестве эволюционного предсказания нашего просветителя понесло:

*«Как и в предыдущем примере, **неизвестный ранее факт – умение сперматозоидов группироваться по родственному принципу – был обнаружен в результате целенаправленного поиска.** Эволюционная теория подсказала исследователям, что искать и где, и привела их к успеху»* (выделено автором цитаты. – прим. А.М.).

То есть Марков пытается сделать вид, что ученые имели некую загадку, решение которой стало возможным только в рамках определенной теории. Не хочется уводить читателя в сторону, но обратим внимание на стилистический шедевр – *«неизвестный ранее факт, обнаруженный при целенаправленном поиске»*. Поначалу эта фраза может показаться абсурдной. Мол, как можно целенаправленно искать то, о чем

понятия не имеешь? Не объяснить теорией трудный факт, а именно не иметь о нем представления, пока теория тебе не шепнет, подсказывая, что именно и где искать. Однако в марковской системе координат, в системе его восприятия подобный перл – *«неизвестный ранее факт, обнаруженный при целенаправленном поиске»* – вполне себе этой системе соответствует. Ведь по сути Марков еще раз подтвердил, что он понимает науку лишь как **целенаправленный поиск эволюционных фактов**, а объяснение (не предсказание а именно объяснение задним числом) любого явления исключительно в рамках теории эволюции считает очередным успехом и подтверждением этой теории. Он и его единовверцы заранее не знают, что найдут, но обратив свой взгляд на нечто, к чему можно прилепить ярлык эволюционизма, именно так сей «факт» радостно и воспринимают – мол, в результате целенаправленных поисков свидетельств эволюции еще один факт, неизвестный ранее, был успешно обнаружен. Пчелы делают соты, футболисты пробиваются к воротам, сперматозоиды хомячков объединяются! И гулять так гулять, – в подобной «логике» допустимо даже заявить, что теория эволюции таки предсказала находку любого подобного факта; ведь, согласитесь, его искали не абы с каким, а именно с эволюционным посылом, особой эволюционной «атмосферой», эволюционными ожиданиями и, собственно, ради эволюции! Предсказали, что что-то найдут – и вот ведь, нашли!^[15]

Таким образом, считать последний пример Маркова убедительным также не приходится. Не говоря уже о том, что манера и стилистика, в которых подал это «предсказание» автор, являются своеобразной **доверительной, художественной формой обмана читателя**. Любой человек, адекватно воспринимающий реальность и не презирующий здравый смысл, легко увидит, что Марков нарисовал нам несуществующий мир и несуществующие положения. Я чувствую себя последним сухарём и занудой оттого, что приходится возра-

жать на столь высокие полеты творческой фантазии художника. Однако без приземления художника тут не обойтись. Марков банально морочит читателю голову, подменяя реальность своими фантазийными антропоморфными метафорами (подробнее об этой особенности Маркова пишет профессор Е.Н. Панов в статье «Есть ли альтруизм у бактерий?» См. также статью Е.Н. Панова «О книге А.В. Маркова „Эволюция человека“»). Прискорбно, но сперматозоид не является личностью, не может оценивать ситуацию, прикидывать свои шансы, принимать решения и жертвовать собой. И сам пример, и описание процесса – логически и стилистически незаконны в таком контексте. Поэтическое произведение, в котором живой или неодушевленный мир, окружающий человека, выведен антропоморфно, именуется басней. Поэтому я знаю, что в анналах современной культуры теперь есть басня и про сперматозоиды. Что-то вроде драматической, но поучительной истории о самоуверенном эгоисте: «Как-то раз сперматозоид обособиться решил...»

Завершая тему предсказаний, позволю себе перефразировать Аткинса. Вся суть марковского популяризаторского метода можно выразить так – наш герой сначала пускает из лука стрелу, а потом рисует вокруг торчащей стрелы мишень, уверяя нас, что попал в десятку. А настоящая, практическая ценность так называемых эволюционных предсказаний и якобы сделанных с помощью теории эволюции открытий в фантазиях Маркова столь же очевидна, как в анекдоте о счастливом владельце машины: «И что бы я без машины делал? А с ней столько за день успел – и в автосервис съездил, и в ГАИ со штрафом разобрался, и антифриз купил, и заправился! Да, машина это крайне полезная вещь, и очень экономит время!»

Вот такой всемогущей и спасительной машиной Маркову представляется эволюция, без которой он уже не мыслит ни одного дела, хотя все дела, весь их кажущийся успех есть результат лишь банальной «подсадки» водителя на предмет своего обожания.

Примечания и ссылки к Части I

Все цитаты авторов «Доказательств эволюции» выделены мной коричневым цветом; авторская орфография, даже самая вопиющая, сохранена; собственные выделения авторов цитат указаны в каждом случае. Поскольку наши с Марковым инициалы совпадают, «*прим. А.М.*» во всех случаях, это «примечание Алексея Милюкова», любые другие примечания в тексте и цитатах отсутствуют.

1 Доказательства эволюции. Сетевой проект (<http://evolbiol.ru/evidence.htm>) под редакцией А.В.Маркова. Авторы: Н.М.Борисов, Ф.Ю.Воробьев, А.М.Гиляров, К.Ю.Еськов, А.Ю.Журавлев, А.В.Марков, А.А.Оскольский, П.Н.Петров, А.Б.Шипунов. 2010 г.

2 Как и в других «просветительских» писаниях Маркова, почти всё здесь неточно, ошибочно или приблизительно. Разбирать тот или иной мелкий ляп или перл – означает выделять его из числа других, а это было бы несправедливо по отношению к другим его перлам. И, тем не менее – я верю, что когда-нибудь Маркову кто-нибудь объяснит (или жизнь научит), что «*далекие от науки люди*» или «*далекие от биологии люди*» – не есть аргумент неправоты этих людей или синоним их внушаемости, а, напротив, «*грамотные биологи, геологи и астрофизики*», то есть «близкие к науке люди» – в данном контексте есть очередная подмена, которую следует читать как «одержимые теорией эволюции». Если авторитетные, «*крупные*» ученые высказывались против эволюции, то, любопытно, как эти высказывания дезавуируются «*грамотными биологами, геологами и астрофизиками*», пусть и не отрицающими миллиардолетние сроки? Мухи и котлеты – всё здесь свалено в кучу. С кем всё-таки спорят авторы – с отрицателями эволюции или опять же, именно с креациониста-

ми? А разговор в терминах «такие-сякие могут похвастаться лишь немногим» – автоматически означает хвастовство самого автора якобы «многим». Ну а уж перлы вроде того, что антиэволюционистам *«...удалось внушить значительной части населения ложное представление о наличии разногласий в науке по поводу реальности эволюции»* – с головой выдают образ жизни автора, а именно сидение в башне из слоновой кости при полном незнакомстве с реальной жизнью «населения». Автору небезынтересно будет узнать, что *«населению»* (пошлый советский эвфемизм), тем более *«значительной его части»*, нет ни малейшего дела ни до науки, ни до разногласий внутри научного сообщества по поводу реальности эволюции. Вопросы защиты эволюционной философии – удел узкого круга религиозных фанатиков (не путать с учеными, занимающимися практической работой); и даже противостоящих им не так много. Противостояние и противодействие этой эволюционной публике никогда не были б столь актуальны, когда б те не лезли с известным рылом в калашный ряд, то есть, не претендовали бы на «объяснение» феномена человека (вопроса, в котором они по умолчанию ничего не понимают) в терминах животного.

3 Письмо А. Маркова на Российское телевидение. «Элементы», 28.06.07. Адрес в сети: <http://elementy.ru/news/430552>

4 Например, классическое определение из БСЭ ни в чем не противоречит взглядам креационистов:

«Эволюция биологическая, историческое развитие организмов. Определяется наследственной изменчивостью, борьбой за существование, естественным и искусственным отбором. Приводит к формированию адаптаций (приспособлений) организмов к условиям их существования, изменениям генетического состава популяций, видов, образованию, а также вымиранию менее приспособленных видов, преобразованию биогеоценозов и био-

сферы в целом. Впервые термин «Э.» был использован в биологии швейцарским естествоиспытателем и философом Ш. Бонне (1762). Причины и закономерности Э. составляют предмет эволюционного учения» (Большая Советская Энциклопедия).

Или, скажем, одно из определений эволюции из FAQ сайта Talk Origins также не вызвало бы у креационистов возражения:

«Biological evolution is a change in the genetic characteristics of a population over time» («Биологическая эволюция – это изменения в генетических характеристиках популяции со временем»).

5 Это не так. **Во-первых**, подавляющему большинству ученых в их практической деятельности нет дела до того, различаются ли между собой макро- и микроэволюция (см. п. 5 этих Примечаний). **Во-вторых**, среди тех, кто этот вопрос берется рассматривать, единого мнения не существует. Об этом пишет А.Н. Лунный:

«Это противоречие в самом предмете обзора [18] демонстрирует нам всю незаконченность понятий о макро- и микроэволюции в головах эволюционистов. Данный момент следует также из публикации Е.Я. Тетушкина, который обобщил историю макроэволюционных представлений, начиная с разработки самого понятия и терминов “макро- и микроэволюция” отечественным генетиком Ю.А. Филипченко в 1927 г. Любопытно отметить, что этот основатель Ю.А. Филипченко был крайним сторонником качественных различий в механизмах макро- и микроэволюции, к полной несводимости одной к другой, и сторонником того, что макроэволюция лежит вне “плоскости исследований генетики” [9, 10]. <...>

В более же поздние времена мы видим некий регресс в корректности понятий: так, весьма авторитетный до

сих пор у сторонников синтетической теории эволюции Эрнст Майр (E. Mayr) в 1940-х гг. полагал, что макроэволюция представляет собой просто естественное продолжение микроэволюции и что образование таксонов более высокого ранга является “экстраполяцией видообразования” [9, 10].

В настоящее же время, согласно [9, 10], многие эволюционисты занимают как бы промежуточную позицию между двумя указанными точками зрения, хотя и трудно представить себе, что это может означать. Соответствующее положение в [9] звучит следующим образом:

“С одной стороны, они соглашаются в том, что разделить микро- и макроэволюцию невозможно, поскольку и та, и другая основываются на одних и тех же механизмах. С другой – признают специфику эволюционного процесса на этих двух уровнях, диктующую необходимость их раздельного изучения”.

Как и многое ... в эволюционной теории, эта позиция демонстрирует нам неопределенность и двусмысленность. Никакого конструктивизма и практической значимости (как и теоретической, впрочем) в вышеприведенных “с одной стороны и с другой стороны” нет. Слишком хорошо думать, что иногда макроэволюционные преобразования вызываются такими же адаптационными изменениями, как и микроэволюционные (хотелось бы примеров), а в других случаях являются результатом неизвестных и совсем непонятных процессов» (Лунный А.Н., в работе. Примечания: [9] – Тетушкин Е.Я. Популяционная генетика и макроэволюционная генетика: единство и разобщенность // Успехи совр. биол. 2008. Т. 128. № 2. С. 115-128; [10] – Назаров В.И. Учение о макроэволюции: На путях к новому синтезу. М.: Наука, 1991. –

288; [18] – Дзеве́рин И.И., Пучков П.В., Довгаль И.В. *Эмпирические основы теории макроэволюции*. 2002).

И, **в третьих**, само утверждение Маркова: *«обоснованно считает, что микро- и макроэволюция ничем принципиально не отличаются»* – не соответствует действительности, поскольку никаких практических обоснований под собой не имеет.

6 Грант В., *Эволюционный процесс*. Мир, М., 1991.

7 Чайковский Ю.В., *Эволюция*. Вып. 22. М.: – Центр системных исследований – ИИЕТ РАН, 2003.

8 В комментариях к «Письму на российское телевидение» на страницах сайта elementy.ru А. Марков был подвергнут некоторыми читателями критике – как за спорные высказывания в самом «Письме...», так и за пренебрежительные отзывы о философии уже в комментариях. Любопытно, что после этого каким-то волшебным образом посты, содержащие критику, были удалены со страницы комментариев. При этом сообщения Маркова, ранее содержащие попытки ответить на критику, а также пост некоего antey'я, цитировавшего пассаж Маркова о философии, отредактированы таким образом, будто инцидента не было. Кто проделал сию операцию, остается только гадать, однако стоит иметь в виду, что Марков является постоянным автором «Элементов». Нынешняя страница комментариев содержит в основном отзывы единомышленников, адрес сохраненной: http://www.goldentime.ru/elementy_28.06.07_comm.mht

9 «Зачем смешивать...», интервью А. Маркова газете Троицкий вариант 10 Ноя 2009 г. ТрВ № 41.

10 Марков А.В., *Антидарвинизм как симптом интеллектуальной деградации*. 2009. Одно название статьи чего стоит – Любищев, Берг, Чайковский, Назаров и др., согласно этой логике, интеллектуальные деграданты.

11 Кириенко Н.Н., *Концепции современного естествозна-*

ния. Сетевой учебник на сайте КрасГАУ, 2004.

12 «*Surely You're Joking, Mr. Feynman!*»: Adventures of a Curious Character R. P. Feynman; as told to R. Leighton. Ed. E. Hutchings. – N.Y.; Lnd.: W.W. Norton and Co., 1985 перевод О. Л. Тиходеевой. Опубликовано в журнале «Успехи физических наук», том 148, вып. 3, 1986 г.

13 Впрочем, здесь можно сделать собственное предсказание. Чтобы сохранить прежнюю благостную картину с коллекцией «переходных форм от рыб к четвероногим», против находки польских ученых наверняка будет развернута кампания по ее дискредитации, ибо идеологически неправильно и малодушно за здорово живешь отдавать кому-то всё, что нажито непосильным трудом («Тиктаалик... Три!»). Возможен и вариант умолчания – эволюционизм будет делать вид, будто ничего особенного с рыбо-тетраподной картиной не случилось и по-прежнему «всё идет по плану». Хотя будь польские следы амфибий найдены в правильном, «предсказываемом теорией» месте – с каким бы восторгом эту находку приняли эволюционисты, можно только догадываться.

14 Кстати, любопытно, почему автор взялся рассматривать высыхание бделлоидных коловраток в качестве какого-то уникального биологического механизма? Если всё дело тут в бесполом размножении, характерном для этих коловраток, то разве мало на свете живых существ, которые размножаются аналогичным способом, но при этом всё равно практикуют половое размножение? Например, яйца многих животных образуют покоящуюся стадию, в том числе через длительное высыхание, с разносом этих высохших яиц на значительные расстояния. Сюда относятся как паразитические, так и не паразитические организмы, как с обязательным половым размножением, так и с чередованием половых и бесполок поколений. Так почему именно бделлоидные коловратки? Пример явно и не универсален, и «не эволюционен».

15 Не хочется утомлять читателя, но все же зададимся еще одним вопросом – а есть ли у эволюционной концепции реальные теоретические основания сделать хотя бы столь простой прогноз, который пытался нам всучить Марков – то есть можно ли в ее ключе предсказать хотя бы такой *«успех»*, как то, что сперматозоиды хомячков будут группироваться не хаотично, а *«со своими»*?

Понятно, что у самого редактора «Доказательств...» посылка и вывод перепутаны, и мыслит он по круговому принципу типа «вскрытие показало, что чукча умер от вскрытия». То есть в его мире сперматозоиды могут договориться меж собой о стратегии, следовательно, ученые могут «в рамках теории эволюции» (то есть в рамках этой фальшивой разумности сперматозоидов) данную стратегию «предсказать». В этом смысле волшебному гармоничному миру Маркова можно только позавидовать. Но я говорю не о стране грёз, а о реальности – способна ли эво-концепция сделать хотя бы такое предсказание на своих теоретических основаниях? Методология науки предполагает, что ученый, столкнувшись с неизвестным явлением, без всяких гаданий и переборов вариантов скажет вам, какого результата следует ожидать в соответствии с работающей теорией. Но если вдуматься – прогноз о родственном взаимодействии сперматозоидов, будь он в реальности озвучен до его подтверждения, из положений теории эволюции вывести вряд ли возможно. Не будем сейчас углубляться в рассуждения об адекватности выводов, сделанных учеными в оригинальной статье – по мнению биолога И. Рухленко, к выводам авторов стоит относиться с большой осторожностью. Но даже если само исследуемое явление не ошибка (стремление сперматозоидов «вновь собраться вместе» и двигаться быстрее могло быть как артефактом эксперимента, так и следствием самообольщения исследователей), то в рамках ТЭ является **явным противоречием** и «трудным

фактом».

Если забыть на время, что эволюционная теория во всех известных случаях «предсказывала» только задним числом – то есть **давала уже известным фактам объяснение со своих позиций**, тем не менее, предсказать, что какое-то явление, нечто конкретное произойдет или возникнет в результате случайных событий, **она заранее не способна по определению**.

Как и что ТЭ способна шепнуть исследователю? Ищи закрепленные отбором полезные свойства? Но в этом классическом для ТЭ смысле в примере с хомячками мы видим именно противоречие. Дарвинизм (хоть классический, хоть нынешний синтетический) постулирует конкурентную борьбу всех со всеми – именно эгоизм, выживание наиболее приспособленного, но предсказывать здесь альтруизм, кооперацию и самопожертвование – это некая экзотика. Даже если рассуждать в контексте шизофренических построений Маркова, то будь сперматозоид разумным, ему выгодней было бы присоединиться не к «своим», а к тем, кто **успешнее**, например, к группе «чужих», если их скорость движения выше. Какая разница с точки зрения ТЭ (то есть успешности стратегии), на чьем горбу – родственном или вражеском – въехать в пункт назначения? Марков же, приводя этот пример в качестве «предсказания» ТЭ, даже не понимает, что само подобное предсказание о кооперации «своих» **противоречит базовым положениям теории эволюции**, свидетельствует против нее. Кроме того, как вишенка на торте, в этом «предсказании» всплывает еще и некий парадокс «обнуления результата» – какой смысл отбору трудиться ради коллективного преимущества сперматозоидов над сперматозоидами-одиночками хомячков *Peromyscus maniculatus*, если этим преимуществом будет обладать **каждый** самец этого вида? То есть у «группы прорыва» семени одного самца будут те же

шансы, что у группы другого, посетившего самку сразу вслед за первым. Простое подтверждение как минимум нейтральности этого «эволюционного преимущества» есть даже в тексте Маркова – оно в том, что семенники самцов этого вида хомяков втрое больше, чем у более «целомудренных» близкородственных хомячков *Peromyscus polionotus*. Тогда в чем же эволюционный профит и что здесь находится в рамках логики ТЭ, готовой что-либо «подсказать» ученому? Ведь тот факт, что «разгульные» хомячки *P. maniculatus* вынуждены таскаться с тройным боезапасом, говорит как раз не о преимуществе метода «склеивания» их сперматозоидов, а о том, что как минимум две трети боезапаса при таком эволюционном «преимуществе» и желании сперматозоидов *«получить шанс на бессмертие»* тратится впустую. Выходит, как в том анекдоте про двух ковбоев – «что ж это, получается, мы с тобой бесплатно г...на наелись?» Теория эволюции, если бы и пыталась гадать о будущем, прогнозируя неизвестные ей пока полезные признаки, то именно в этом примере не то что не угадала, а с треском провалилась. В терминах эволюционизма скорее целомудренные хомячки *P. polionotus* являются эволюционными форвардами, поскольку их принцип – это не «э-эх, осеменю по самые уши!», а «мал, да удал», или, по-ленински – «лучше меньше, да лучше».

Подчеркну еще раз – все мои рассуждения условны и исходят из того, что обнаруженное явление и эксперименты аутентичны и не являются артефактами, т.е. погрешностями условий эксперимента, или чрезмерной фантазией авторов статьи.

Часть II

3. Психологический портрет героя на фоне неудавшегося проекта

Если, согласно жанру эссе, мы пытаемся понять следствия через причину и «конечный продукт» через психологию автора, то самым естественным вопросом будет – отчего ж «оно» (то есть, проект «Доказательства эволюции») получилось таким, а не иным? Попробуем разобраться.

Любой читатель «Доказательств...» не может не заметить необычайную силу авторского воображения, в частности предлагаемые решения и примеры, местами почти неотличимые от сюжетов фантастической литературы. Кстати, какая-то чрезмерная, бросающаяся в глаза привязанность нынешних ученых мужей, позиционирующих себя рационалами, к жанру фантастики и ее сказочной сестры фэнтези – тема, требующая отдельного рассмотрения[16].

На первый взгляд это кажется парадоксальным. «Какая-то в державе датской гниль»? Между тем мне представляется высоко вероятным, что именно **приверженность фантастике** в среде научной братии может объяснить загадку увлечения многих из них идеями эволюции и желания их пропагандировать. И это не удивительно, поскольку эволюция, сама по себе глобальная фантазийная история о превращении рыбы в философа – среди разрушительно-рациональной реальности способна держаться на плаву только с помощью тех же костылей фантазийного жанра.

Мало того, что каждый из авторов «Доказательств...» прямо ассоциируется у меня с фантазийной литературой, как минимум двое из них – К. Еськов и сам главный редактор проекта – помимо своей научной деятельности профессионально (по форме, в том смысле, что издают книги) работают еще и в этом жанре. Кстати, поскольку двойные стандар-

ты есть отличительный спутник всякого убежденного эвопропагандиста, не стоит удивляться, что тот же Марков, агрессивно противостоящий вторжению «дилетантов» в область науки, сам почему-то не считает зазорным и неудобным вторгаться в область искусства, в частности, художественного слова. Марков и Еськов, эти два **«рационала», переодевшиеся писателями**, ни комплексов, ни дискомфорта по этому поводу, конечно, не испытывают.

Насколько же справедливо наше предположение, что высокий фантазийный градус «Доказательств...» с его мирами перетекающих друг в друга существ или населенными существами с неизменным геномом, объясняется банальной любовью главного редактора к жанру фантастики? Терзаем интернет-поисковик на предмет марковских паблик рилейшнз. В интервью сайту Полит.ру Марков на вопрос журналистки «какой интерес был писать фантастические романы? Почему?», отвечает, как кажется, без раздумий:

*«На этот вопрос очень просто ответить. Я по складу мозгов теоретик, пытаюсь **из известных мне фактов составлять всякие теоретические конструкции, чтобы что-то объяснить, придумать, что откуда взялось и так далее. Те из моих идей, которые имеют достаточное фактическое подтверждение, которые можно достаточно строго обосновать, идут в научные журналы. То, что научно, но менее обосновано и более спекулятивно, пойдет в “Элементы”. А то, что совсем уже догадки и спекуляции, идет в фантастические романы»**[17].*

Ответ кажется вполне искренним, с учетом, разумеется, поправок на самооценку. Тут Марков одновременно прав и неправ. Без сомнения, он блестяще составляет теоретические конструкции из известных ему «фактов» – но, так сказать, с

непременным условием принесения этих конструкций на алтарь эволюционизма. Иначе и быть не может, поскольку «известные ему факты», как мы помним, это события, предметы и понятия, уже истолкованные в качестве подтверждений эволюции; и в этом интервьюируемый определенно искренен. Посему и *«всякие теоретические конструкции»* из известных Маркову «фактов» – это новые творческие вариации на тему эволюции, которая для автора является безусловным кумиром. Надо отдать должное главному редактору «Доказательств...» – его фантазия в плане *«составления всяких теоретических конструкций»*, действительно, развита чрезвычайно. И именно эта фантазийность, сила воображения, а не голый рационализм и строгий бухучет, есть, по сути, основной творческий двигатель автора по имени Александр Марков. Прочитав вышеприведенный фрагмент интервью, любой психолог скажет, что перед вами – портрет скорее «фантазера», чем рационала. Определенные им самим три уровня «научности» его материала – это не спуск от рационализма к фантастике (да настоящий рационал с презрением бы воспринял такую градацию!), а именно **три уровня фантазийного мышления и восприятия мира**; от «верхнего» наукообразного – до полностью «отвязного» сказочного.

И что значит *«научно, но менее обосновано и более спекулятивно»*? Что это за градиенты такие? Тогда и любая сказка, с гномами и эльфами, если в ней упоминается эволюция – научна, но просто мало обоснована? Научна, но только чуть-чуть, самую малость. Что же до меня лично, я не уверен, что в настоящем рациональном сознании отдельно взятого человека возможны такие «ныряния» из науки в сказку с единственной «переходной формой» (*«научно, но менее обосновано»*); несравненно более вероятно, что мы просто имеем счастье наблюдать фантастические миры Александра Маркова трех уровней сказочности.

Однако в данном случае нас более интересуют, например, не фантазии А. Маркова о питекантропах («Первая сказка»[18]), а его другая сказка, то есть сетевой проект «Доказательства эволюции» (равно как и другие публичные статьи и выступления). Именно **фантазийность мышления** главного редактора окончательно ставит всё на свои места и проясняет все «странности» – и традиционное марковское желание быстрых и легких решений, и фантазии, бегущие впереди логики и критического осмысления фактов, и низкий порог этой «отстающей» критичности, и, соответственно, хромую логику, и игнорирование научных методов, и парадные фанфары, и задорные пионерские рапорты о победе эволюции. Эта же склонность к фантазированию просто и без затей позволяет нам многое понять в психологическом портрете описываемого – и его раннюю излишнюю исследовательскую самоуверенность, и его позднее разочарование и фактически отречение от своих ранних прогрессивных взглядов, и огромную часть жизненных и душевных сил, совершенно впустую брошенных в отрыве от основной работы на борьбу с креационизмом, и все страхи-комплексы типа «возврата средневековья», и появление взамен прежнего сдержанного, интеллигентного и умного человека новой тоталитарной, нетерпимой к любому оппонированию, грубой и почти истеричной натуры.

Когда-то главный редактор «Доказательств эволюции» провозглашал – как кредо:

«Быть честным перед самим собой и обществом; сознавать ответственность перед богом, природой и людьми – непреложное правило для всех, кто связан с созданием и распространением научных знаний»[19].

Можно ли представить себе – сейчас услышать от него *такое*? Если б у меня нашлось лишнее время, я б обязательно на-

писал рассказ о молодом ученом, в результате своего идеализма превратившегося в конформиста и жуткого консерватора. Сюжет прост: некто N, молодой, амбициозный и подающий большие надежды исследователь, был горячо влюблен в биологию, особенно в самую загадочную ее дисциплину – историю происхождения и развития всего живого на Земле. Осознавая силу своей изобретательности и бьющую через край энергию, он недоумевал – отчего это в эволюционной науке, предмете его любви, до сих пор существует столько белых пятен и нерешенных вопросов (о чем говорили ему старшие товарищи-профессора). Эти мастодонты уже покрылись мхом и, вероятно, не видели, что между декларируемыми пропастями в теории эволюции можно с помощью изящных и неожиданных решений легко перекинуть надежные мостки. Он чувствовал, что именно ему суждено залатать в этой теории многие дыры и ответить на многие вопросы.

Фантазия была крылата, а свобода упоительна. Если эволюция права, чего осторожничать и каких проблем эволюции – и, тем более, каких оппонентов – бояться? Созданный им интернет-ресурс дышал революцией в биологии и назывался «Проблемы макроэволюции» – где, конечно, «проблемы» подразумевались не в плане критики эволюции, а исключительно как вызов, который N уверенно принимал и брался эти проблемы преодолеть. К ужасу многих научных мастодонтов N критиковал СТЭ за то, что ее стандартная схема не работает, и что внутренне присущая всему живому тенденция к совершенствованию заложена в его системных свойствах. N не отказал себе даже в удовольствии поучаствовать однажды в сетевой полемике с оппонентом-креационистом и, легко разделав того под орех (а как же могло быть иначе?), выложил эту полемику на своем сайте.

Однако со временем стало происходить нечто необъяснимое. Он с удивлением заметил, что противники эволюции

будто взяли за правило ссылаться на его работы – и выходило так, что оригинальные решения N во многом устраивают и его противников. Например, N излагал замечательный по его мнению сценарий:

*«Это открытие показало, что у клеток есть возможность **целенаправленно, почти сознательно**, изменять собственный геном. Конечно, сделать процесс поиска “подходящего” варианта по-настоящему разумным клеткам так и не удалось. Они не могут исследовать новый вирус и “рассчитать”, какой именно белок в данном случае нужен. Им приходится действовать “методом оптимизированного случайного поиска”. Оптимизированного - потому, что имеются хорошие заготовки и клетки “знают”, в какие участки этих заготовок следует вносить случайные изменения. И это уже немало!»[20].*

Но оппоненты почему-то едва не аплодировали ему за такое «изящное решение проблем макроэволюции», полагая, что речь идет почти о разумном замысле и обидно именуя самого N «еще не до конца сформировавшимся ID'ром» (от ID – *Intelligent Design*). Пытаясь развеять наваждение, N специально создал дискуссионную площадку на своем сайте с целью дать последний и решительный бой всем своим противникам, однако и тут столкнулся с парадоксом – его оппоненты оказались совсем непохожи на того «креациониста», дискуссию с которым он вывесил в качестве образца неразвитости всех противников эволюции. «Новые» же оппоненты со временем стали загонять N в угол своими собственными решениями и видением «проблем макроэволюции», так что меры к ним пришлось принимать решительные – изгонять с форума под любым предлогом, а затем и вовсе без предлога,

за один факт оппозиционности. N понял, что тактика «террора» приносит свои плоды на отдельно взятом форуме, но только не в интернете и не в реальной жизни. В душе N смешалось много чувств – и обида на противников, разгромивших или изрядно потрепавших его «изящные решения», и недоумение, что более не наблюдается прежнего единства в научных рядах, и даже страх, что дело всей его жизни может оказаться пустым звуком. Один из учителей N сказал ему однажды, что наступление нового средневековья – дело решённое, и весь вопрос только в сроках. Эта капля переполнила чашу терпения N. Теперь уже поздно было просто вернуть былое статус-кво. Теперь уже было не до жиру, и отныне N не мог уже спать спокойно, всей кожей чувствуя, как целые сонмы врагов, виновных в крушении его мечты, нагло и безнаказанно ходят по земле! В голове N возникла совершенно ясная конструкция: проблемы эволюции были бы решены и успешно решались N до тех пор, пока в дело не вмешались оппоненты. Следовательно, в проблемах эволюции виновата не она сама, а именно ее враги-мракобесы.

* * *

Впрочем, стоп, стоп. Куда это меня понесло? Прошу прощения, я отвлекся; да и это просто наметки. Время стремительно, и вряд ли до реализации столь банальной истории у меня дойдут руки. Вернемся всё же к главному редактору «Доказательств эволюции». Нужно обосновать некоторые свои утверждения. О непонимании или игнорировании научного метода мы уже говорили. Здесь рассмотрим вкратце некоторые другие следствия фантазийного мышления А. Маркова, а также те последствия, к которым привело, согласно нашей «рабочей гипотезе», столкновение фантазийной натуры ученого с реальной жизнью и рациональным противодействиям его фантазиям (безусловно неординарным поначалу).

Хромая логика

Логическое мышление (или его отсутствие) даются нам от рождения, однако даже у «хорошей» логики есть свойство давать сбои в определенных ситуациях. Например, в ситуации, когда пропагандируемая ученым идея или модель не отвечает тем ожиданиям, которые он с ней ранее связывал. В этом случае регулярные попытки примирения фантазии с реальностью не проходят даром. Я вполне допускаю, что некий субъект безусловно логичен и рационален в части бухгалтерского классифицирования ископаемых, в своих схематических выкладках и умозрительных модельных расчетах. Но у некоторых эволюционистов необходимость отстаивать мертвую идеологическую догму, помноженная на фантазийность мышления, способна унести крышу их карусели далеко за пределы парка аттракционов. Необходимость нарушать логические связи во имя сохранения своей идеологии обременительна, и поэтому дефекты в логике рассуждения часто граничат и даже пересекаются с откровенно нечестными приемами полемики.

В случае с главным редактором «Доказательств...» самыми бросающимися в глаза примерами нарушения логики являются **взаимоисключающие утверждения** автора. Так, Марков настаивает, что в науке вопросы не решаются голосованием, но при этом постоянно прибегает к аргументу большинства – мы правы потому, что нас много! Или, скажем, рефреном его статей и интервью звучит умаление роли креационистов, часто с упором на личное их игнорирование (да кому они вообще интересны?), но при этом все марковские работы пронизаны сердечной болью от ощущения постоянного присутствия в его жизни этих «неинтересных», не говоря уже об открытом и постоянном им противостоянии. «Я три дня гналась за вами, чтобы сказать, как вы мне безразличны!»

Впрочем, самым существенным логическим дефектом «Доказательств...», сделавшим этот проект безнадежным для какого-нибудь улучшения, является ее величество **подмена понятий**. Собственно, всякая ложь и есть подмена. Здесь я хотел бы акцентировать внимание читателя именно на этом демагогическом приеме (а не просто нарушении логики), поскольку у проповедников эволюционизма **подмена как метод** объясняет не просто многое, а всё. Она же есть ключ и ко всей работе «Доказательства эволюции». Умение читателя ее распознать сразу ставит всё на свои места – включая все недоговоренности и хождения по смысловым лабиринтам. Когда в театре падает декорация или рабочие забывают поставить ширму, взору зрителя вдруг открывается вся изнанка сценического «обмана».

Мы уже говорили о главной подмене проекта – манипуляцией «микро» и «макро». Наверное, вторая – по способности так эффективно морочить голову читателям и так оглуплять каждый аргумент – в том, что на протяжении всей работы Александр Марков **под «наукой» подразумевает** нечто, к науке напрямую не относящееся, а именно **«теорию» эволюции**. Сказанное им о собственно науке может быть справедливо, но она здесь лишь прикрытие. За ширмой с гордой надписью «наука» скрывается всего лишь метафизическая гипотеза, вероятностная модель, в огромной степени продукт его собственной религиозной веры, с подпорками и растяжками из домислов и фантазий. Часто перекосы в логике при такой подмене настолько очевидны, что удивляет хладнокровие главного редактора:

«Но идти против выводов науки в современном мире, где научные достижения и связанные с ними технологии проникают во все без исключения сферы жизни, довольно сложно».

Автор этих строк, судя по всему, весьма невысокого мнения о своих читателях, вводя их в заблуждение столь «детскими» приемами. Такие подмены как раз весьма и характерны для всей эволюционистской «доказательности». В норме не существует людей, идущих против выводов науки в форме отрицания, скажем, медицины или современных коммуникаций (компьютера, самолетов, спутников и пр.). Но это сознательное нарушение логики вполне себе в старом советском духе – критикуешь недостатки строя, значит, идешь против своей Родины и народа. То есть, отрицание «теории» эволюции, которая сама по себе в плане практического применения бесполезна[21], здесь, как и во многих других писаниях эволюционистов, грубо подменяется отрицанием **практических** достижений настоящей науки. Или:

*«...Реальность самого факта эволюции в рамках мирового научного сообщества не оспаривается уже давно. В науке единство мнений по фундаментальным вопросам принципиально достижимо, потому что научные выводы основаны на объективных вещах – **наблюдениях, расчетах и экспериментах**, которые можно **независимо повторить и проверить**».*

Автор всерьез рассчитывает, что читатель настолько глуп, что не заметит отсутствия причинной связи между первым и вторым предложением? Первое предложение двусмысленно, но условно верно, но вот фраза второго: «научные выводы основаны на объективных вещах – наблюдениях, расчетах и экспериментах» – относится к настоящей науке, а отнюдь не к философскому конструкту «теории эволюции», которую авторы пытаются к этой науке любым способом «пристегнуть». Какие еще эксперименты?! Говорить о «наблюдениях, расчетах и экспериментах» в отношении ненаблюдаемого явления,

это, судари мои, опять же, не уважать читателя.

Та же «пионерская» подмена – «наука» равно «эволюция» – используется главным редактором и в его тягостных для ума и сердца, не знающих разумной меры рекурсиях о специалистах и дилетантах. Степень квалификации ученого ставится в зависимость от того, насколько тот «понимает» (т.е. принимает) идею эволюции. Быть ученым – в этой подмене означает разделять эволюционную идею; отрицать же эволюцию – означает находиться вне науки. Вставайте под знамена науки! – призывают читателей авторы, тогда как это означает всего лишь «принимайте эволюцию!» Это какая-то заколдованность всей работы, родовая травма «Доказательств...» – незаконное и «вероломное» **нарушение границы между научным знанием и мировоззренческими установками**. Топчась на метафизическом поле, главный редактор утверждает, что вещает «совсем из другого места» – с поля настоящей науки! И если наука играет по своим строгим методологическим правилам, то эволюционизм здесь лишь рядится в одежду этой законности – гляди-ка, «эксперименты», «независимые проверки»... Кого хотим обмануть, товарищи? Не себя ли в первую очередь? Или таких же, себе подобных, кто «сам обманываться рад»?

Один из вариантов подмены, о которой я уже упоминал, **подмена довода оппонента** или **измышление довода** за него («соломенное чучело») – тоже является излюбленным приемом нашего просветителя. Эволюция есть факт, и поэтому всё, что о ней говорится, верно, а оппоненты по определению неправы, поэтому любое искажение их взглядов – горе не беда, было б об чём говорить. Вот, вероятно, именно из такого подхода и проистекает вся эта логическая марковская несуразица. Очень часто этот авторский прием выступает в разных удачных комбинациях с другими нарушениями логики. Так, касаясь проблемы сохранности мягких тканей

динозавров с официальным возрастом до 80 млн. лет, Марков заявляет, что «*показать логическую несостоятельность ... утверждений*» оппонентов о более молодом возрасте тканей «*очень легко*». В сегодняшней полемике по проблеме неокаменелой органики динозавров, насколько мне известно, эволюционисты используют две линии защиты – надежность радиометрических методов датирования и попытку моделирования условий, при которых органика могла сохраниться в течение 80 миллионов лет. Александр же Марков пошел «*логическим*» путем. Это любопытно уже потому, что демонстрирует представление самого автора о логике. Как же всё это выглядит? Для начала Марков по обыкновению просто придумывает за противников довод, который те никогда не высказывали. Якобы оппоненты настаивают исключительно на **быстрой** и при этом **постоянной** скорости распада органических молекул, и на этом основании фактически предлагают ввести новый метод измерения возраста костей и горных пород; взамен всех прежних как менее надежных, включая радиометрические.

Но скорость распада органических соединений, – парирует свой же собственный выпад Марков, – является в высшей степени величиной непостоянной, и поэтому:

«...до тех пор, пока антиэволюционисты не приведут убедительных доказательств постоянства скорости распада органики и независимости этой скорости от условий среды (а доказательств таких в природе не существует), показания их “хронометра” никоим образом не могут считаться более достоверными, чем результаты радиометрического датирования».

Вот такая «логика»... Если в большинстве своих подмен Марков выдумывает «соломенное чучело» оппонента, чтоб с успехом его разгромить, то здесь он проявляет высший пило-

таж логического разлада – измыслить «соломенное чучело», но обязанность доказывать собственные измышления еще и переложить на противника! Это, согласно Маркову, и называется *«показать логическую несостоятельность ... очень легко»*: проблемы мягких тканей не существует, проблему создают лишь противники эволюции, которые ничего не понимают в колбасных обрезках. Удивительным образом вопиющая для эволюционизма аномалия с сохранностью тканей возрастом 80 млн. лет остается за скобками. Ах, проблема? Да нет никаких проблем. Утверждение о возможности сохранения мягких тканей в течение десятков миллионов лет, брошенное буквально на ходу, опирается у Маркова на примеры-анalogии с... египетскими мумиями и животными, сохранившимися в вечной мерзлоте! А в дискуссии, завязавшейся в блоге Н. Борисова (комментарий 29.03.10), Марков еще более категоричен: *«Впрочем, все это чепуха, потому что нет у белков никакого периода полураспада»* («период полураспада белков» он, разумеется, тоже сам придумал и сам же опроверг. – прим. А.М.). *В зависимости от условий их “срок хранения” от нуля до бесконечности»* (??? – А.М.).

Если среди эволюционных пропагандистов устроить конкурс на звание мастера **ложных аналогий**, то Александр Марков, я уверен, займет первое место еще на стадии собеседования. Тут ему равных нет, и его величественная фигура в чистом поле выглядит даже немного грустно и одиноко. Например, самые частые (чтоб не сказать навязчивые) марковские сравнения – это вариации на тему старых донаучных заблуждений, как то – плоская земля, геоцентрическая космология, рай на небе и ад под землей и пр. Во многих своих работах к месту и не к месту Марков вструмляет эти параллели между критикой эволюционизма и, скажем, верой в плоскую землю или вращение Солнца вокруг Земли. При этом постоянным намеком на невежество оппонентов звучит утвержде-

ние, что до сих пор не перевелись люди, верящие в эти средневековые несуразности. Как ни убога аналогия «критика эволюционизма» равно «вера в плоскую Землю и Солнце вокруг Земли», Марков держит ее в своем арсенале как драгоценную погрешку. Такого же рода и любимые Марковым параллели меж «наукой» (в собственном лице) и двоечника-ми (оппонентами), которые, пользуясь якобы демократией и равноценностью мнений, явились с утверждением, что дважды два равно пяти (или семи, в некоторых случаях). Маркову, конечно, невдомек, что арифметика самого эволюционизма, это старый еврейский анекдот: «Изя, сколько будет дважды два?» – «А мы продаем или покупаем?» Но вот что касается марковских аналогий типа «адекватность эволюционизма» равно «адекватность уравнения $2 \times 2 = 4$ », то, честное слово, товарищи, не хотел бы я быть эволюционистом! Биолог, утверждающий, что теория эволюции есть истина уровня $2 \times 2 = 4$, это то же самое, что математик, сверяющий таблицу умножения по кукушке в лесу.

Ко всему прочему Маркову как логику свойственны не только логические ошибки в чистом виде (подмена довода, круговой аргумент, создание соломенного чучела противника и пр.), но часто просто некий **структурный произвол** в суждении, его парадоксальная неправомерность и искусственность, где посылки произвольны, а выводы не следуют из посылок. То есть – я хочу так, и поэтому это так. В комментариях к публикации «Доказательств...» на портале Богослов.ру Марков объясняет, почему его соавторы, теологические эволюционисты, более правы, чем христиане, не признающие эволюцию:

«Я думаю, я не очень сильно ошибусь, если позицию моих православных коллег-биологов изложу примерно так: «Мы знаем, что наша вера – истинная. Мы знаем так-

же, что биологическая эволюция – доказанный факт. Следовательно, между ними не может быть противоречий. По крайней мере некоторые православные богословы тоже так считают. Если другие богословы считают иначе, то мы, не будучи богословами, не можем компетентно судить об их доводах, но, исходя из того, что две истины не могут противоречить друг другу, мы предполагаем, что эти вторые богословы, вероятно, в чем-то ошибаются”».

«Я думаю, я не очень сильно ошибусь»? Увы, сильно. Хотя Марков формально и наделил своей логикой соратников, это его собственное рассуждение, свидетельствующее, что устроился он очень комфортно – к первому члену «логической» конструкции, истинному или условно истинному, присоединяем всё, что считаем истинным мы сами, а поскольку две истины меж собой не конфликтуют, неправ кто-то третий – то есть, христиане, отрицающие эволюцию. Курорт, а не логика! Ибо таким ловким перемещением наперстков по поверхности стола можно доказать совместимость любой, самой высокой, идеи с чем угодно – с педофилией, гомосексуализмом, марксизмом-ленинизмом и пр. В «Доказательствах...», аргументируя необходимость принятия верующими эволюционизма, Марков демонстрирует ту же логику: *«Многие верующие, в том числе богословы, принимают выводы эволюционной биологии и не считают их противоречащими своей вере».* Это аргумент того же уровня, что и – «многие педагоги-педофилы не считают педофилию противоречащей своей профессии». Как говаривал упомянутый Ильич, химия и контрреволюция не исключают друг друга, однако в случае с нашим автором вольное склеивание «двух истин в одной голове» являются не только грубейшей логической ошибкой, но и весьма наглядной демонстрацией его познаний в обсуж-

даемом предмете.

Марков, что называется, «не жалеет» своего читателя. Бедный читатель отчего-то должен «страдать» из-за авторской логической невнятицы и постоянно распутывать все эти лишние, порожденные лишь личными авторскими несовершенствами узлы. Порой кажется, что автор просто забывает о том, что сказал ранее. Например, только-только гипотетический читатель «Доказательств...» переварит утверждение, что теория эволюции является стержнем современной биологии, основанием, придающим единство и осмысленность всем исследованиям, как уже из другой авторской работы того же года[22] с немалым, я полагаю, удивлением, узнаёт, что:

«...Сейчас время великих Экспериментов, накопления фактов, а время великих Теорий придет чуть позже, когда поток новых данных хоть немного начнет иссякать».

Позвольте, как это понимать? – может спросить опешивший неофит, которому уже наобещали с три короба в «Доказательствах...». Это что, вопреки только что прозвучавшим утверждениям о руководящей и направляющей роли эволюции, у биологической науки нет единой концепции, единой теории? А как же *«эволюция придает смысл, логику и стройность всему гигантскому массиву накопленных биологией знаний»*? Оказывается, действительно, целостной концепции нет, и взгляды, как встарь, все еще устремлены в светлое будущее:

«Одна из задач этой книги – попытаться показать, как из хаоса фактов и идей постепенно выстраивается прочное и строгое здание теоретической биологии. Ну, может быть, не все целиком, но хотя бы ощутимыми блоками, которые в будущем непременно соединятся в нечто целостное».

Вот и гадайте сами, товарищи, распутывайте эти ариаднины нити. Конечно, в процессе чтения можно выудить из общей невнятицы тот смысл, который хотел сообщить читателю Марков, но обе линии утверждений он позиционировал так, что они чудесным образом стали взаимоисключающими. То же самое произошло и с другими, якобы наиболее сильными, утверждениями «Доказательств...». Только-только какой-нибудь ценитель и почитатель этой работы с удовлетворением узнал, что *«эволюционная теория – весьма эффективное **практическое средство**, позволяющее предсказывать новые, еще не открытые факты, целенаправленно искать их и находить»*, как тут же вынужден получить холодный душ на свою голову из параллельной книги того же автора:

*«Нам редко удается на основе уже имеющихся данных **предсказать, что ждет нас за очередным поворотом**, а это значит, что целостного понимания Жизни у нас пока нет, единая теория отсутствует».*

*«...думается, всерьез пытаться сформулировать такую теорию пока еще рановато. Лучше повременить с этим хотя бы до того момента, когда перестанут совершаться ежегодно **абсолютно неожиданные, никем не предсказанные открытия**. Ведь это говорит о том, что **мы многого еще просто не понимаем!**»*

*«Современная биология – это даже не лоскутное одеяло, скорее, это стремительно растущий ворох лоскутков, в котором будущее “одеяло” только начинает угадываться – да и то **никогда не знаешь наперед, что угадалось правильно, а что потом придется перешивать**».*

Это называется – хотели козырнуть трудностями, а народ в страхе разбежался. Вот тебе, бабушка, и *«предсказал – проверил – подтвердил»*. Надеюсь, читатель уже понял, что речь у Маркова идет о гипотетической новой теории эволюции, некоей версии дарвинизма 3.0, которая в тайных мечтах эволюционистов поднимается едва ли не до всемогущества Матрицы. Но почему бы тогда, предавшись мечтаниям о будущем, не сказать честно, что эволюционная теория сегодня – весьма неэффективное и крайне непрактичное средство, не позволяющее предсказывать и находить новые факты? Что это у нашего просветителя масс за очередные «две истины в одной голове» – если в «Доказательствах эволюции» речь идет о сегодняшней теории (СТЭ, неodarвинизм), то это сплошные фанфары, победные шествия и *«триумфы эволюционной теории»*, но лишь только взгрустнется и захочется помечтать о будущем в книге «Рождение сложности», так неожиданно выясняется, что СТЭ – полнейший отстой (*«музейный экспонат»*, *«затрещала по швам»* еще в середине прошлого века) и с ней *«никогда не знаешь наперед, что угадалось правильно»*. От глобально-пафосного факта эволюции, придающей стройность и смысл в первом случае, автор во втором случае легко и необременительно переключается на какое-то странно звучащее в его устах *«эволюционное учение»* (!), придающее уже *«хоть какое-то единство и логику...»* неким *«разрозненным петлям»* биологии! В старых советских фильмах, помнится, было принято задавать вопрос разоблачаемым шпионам (с самым суровым выражением лица) – доктор Икс, признайтесь, в каком из двух случаев вы были искренни?!

С другой стороны, стоит ли искать логику и согласованность там, где сам автор держит логику на вторых ролях? По словам Маркова, все великие эволюционисты если и ошибались в малом, то в главном были правы потому что *«опира-*

лись в первую очередь на научные факты, **во вторую – на логику**, а идеология и “партийная принадлежность” получающихся выводов интересовала их значительно меньше» («Рождение сложности»). Человек, у которого логика в системе ценностей на втором месте после эвфемизма «научные факты» (то есть, заведомого толкования всего и вся исключительно с позиций эволюции), имеет на выходе хромую логику и в собственных суждениях. Само принижение *«идеологии и “партийной принадлежности”»* в исследованиях, то есть, **осмысления фактов в определенных концептуальных рамках**, в устах автора не только не правдиво, но и достаточно красноречиво говорит о его опасениях. Впрочем, лучше, чем сам автор о себе, не скажешь. В «Рождении сложности» Марков пишет, что хотел бы показать читателям современную биологию –

*«...не как статичный свод установленных истин, а как головокружительную погоню за новыми знаниями, в которой не всегда находится время даже для того, чтобы **остановиться и подумать**».*

Как говорится, это многое объясняет...

Низкий порог критического мышления, легковесность высказываний

В принципе эти свойства описываемого субъекта можно рассматривать как частный случай или разновидность предыдущего пункта – границы здесь очень условны. Но здесь мне хотелось обратить внимание читателя не столько на некрепкую дружбу субъекта с логикой, сколько на какую-то удручающую поверхностность его суждений, непродуманность примеров; в общем, какую-то смысловую и стилистическую

растрепанность и неаккуратность.

Для меня, например, явилось откровением, что Марков признал адекватным так называемый «аргумент Гагарина», по своей сути комичный. То есть, Гагарин в космос летал, а Бога там не видел. Этот «аргумент» изложил Маркову один из посетителей его блога, присовокупив, что после полета Гагарина церковники занялись «увертками», якобы отрицая свои прежние слова о том, что Бог живет на небе. В качестве доказательства марковский собеседник привел не только цитаты из Библии: *«небо престол Твой»*, *«услышь на месте обитания Твоего, на небесах»* и т.д., но и репродукцию старинной иконы XVII века (написанной, так сказать, до полета Гагарина), на которой – о, момент истины! – Господь Вседержитель, действительно, был изображен сидящим на небесном престоле. Вещдок, однако; не отвертись! Реакция Маркова, который отчего-то ранее не был знаком с «аргументом Гагарина», ценна своей непосредственностью:

«Вообще-то это сильное рассуждение, насчет Гагарина и увертки. Я как-то об этом не задумывался» (Запись 30.11.09).

Ежели процесс противостояния оппонентам идет уже подобными темпами, в ближайшее время мы ждем в научной прессе что-нибудь эдакое, типа: Markov A.V., *Gagarin flew into space, but didn't see any God there*. Science, <...>, 2011.

Впрочем, шутки в сторону. Беда в том, что какую бы аналогию или словесную иллюстрацию ни приводил Марков в подкрепление своих рассуждений, почти все они – каким-то комическим образом неадекватны – свидетельствуют либо в пользу обеих сторон, либо даже в пользу противника, но, так или иначе, практически всегда выставляют их автора в нелепом виде.

«Для любого специалиста по сравнительной геномике, – делится своими заблуждениями с читателями А. Марков, – кровное родство человека и шимпанзе абсолютно очевидно и не вызывает даже тени сомнения. Опытный учитель сразу поймет, что один ученик бездумно списал у другого, если заметит в их сочинениях не только одинаковые мысли (это еще можно объяснить одинаковыми намерениями авторов), но и одинаковые фразы, используемые для их выражения, а особенно - одинаковые ошибки и одинаковые сорные словечки в одних и тех же местах текста. Все эти бесспорные признаки единства происхождения (а не независимого сотворения) в величайшем изобилии присутствуют в геномах близкородственных видов, каковыми являются человек и шимпанзе».

Здесь, как и во многих других аналогиях, Марков демонстрирует одну из самых распространенных своих ошибок, которую сам, вероятно, считает весьма удачным приемом – естественные, **неразумные процессы иллюстрировать примерами разумной деятельности**. Порочность таких аналогий рождена, как мы уже неоднократно говорили, фантазийно-сочинительским типом мышления, когда автор считает не зазорным (а, напротив, весьма оригинальным) моделировать в науке «художественные» ситуации и, в частности, рассматривать неразумные процессы в терминах антропоморфизма и разумного целеполагания.

Аналогия, приведенная выше, абсолютно неадекватна в качестве иллюстрации *«кровного родства»* человека и шимпанзе. Кто и у кого здесь в данном случае «списал»? В лучшем случае аналогия Маркова тянет на ситуацию, когда ученый, образно выражаясь, подглядев работу Творца, клонировал овечку Долли; неловко, с ошибками. Так сказать, двоечник списал у Творца. Но при всём том один разумный агент осо-

знанно (не «бездумно»!) скопировал работу другого Разумного Агента (с большой буквы). То есть, аналогия Маркова – не естественнонаучная, а абсолютно **креационистская**. Она не отражает того, что хотел показать автор и в терминах эволюции должна адекватно выглядеть так. Учитель (ученый), сравнивая два сочинения, пришел к выводу, что оба они – путем случайных тасований букв – произошли от некоего протосочинения, еще более несовершенного; причем одно из двух сданных сочинений (тех, что в руках учителя) эволюционировало от первопредка в большей степени, а другое в меньшей. Более того, каждое из них в чем-то специализировалось, приобретя уникальные фразы. Но чтобы шимпанзе, скажем, являлся плохо списанной копией с человека (что следует из логики метафоры о сочинениях) и сходство этих двух таксонов *Pan* и *Homo* являлось **«бесспорным признаком единства происхождения»** – это, извините, плохая логика, «не ваша» аналогия, но безусловный **разумный дизайн**. Эволюцию от общего предка к человеку и шимпанзе через случайные мутации и естественный отбор эта марковская метафора нимало не иллюстрирует, а именно **а именно свидетельствует против нее**, показывая, каким принципиальным образом (разумным, то есть) могли быть написаны эти два похожих «сочинения»!

Вероятно, Александр Марков каким-то смутным, интуитивным образом чувствует проблему своего просветительства – между целенаправленной разумной деятельностью и естественным отбором существует принципиальная, качественная разница. Как же решает проблему неадекватности своих метафор автор? Неужели ищет и приводит «чистые» примеры творческой деятельности естественного отбора в природе? Как бы не так. «Мы пойдем другим путем!» Марков выбирает совсем уж оригинальную тактику – ни много ни мало – доказать, что между искусственным разумным отбором и есте-

ственным природным **принципиальной разницы не существует!** Впрочем, поскольку задача трудновата даже для фантаста, марковская логика начинает сразу же «плыть». Эволюционизм постулирует селекцию в дикой природе исключительно полезных признаков, и, чтобы уравнивать «два отбора», Марков для начала наделяет искусственный отбор, то есть, разумный план человека-селекционера логикой отбора природного:

«Оставляя “на развод” одних животных (например, самых длинноногих) и отбраковывая других, селекционер создает для своей “подопытной популяции” ситуацию, в которой вероятность успешного размножения особей зависит от определенного наследственного признака. С точки зрения отбираемых собак ситуация выглядит так: “чем длиннее твои ноги, тем больше у тебя шансов оставить потомство”».

Позвольте, любезнейший, это с какой же стати репродуктивный успех собак, полученных в результате искусственной селекции, зависит от признаков, на которых сделал акцент селекционер? Человек может вывести породу собак хоть длинноногих, хоть коротконогих, хоть огромных, хоть карликовых, хоть лысых, хоть мохнатых – но выживание таких искусственных пород в строгом смысле зависит не от их акцентных признаков, а от воли хозяина. Чтобы убедиться в этом, не обязательно даже выпускать борзую в лес, не говоря уже о болонке. А уж то, что у собаки есть какая-то «точка зрения» и оценка собственных шансов на размножение – это, конечно, гораздо, гораздо сильнее Фауста Гёте.

«...мы получаем в итоге новую породу – например, борзую или гончую. Дарвин догадался, что точно такой же процесс должен сам собой происходить в природе.

Например, если более длинноногие особи в данной популяции будут в среднем ловить больше зайцев, а следовательно – лучше питаться, а следовательно – будут сильнее и крепче, а следовательно – оставят в среднем больше потомства, чем их коротконогие сородичи».

Автор столь стремителен (и при этом столь невнятен), что читатель не успевает понять – о каких длинноногих ловцах зайцев говорит Марков? Ведь речь в контексте идет о селекции на примере борзых и гончих? Что за чушь? Но если автор, «не называя имен», подразумевает под *«точно такой же процесс ... в природе ... в данной популяции»* уже каких-нибудь волков и лис, то это чушь не меньшая – тысячелетиями длина ног хищников остается неизменной, и никаких особых вип-популяций волков и лис с отрощенными ногами и улучшенным питанием-размножением не наблюдается. По крайней мере, каких-то аналогов, сравнимых с искусственным отбором в естественных популяциях хищников, гонящихся за зайцами, не существует, а *«эволюционная гонка вооружений»*, как называет ее Марков, если к чему и ведет, так к стабилизации биоценозов, равновесию численности популяций внутри их. Впрочем, читателю так и не суждено узнать, кого имеет в виду автор, поскольку тот выдвигает главный тезис, к которому, собственно, и шло дело:

«Разумный селекционер для этого вовсе и не нужен: природа все сделает сама».

Как же доказывает свое утверждение Марков? Любой более-менее трезво мыслящий пропагандист эволюции, конечно, выберет тактику «хвалим своё до потери пульса и совести». Мол, искусственный отбор, это, конечно, круто, но ЕО тоже не промах; это почти что творческий процесс – если надо, «отберёт» так, что мало не покажется! Но нет. Александру Маркову,

как истинному художнику, традиционный подход, видимо, кажется мелким, неоригинальным и уже неинтересным. И вот, вместо попытки максимально уравнивать в правах оба процесса через традиционное в таких случаях превознесение отбора естественного, Марков принимает смелое и крайне оригинальное решение – а, что, если не побояться и «опустить» отбор искусственный!? Низвести его, так сказать, до самого пола, то есть, до уровня отбора неразумного, природного?

Этот раздел проекта называется «Между искусственным и естественным отбором нет непроходимой пропасти». Читать его рекомендуется, держась за спинку стула или за край стола:

*«...в большинстве случаев новые породы домашних животных и культурных растений **выводились людьми совершенно бессознательно, без всякого умысла.** То есть человек действовал в ходе селекции тоже не как “разумный агент”, а как “слепая природная сила”. Примеры:*

*1) Для людей, занимающихся молочным животноводством, совершенно естественно оставить корову, которая дает много молока, в живых, а ту, что дает мало молока, пустить на мясо. Это естественным образом приводит к тому, что **высокоудойные коровы будут оставлять больше потомства, и, следовательно, будет идти отбор на удойность.** Людям при этом **совершенно не обязательно осознавать, что они занимаются селекцией.**»*

Людям хотя бы с минимальным воображением такое лучше не читать. Моментально представляется деревня, населенная крестьянами-зомби. В то время как они медленно, враскачку, шагают в разных направлениях с вытянутыми вперед руками, то и дело сталкиваясь друг с другом (а иногда и со своими коровами), коровы, сами того не ведая, естест-

венным образом «отбираются на удойность». Любопытно, откуда у ученого-палеонтолога столь глубокие познания в психологии крестьянина и в тонкостях животноводства? Как он себе представляет подобный, так сказать, бессознательный отбор? Вот крестьянин, отложив ложку во время обеда, говорит жене – наша Буренка, мол, которую мы хотели пустить на мясо, дает молока больше других, поэтому принимаю решение ее оставить. Что ты! – спохватывается жена. – Не говори никогда таких вещей вслух! Это же *Intelligent Design* в чистом виде! Твое решение оставить корову должно быть неосознанным, без всякого анализа, как в забытии или в обмороке! Отбирает природа, а не мы!

Любопытно, понимает ли сам Александр Марков, что в очередной раз, пытаясь своей оригинальной логикой поддержать эволюционную сказку, он безнадежно путает ее гипотетические возможности с возможностями разумного целеполагания – анализом, планированием, контролем? Я далек от мысли, что автор сознательно вводит читателей в заблуждение и лишь делает вид, будто не замечает всей несуразицы говоримого; слишком уж оно комично. Нет, думаю, мы здесь имеем дело с искренней ситуацией под названием «художник в ударе». Автор сам, без всякого принуждения и насилия со стороны, нарисовал картину – люди целенаправленно занимаются животноводством, держа в хозяйстве коров, принимают осознанное решение отобрать одних коров на молоко, а других пустить на мясо – но в результате селекция отчего-то идет *«естественным образом»!* Как в природе! При этом другой крестьянин, сосед, выращивает корову исключительно на мясо – и тоже, вероятно, бессознательно. Режет худую или молочную корову, но, так сказать, без участия человеческого фактора. И опять же, с какой стати *«высокоудойные коровы будут оставлять больше потомства, и, следовательно, будет идти отбор на удойность»?* А высоко-

мясистые коровы соседа в этой схеме не будут оставлять больше потомства? И что, коровы, как дикие, будут сами бесконтрольно размножаться в соседнем леске за селом, «на удобность» или «мясистость», или все же хозяева будут сознательно контролировать их размножение и регулировать численность потомства, отбирая его по **желательным для самих хозяев признакам**? И, кстати, у кого из двух соседей «естественный бессознательный отбор» будет эффективней – у опытного и трудолюбивого или у лентяя и пьяницы?

Вот уж сказано, так сказано: *«Разумный селекционер для этого вовсе и не нужен: природа все сделает сама»*. Если Марков и может быть прав, то лишь в одном – крестьянам *«совершенно не обязательно осознавать, что они занимаются селекцией»*, ибо они и слова такого, скорее всего, не знают. Они занимаются «всего лишь» тем, что разводят и отбирают коров по собственным соображениям и предпочтениям – на основе наблюдений, анализа и опыта. Впрочем, Александр Марков, как правило, одной ошибкой никогда не ограничивается:

*«2) Важнейшим отличием культурных злаков (пшеницы, риса и др.) от дикорастущих предков является то, что у первых семена лучше держатся в колосе, а у вторых – очень легко осыпаются. Древние земледельцы просто не доносили до дома (места молотбы и т.п.) те семена, которые обсыпались в пути, пока люди несли срезанные **серпами** колосья. Им доставались только те семена, которые лучше держались в колосе. Эти же семена использовались потом для очередного посева. Таким образом, происходил **бессознательный** отбор растений с неосыпающимися семенами»*.

Признаться, я страшно завидую Александру Маркову – у меня нет машины времени, а у него безусловно наличествует.

Именно благодаря путешествиям в пространственно-временном континууме он узнал все нюансы и секреты труда древних земледельцев. Представьте себе, у людей уже тогда имелись сельхозорудия труда, организация пространства в виде поля, засеянного дикорастущими сортами пшеницы, отдельно стоящего дома или места для молотьбы. Но при этом наши предки были настолько тупы и нерадивы, что даже пальцем не пошевелили, чтобы предотвратить потери зерна по дороге с поля на ток или в амбар. Вообще-то, процесс сбора и обработки зерна включает много достаточно сложных – именно что разумных – нюансов, но сейчас речь лишь о том, что любой хозяин в здравом уме постарается не допустить даже минимальных потерь продукта, давшего с таким трудом. Впрочем, не мне спорить; Марков это видел собственными глазами из кабины машины времени – сколько раз крестьяне носили охапками с поля на ток срезанные снопы, сколько раз наблюдали, как осыпается зерно по дороге под ноги – и ни разу, имбецилы этакие, не захватили ни холста, ни мешка – так и сыпали зерно в грязь по дороге, так и топтали всегда часть урожая. У них были серпы («срезанные **серпами** **колося»**), но отчего-то не было мешков и корзин. И за ягодами, и за грибами они так же ходили – наберут грибов в охапку, всякие лисички и маслята отвалятся по дороге, зато домой одних белых принесут! Естественный отбор называется. И то ведь – на кой ляд оно, зерно это нужно? Разве можно допустить, что эти люди сами, изначально, с первых же урожаев садились рядом и целенаправленно сортировали партии зерен пшеницы – это на посев, это на муку? Кто же такой разумный человеческий вариант селекции сочтет более правдоподобным, чем марковский?[23].

Нужно ли серьезно возражать на аргументы такого сорта – вопрос открытый. Замечу только, что автору не помешало бы ознакомиться с мнением историков по рассматриваемому во-

просу. Земледелие, как считается, зародилось на Ближнем Востоке, на границе нынешних Юго-Восточной Турции и Северной Сирии. Все дикие предки основных для неолита растений – пшеницы-однозернянки, эммера (двузернянки), ячменя, чечевицы, гороха, вики горькой, мелкого «турецкого» горошка и льна встречаются в одном районе. Сельское хозяйство было занятием, продуманным до мелочей. И я предлагаю автору нарисовать сценарий окультуривания хотя бы того же гороха – судя по всему, древние земледельцы носили его, как и пшеницу, охапками, да еще предварительно вскрыв каждый нераскрывшийся стручок. Сама идея неосознанного окультуривания растений, шедшая по линии удерживаемости зерна в колосе, кажется мне странной и к процессу выведения культурных сортов имеющей какое-то самое косвенное, побочное отношение. Это одно из следствий разумной селекции, но не ее двигатель. Самое главное – такой «бессознательный отбор» вступает в противоречие и с самой целью сельского хозяйства, и с идеей окультуривания. Поскольку не все колосья на поле и не все зерна на одном колосе созревают одновременно, то первыми осыпаются самые зрелые, крупные, здоровые и, следовательно, самые перспективные для селекции семена. Неужели кто-то всерьез думает, что именно таким путем – через отбор худших, но зато держащихся в стебле зёрен, шло создание домашних сортов?

Казалось бы, дальше уже некуда, но:

«3) Совершенно бессознательно и даже вовсе о том не ведая, виноделы, пивовары и пекари за несколько тысячелетий “вывели” ряд специфических разновидностей дрожжей – винных, пивных и хлебопекарных».

Я вам больше скажу. Эти виноделы, пивовары и пекари даже не ведали, кем они являются по профессии и какой сорт из

бессознательно выведенных им дрожжей предназначен для вина, а какой для выпечки хлеба. Поэтому естественный отбор всегда пишется без кавычек, а «вывели» – в кавычках. Тоже мне, «вывели», интеллектуалы. В принципе, редуccionизм тем и удобен, что не имеет дна. Можно сказать, что Пушкин, увидев Анну Керн, принялся совершенно бессознательно и «без всякого умысла» фиксировать на листе те слова, которые вертелись у него в голове. «Я помню чудное мгновение...». Но не обольщайтесь, граждане, стихотворение начеркалось на листе естественным образом, само собой, а Пушкин был лишь орудием естественного отбора, его бессознательным проводником.

Понятно, что эволюционизм – это теоретически сформулированное неуважение к человеку (в том числе). Но вот чтобы так... Любопытно, что сразу вслед за утверждениями об отсутствии принципиальной границы между искусственным и естественным отборами выясняется, что, в отличие от «бессознательных» людей: животноводов, аграриев и виноделов, многие представители животного мира как раз таки являются собой пример неких *«переходных, промежуточных состояний»* на этой границе. Видимо, эксклюзивное право совершать творческие акты бездумно есть лишь у человека, а насекомым и прочим скотинкам даже собственный *Intelligent Design* позволителен. То есть, инстинкты и поведенческие программы, прописанные в геноме живых существ, Марков вполне себе в духе двойных стандартов пытается выдать за их некую **собственную интеллектуальную и даже творческую деятельность.**

«Яркий пример – сельское хозяйство у насекомых. Некоторые муравьи и термиты имеют сложную и высококоразвитую агрокультуру. Разводя в своих муравейниках и термитниках грибы на специально обустроен-

ных “огородах”, насекомые в течение тысяч и миллионов лет осуществляли самую настоящую селекцию своих сельскохозяйственных культур». <...>

*Вовсе не являются “слепыми и стихийными” агенты отбора и в том случае, когда речь идет о половом отборе (когда, например, **ожидаемое число потомков, оставляемых самцом**, зависит от того, насколько этот самец нравится самкам). В этом случае отбор направляют существа, у которых **всё же есть кое-какие мозги**. Эти существа способны к **целенаправленным действиям** и отчасти **осмысленным решениям**».*

Дайте мне другое перо, – говорил в подобных случаях Гоголь. «Настоящая селекция», «сельскохозяйственная культура», «целенаправленные действия», «осмысленные решения»... Хорошо-то как! Даже самец, оказывается, имеет представление о потомстве в категориях «ожидаемого числа», то есть, способен еще к анализу и планированию. Есть, есть от чего оторопеть дилетантам, не разбирающимся в настоящей науке. Как говорил попугай у Высоцкого: «...и даже кондрашкахватила пашу, когда он узнал, что еще я пишу, считаю, пою и пляшу!» Перефразируя древнее изречение, что запрещено здесь человеку, безусловно разрешено насекомым. Фэнтези-мир, описываемый автором и напоминающий то ли мультики Диснея, то ли мир басен Крылова с говорящими, поющими и трудящимися насекомыми, уже граничит со специфическими откровениями, полученными непосредственно от самих насекомых, но таковая жертва, видимо, совершенно необходима в борьбе с человеческим интеллектом и идеей Разумного замысла.

У слабонервных читателей может закружиться голова, когда они узнают, что деятельность насекомых в отношении цветов может фактически являться **искусственным** отбором:

«Совершенно аналогичным образом красота и приятный запах многих цветов являются результатом отбора (естественного? искусственного? даже не поймешь), осуществляемого насекомыми-опылителями. <...>

*Многочисленные случаи “эволюционной гонки вооружений” тоже наглядно показывают, что направленность отбора часто задается вовсе не “слепыми стихийными силами”, а **целенаправленным** (и тоже развившимся в результате отбора) **поведением** других живых существ. Так, газели, убегая от гепардов, осуществляют селекцию гепардов по признаку “скорость бега”, и ту же самую операцию продельывают гепарды в отношении газелей».*

Ну, ладно там – мир людей и их осознанных поступков. Можно пожертвовать чувством меры вкуче со стилистикой и сказать, что белогвардейцы, уворачиваясь от пуль Анки-пулеметчицы, осуществляют селекцию чапаевских пулеметчиц по признаку «меткая стрельба» (и ту же самую операцию продельывает Анка в отношении белогвардейцев, селекционируя их на уворачиваемость). Но чтобы жертва проводила селекцию хищников, да еще **«целенаправленным»** поведением... Мне представляется, что газель была б счастлива, пардон за антропоморфизм, если бы хищник оставил ее в покое со своими эволюционными упражнениями, но нет – она «целенаправленным» поведением (надо понимать убежением?) так сказать, тренирует гепарда, производит его отбор на выносливость и скорость.

Впрочем, как мы уже отмечали, редукция похожа на бездонную пропасть. Шизоидный тип личности (человек-схема) живет в мире, где Джоконда – это всего лишь полкило краски, размазанной по холсту. При этом человеку-схеме кажется, что если ему хватает фантазии сочинить какой-нибудь словесный сценарий преодоления проблемы или подтверждения

собственной схемы, то такой виртуальный пассаж уже имеет силу факта. А уж наш герой – случай уникальный в том смысле, что наделен умением расцветить даже самую «тупую» схему словесными узорами и вензелями, из-за чего, собственно, «тупость» этой схемы недалеким людям не сразу и бросается в глаза. Вспоминая Маяковского, Марков умеет «сделать нам красиво, как в Большом театре», хотя за нарисованными декорациями пустота, пыль и паутина. Мы уже не удивляемся, когда узнаём далее, что в том особом мире Александра Маркова существует даже *«селекция, осуществляемая абиотическими (неживыми) факторами среды»*, например, цветом почвы! С такой любовью к ее величеству редукции можно даже не учитывать живое – заявить, что качество асфальта отбирается гравитацией, целенаправленно разложившей его на разной толщины и плотности кучки, уплотняемые бессознательным, неодушевленным катком (не учитывать водителя катка – это, кстати, будет очень по-марковски). Но у меня есть смутное предчувствие, что всякий человек с обычным, не столь трансформированным восприятием – если захочет услышать что-нибудь об этом мире – то только в других терминах! Или, как говорил Александр Сергеевич Пушкин: «Боже мой, зачем просто не сказать “лошадь”»?

Таким образом, просветитель, которому надлежит прояснять и распутывать, напротив – переворачивает всё с ног на голову и запутывает. Пытаясь поменять местами разумное и инстинктивное, стереть грань между искусственным и естественным, он не чурается никакой казуистики и никаких сказочных сценариев, чтобы поддержать свою хлипкую химеру. Имеет ли он право осуждать того же фантазера Фоменко, когда сам выдумывает то, чего не было в истории (по сути выдумывает свою собственную историю)? И понимает ли, что вся эта *«марковщина»* (по аналогии с *«фоменковщиной»*) – классическая **лженаука**?

Несмотря на всю околонучную риторику, Александр Марков – укорененный, генетический, почвенный **гуманитарий**, и с этим трудно что-либо поделаться. В отличие от эгоиста рационала, исследующего узкий «объект», он воспринимает себя частью некоей идейной общности, ее иерархии. Им движет не логика частного, а эмоция общего, не желание получить объективный результат (быть может, опровергнув при этом предшественников или даже саму теорию), а сопричастность общей идее и желание быть с теми, кто, по его мнению, «говорит правильно». Рационал растёт, отталкиваясь от предшественников, поправляя их, а иррационалом движет тяга к своему миру и растворение в нем. Здесь невероятно опровержение Докинза – здесь можно только «списать» у него, чтобы самому стать «одним из Докинзов». Быть может, все эти назойливые марковские демонстрации: «Мы – наука! А креационизм не наука! А вот мы – наука!» – есть, по сути, некая компенсационная реакция?

Грубость как наилучшая самооценка

Если в незнакомой сетевой статье, которую я открываю для чтения, мелькают экспрессии типа «идиоты», «ублюдки», я такую статью, если и читаю дальше, то уже без всякого уважения к автору и его позиции. Почему-то никто не замечает лежащего на виду феномена – атеисты и эволюционисты всех времен и народов (именно идейные, *убежденные*, а не ученые-практики) крайне агрессивны, легко возбудимы и грубы в отношении креационистов, тогда как лично мне не известен ни один креационист, в аналогичной развязной форме отзывающийся о своих противниках. Знаю пару резковатых, помню полемическую горячность о. Даниила Сысоева, но, повторю, ни один из известных мне креационистов не опускается до «идиотов» и «ублюдков» в адрес оппонентов в **от-**

крытых публикациях. Невероятно, но развязный тон и очевидную вульгарность демонстрируют даже православные священники (!), разделяющие идеи эволюции, когда речь заходит о так называемом «научном креационизме». Уж, казалось бы, какое дело священнику до чьих-то попыток научно обосновать реальность библейской истории, если он сам пытается подверстать Библию под нынешнюю научную картину? Так нет, типичная модель поведения эволюциониста какой-то невидимой инфекцией поражает даже священников.

Хочу сразу исключить возможное возражение о грубости на форумных холиварах «эво vs креа» – там с обеих сторон в огромных количествах самоутверждаются анонимные юнцы и хотят быть услышанными люди любой психической организации. Я говорю о существующем положении в норме, о людях взрослых и психически адекватных – картина такова, что в подавляющем большинстве случаев пропагандисты эволюции раздражительны и грубы, если сталкиваются даже с корректными возражениями своей идее.

В легких случаях это – неприязнь, нервозность, которые, тем не менее, уже мешают говорить о противнике в спокойных тонах. В более серьезных случаях популяризатор эволюции, возможно, сам осознаёт, что со стороны выглядит глуповато, понимает умом, что теряет время и вполне может не вступать в полемику с оппонентами и пр., но уже часто не способен написать даже профильную научную статью или высказать суждение, не лягнув тех, кого он воспринимает как личных врагов. В самых запущенных случаях комиссар-эволюционист уже испытывает тяжелую зависимость от креационизма. Он ненавидит креационизм, но уже постоянно возвращается к нему в мыслях. Он кончается как объективный рациональный исследователь и уже воспринимает окружающий мир, новые знания – исключительно как аргументы против креационизма. Он становится занудным и вместе с

тем патетичным. Любой научный пустяк он именует уже не иначе как «победой разума» и первым делом злорадно вопрошает – что на это скажут теперь креационисты?

Первый тип убежденного эволюциониста почти повсеместен.

Маркером второго типа может служить статья одного из авторов проекта «Доказательства эволюции», А.Ю. Журавлева[24]. Статья начинается с довольно странно смотрящихся в подобной научной работе раздраженных выпадов в адрес *«двух американских шарлатанов (Кремо и Томпсона. – А.М.), на чью удочку попался профессиональный биолог (Ю. Чайковский. – А.М.)»*. *«...Опираясь на безграмотный опус означенных жуликов-креационистов, подобных коим ныне несть числа...»*. *«...Креационизм, наглежащий на фоне стремительно прогрессирующего невежества общества...»*.

Знакомые интонации, не правда ли? Старческое брюзжание молодого ученого в адрес *«жуликов-креационистов»* несовместимо с логикой, как бы отключает ее. Кембрийский взрыв, пишет сначала Журавлев в спокойном тоне, представлен постепенными переходными формами... – и тут вдруг опять, видимо, кого-то вспоминает, начинает нервничать, не находит себе места, и, наконец, не выдерживает и вворачивает в текст почти с облегчением: *«...существование которых замалчивается креационистами. (По причине невежества, конечно, если эту причину кто-нибудь сочтет извинительной)»*.

Казалось бы, «причем здесь Лужков», если разбираешься с кембрийским взрывом, но сам «кто-нибудь сочтет» уже не замечает, что два его утверждения противоречат друг другу. Если креационисты по своему невежеству не знают о существовании кембрийских переходных форм, то претензии о замалчивании их более чем странны, а если картина находок креационистам известна, но молчат они сознательно, то справедливы их обвинения в чем угодно, но только не в невежестве.

Впрочем, сама адекватность конструкта «переходные формы кембрийской фауны» – это *бабушка надвое вилами на воде написала*.

О представителях третьего типа, вероятно, читатель догадывается сам. Скажем лишь, что упомянутому А. Журавлеву имеет смысл поостеречься – похоже, он движется в этом же направлении семимильными шагами.

...Признаки «душевного дискомфорта» главного редактора «Доказательств...» просто бросаются в глаза. На просьбу прокомментировать статью некоего креациониста Александр Марков в своем блоге отвечает:

«Ужасная гадость, и я не знаю что делать: я уже на 100% загружен этой борьбой с отморозками. В принципе, если приходится выбирать что-то одно, более эффективно не ввязываться в споры с конкретными ублюдками» (Запись 03.12.09).

Агрессия к противникам эволюции в виде отдельных реплик щедро рассыпана по авторскому блогу и блогам коллег:

«Идиоты наступают», «Жиров – дурак», «главный враг – это креационисты», «оголтелые мракобесы», «чудовищный мракобес, каких мало», «на позорном креационистском сборище», «...диалога с жертвами ПГМ», «...с масштабами «Шестоднева» и всей прочей креа-своры», «дискутировать с креационюгами...», «мракобесы, комментирующие статью...», «как можно быть такими идиотами?» и т.д. и т.п. (Записи в авторском блоге 26.10.09 – 22.02.10; комментарий в блоге А. Оскольского 28.02.10).

Вот уж, действительно – мы есть то, что думаем и говорим о других. Существуют простейшие законы психологии, правила

зеркал и рикошетов. Первый вопрос, который приходит в голову – зачем эти люди так себя ведут и такое говорят? Зачем? Тот же Марков может до умопомрачения объяснять причины своей грубости, сваливая всё на противников, но разве он не понимает, что он вредит только себе, своей репутации?

Я скажу вещь, которая может показаться банальной, однако многим людям ее органически непросто усвоить. Если ты называешь кого-то идиотом или ублюдком, то должен иметь такое право. Острее говоря, даже заслужить. Подлеца можно и нужно назвать подлецом, но для этого самому нужно быть чистым. Выражаясь в стилистике Маркова, ты должен жить, питаться и размножаться так, чтобы не только противникам, но и твоим более этически продвинутым единомышленникам не дать повода назвать тебя идиотом и ублюдком. То есть, как минимум, ты сам не должен быть этим. Но когда противоположная сторона высказывается о тебе цивилизованно, а ты, «обзываясь», трясешься и изрыгаешь проклятия так, что от натуги ермолка улетает в космос, то у любого более-менее нормального человека (даже у твоих более цивилизованных единомышленников) вполне справедливым будет вопрос – а, может быть, товарищ, ты сам «идиот» и «ублюдок»?

Между тем я совершенно не собираюсь выяснять, кто из двух сторон «заслужил подлеца», а кто «прав». Я просто хочу обратить внимание Маркова на одну неизбежность – как бы он ни перекалывал свою грубость с больной головы на здоровую (или наоборот, это не принципиально), оценивать, насколько он сам *не то, что говорит о других*, все же не ему, а людям более этически адекватным, даже его сторонникам. Если же я высказал свою мысль не очень понятно, повторю – оскорбляющие никогда не имеют преимуществ перед оскорбляемыми. Надо держать в уме, что всегда найдется тот, в глазах кого *производитель желчи* по совершенно объективным причинам будет выглядеть жалко. Впрочем, чудны дела

твой, эволюция – человек, считающий, что парадигмой всего живого является «побольше сожрал – побольше привлёк самок – побольше оставил потомства», имеет смелость называть кого-то идиотами и убудками.

Не хочу сейчас широких обобщений, но причина любого агрессивного поведения в адрес мирного противника – **нелегитимность** агрессора. Так ведут себя тираны, незаконно избранные политики и отдельные палеонтологи. Агрессия в этом смысле – производная страха; страх, особым образом выраженный, защитная реакция внутренне испуганного человека на реальную или возможную угрозу. Лично мне экспрессивная стилистика атеистов-эволюционистов напоминает период нашей истории, который ассоциируется с так называемыми процессами над вредителями, с именами Жданова, Вышинского, включая, конечно, и их главаря. Этот пример почти крайность, но откуда в лексике тех железных борцов с вредителями (а в реальности жертвами, которые уже и сопротивляться не смели) было столько к ним ненависти? Причем, искренней, почти животной?^[25] Да всё оттого, что каждый из обвинителей внутренне осознавал, мягко выражаясь, свою неправоту, ложь своего обвинения и невиновность обвиняемых. По большому счету нелегитимностью, ощущением изъясна в том, что тебе необходимо отстаивать и страхом поражения (разоблачения) объясняются любые истерики и припадочные реакции в отношении противников.

Казалось бы, коль уж вы, товарищи, являетесь рационалами-просветителями и сторонниками научного знания, отчего б не направить свои «гроздья возмездья» на мусульманский терроризм, оккультные секты, торговцев «биофотонными» товарами, шарлатанов-«целителей», колдунов, астрологов и ваших собственных облеченных научными званиями субъектов вроде Петриков, Мулдашевых и Фоменок? Ведь многие из них, согласно вашей креафобной аргументации в не меньшей

степени подрывают основы безопасности государства и пытаются проникнуть в святая святых – школьное образование? Но нет, весь накал горячей любви достается только креационистам и сторонникам Разумного замысла. И не спрашивайте, за что такая честь. За то, что только они по-настоящему мешают эволюционистам чувствовать себя победителями, почивать на лаврах и беспрепятственно распространять ложь про эволюцию.

Пренебрежение нормами права, «тоталитаризм»

Дни, когда я пишу эти строки, не самые лучшие для того, чтобы упрекать Александра Маркова в непонимании базовых принципов современного права. «Нынче ветрено и волны с перехлёстом». Но если допустить две почти невероятные вещи – что в нашей стране когда-нибудь утвердится настоящее правовое общество и при этом идеи и труды Маркова вроде «Доказательств эволюции» еще будут представлять интерес для того времени (что, впрочем, сомнительно), наш герой в таком обществе, с его ответственностью власти, прозрачностью действий чиновников, обратными связями и работающими законами будет воспринят как субъект с автократическим или даже тоталитарным мышлением и поведением.

Свобода и уважение к личности – основания современного права. Пусть в нашей стране и теоретические, но не дающие повода нарушать их потому, что они нарушаются власть предержащими. Впрочем, сразу хочу предположить, что Марков в этом смысле не является «нарушителем» сознательным, его авторитарные и тоталитарные замашки объясняются, скорее всего, банальной правовой неграмотностью, этакой «наивностью» и даже некоей невзрослой капризностью. Эти противные креационисты меня так раздражают! Видеть их не хочу!

Осознав простоту и результативность авторитарных методов, наш записной автократ (считающий демократию одной из причин распространения креационизма), на собственном форуме «Проблемы макроэволюции» с определенного времени стал просто «навечно» банить оппонентов – и не за нарушения правил форума (скажем, за несоответствие высказываний заявленной теме), а исключительно по принципу инакомыслия; за взгляды, не совпадающие с «хозяйскими». Юмор в том, что форум «Проблемы эволюции» изначально был создан автором именно для дискуссий с креационистами. Очевидно, что легкая победа над оппонентами не удалась:

«...В дальнейшем все темы с активной пропагандой креационизма будут удаляться или блокироваться. В данном случае высказывание «Разумный план – исследовательская программа» я считаю вполне достаточным основанием для закрытия темы» (Комментарий в теме «Современные взгляды на автоэволюцию», 02.06.06. Выделено автором цитаты, – А.М.).

Разумеется, под «пропаганду креационизма» в понимании Маркова подпадают не только ID и поиск искусственности в природе, но и **любая критика эволюционизма**. Модератор и основное ядро участников ведут себя также в соответствии с марковским пониманием права – достаточно оппоненту сказать хоть слово поперек музыки. Быстро следуют оскорбления, обвинения в психической неадекватности или троллинге, неизменный бан.

Юмор еще и в том, что место для форума Маркова предоставляет сервер, принадлежащий ПИН РАН, то есть на официальном государственном портале не только нарушается основной Закон государства, гарантирующий свободу мнений, но и сам форум по факту содержится на деньги (налоги) тех

людей, которые изгоняются с него за попытку высказать свои взгляды!

Один из участников кураевского форума (кажется, Давид Д.) как-то написал о подобном подходе «имеющих власть» эволюционистов в отношении оппонентов:

«Если трезво посмотреть, то чего они хотят? – Чтобы идея разумного замысла совсем не упоминалась? Не получится, потому что в науке кроме доказанного есть место предположениям, гипотезам – не всё ещё понято и открыто. Да и вопрос “почему” тоже имеет место возникать наряду с вопросом “как”, нельзя от него отмахиваться только потому, что он не научный.

*Когда что-то яростно критикуется, то “тупая” критика нерезультативна. Нужно определить место для критикуемого. Я бы с ними полностью согласился, кабы они чётко указали на место **идеи** разумного замысла как **философского** вопроса, не укладывающейся пока в рамки научного исследования, на трудности теории эволюции <...>, а не просто отвергать креационизм, как ненаучный, а значит неистинный, и относить креационизм только к области религии» (Выделено автором цитаты. – А.М.).*

Как эти слова правильны и как... наивны! На самом же деле в марковской системе взглядов нет места не только креационизму, но и любому антиэволюционизму. Если кто-то полагает, что проект «Доказательства эволюции» являет собой некий жест толерантности и примирения враждующих сторон, то хочу его разочаровать. Единственная задача Маркова и компании – попытаться по максимуму склонить на свою сторону всех сомневающихся или тех, кто еще не в теме. Атеисты-эволюционисты ненавидят религию, ненавидят креа-

ционизм, но, не зная, как победить этих «идиотов» и «мракобесов», вступили во временный «молотово-риббентроповский» союз с так называемыми православными теоэволюционистами против основного врага. Если посмотреть на другие работы Маркова, станет совершенно очевидно, что заявленное в «Доказательствах...» примирение науки и религии, верующих и неверующих на платформе научного знания – явное очковтирательство. Кроме полной капитуляции религии перед наукой Марков никакого иного примирения не мыслит, но, понимая утопичность подобного сценария, уверен в неизбежности будущего конфликта. *«Несмотря на активное нежелание большинства цивилизованных людей разжигать этот извечный конфликт, он не желает затухать...»*, – делится с читателями наш миротворец в одном из своих обзоров со столь же миротворческим названием «Человек не был создан по образу Божию»[26]. Он как будто даже с удовольствием и гордостью подливает масла в огонь:

«...Сегодня наука уже вплотную подобралась к «самому святому» в человеке, и извечный конфликт религии и науки имеет все основания разгореться с новой силой».

«Судя по всему, очередной виток противостояния науки, религии и общественного сознания обещает быть весьма драматичным».

Это – голос миротворца? Как нетрудно заметить, у одного из «цивилизованных людей» мнение о перспективах примирения религии и науки вполне определенное, само по себе провокационное, подогревающее конфликт. Даже «общественное сознание», так сказать, без его, сознания, ведома, назначено нашим миротворцем на участие в грядущих драматических событиях. Что же касается так называемых антиэволюционистов, то в тексте «Доказательств...» содержится

столь же неприкрытое, сколь и наивно-антиправовое положение – все люди делятся на своих и чужих исключительно по принципу принятия или неприятия ими теории эволюции. Занятно, что на этих «чужих» **крест уже поставлен изначально.**

«Одна из проблем, связанных с популяризацией научных представлений об эволюции, состоит в том, что ученых убеждать не надо, а антиэволюционистов сложно переубедить (они, в силу своих взглядов, относятся с недоверием к науке и к аргументам, которые можно выдвинуть в русле научного подхода)».

«Едва ли представленные в ней (публикации. – А.М.) материалы переубедят тех, кто относится к науке с предубеждением. Переубедить их сложно, а иногда и невозможно. Но будем надеяться, что она убедит непредвзятых читателей...».

Еще прямее об этом в одном из последних интервью:

«...Мне стало ясно, что этим людям ничего объяснить нельзя, у них религиозная мотивация, им главное – доказать свою лояльность тому божеству, в которое они верят. Они либо закрывают глаза на факты, либо объявляют, что все это – фальсификация. Спорить бесполезно. Убежденный креационист потерян для доводов рассудка»[27].

Как видим, на креационистов и прочих «антиэволюционистов» здесь, мягко выражаясь, не очень-то и рассчитывают, точнее, переубеждать вовсе не собираются. Более того, **неприязнь к противникам эволюции культивируется на протяжении всей работы.** Краски намеренно сгуща-

ются, противостояние и конфликт намеренно раздуваются. Самый поверхностный взгляд на разбор так называемых антиэволюционных аргументов показывает, что целью этих разборов является не только просвещение сомневающихся в эволюции, но и очевидно горячее желание отсечь свою потенциальную публику от оппозиционной заразы. То есть, прогнозируемая цель проекта – помимо собственно *просвещения непросвещенных* – вбить клин между «своими» и убеждёнными «чужими». Не объединить, а указать потенциальным «своим» на врага, дать оружие для борьбы с ним, развести своих и чужих по разным углам. Слишком легко читается личная эмоциональная неприязнь к противникам эволюции, слишком красноречивы все эти двойные стандарты, «соломенные чучела», и даже явная клевета на определенную «социальную группу». В этом смысле показателен уже упоминавшийся FAQ «Доказательств...» с самосочиненными за оппонентов вопросами.

«Почему у эволюционистов всегда такой высокомерный тон, почему они так неуважительно отзываются о своих оппонентах – антиэволюционистах?» – от имени противников задает Марков вроде бы резонный вопрос, но тут же выворачивает его наизнанку, представляя воображаемых собеседников людьми с завышенными претензиями на научность и абсолютно бессвязной логикой. – *Это – нарушение научной этики!»*

Конгениально, как говорил Остап Бендер. Логическая диверсия, подмена сути вопроса совершена еще до ответа; проблема из плоскости этики и права ненавязчиво переведена в плоскость «научной неадекватности» противника. Так сказать, будем отвечать не на вопрос о своем собственном хамстве, а на претензии оппонентов иметь хоть какое-нибудь отношение к науке.

«Научная этика тут ни при чем, – резво отвечает наш «судья» на собственную заготовку, – потому что антиэволюционисты уже лет 80 как находятся полностью вне науки. <...> Отношения между учеными и антиэволюционистами такие же, как между преподавателем, пытающимся читать лекцию по истории Древнего Рима, и кучкой хулиганов на задних партах, которые не дают ему вести урок своими криками “Все это ложь, никакого Рима не было, Юлий Цезарь жил 100 лет назад и был на самом деле Наполеоном, читайте академика Фоменко!”».

Итак, ответ на вопрос участника кураевского форума о месте и роли креационизма в нынешнем обществе дан совершенно определенный (и не только о роли креационизма и креационистов, но шире; о роли и месте всех, кто против эволюции). Всё это – хулиганы на задней парте.

*«Конечно, каждая человеческая личность заслуживает уважения просто в силу того, что это человеческая личность», – казалось бы, делает этический реверанс Марков. Однако, как выясняется, лишь для того, чтобы отменить и противопоставить сказанному далее. – «Но **поступки антиэволюционистов, их нападки на науку и попытки насаждения воинствующего невежества никакого уважения не заслуживают и должны разоблачаться без всякого снисхождения».***

Иными словами, **«поступки»** противников эволюции (то есть распространение своих убеждений), это нечто настолько серьезное, антиобщественное, что не просто закрывает тему какой-нибудь научной этики, но **уже достаточно**, уже **дает право** не соблюдать в отношении этих людей каких-то обычных норм и правил вежливости. Примерно так в уличной толпе реагируют на замечание повежливей обходиться с пой-

манным преступником – чего с ним, бандюгой, церемониться, сам себя уважения лишил! Именно так Марков ответил на заданный самому себе вопрос. Отрицание теории эволюции есть, в сущности, большее зло, чем даже наше хамство в отношении этой публики.

*«Аргументация» антиэволюционистов с научной точки зрения не представляет ни малейшего интереса. Это не более чем смесь назойливо повторяющихся старых вопросов (на которые наука давно уже ответила), **прямой лжи**, нелепых обвинений (например, в подделках, в мировом заговоре эволюционистов и т.п.) и жонглирования выдернутыми из контекста цитатами. <...> Мы не можем позволить **шарлатанам и невеждам** насаждать антинаучные взгляды среди **нормальных людей**».*

Итак, как говорят в драматических мизансценах, слово произнесено. Все, кто не разделяет теорию эволюции – **лжецы**, **«шарлатаны и невежды»**, чьи убеждения **«никакого уважения не заслуживают»**; группа людей с определенными взглядами, которым **«нельзя позволить»** свои убеждения высказывать и распространять, и которые, именно в силу своих противоположных взглядов, даже не относятся к категории «нормальных людей».

Я хочу заметить, что в подобных пассажах Марков явно теряет этическую и правовую осторожность, поскольку столь определенные высказывания ничем не отличаются от высказываний класса «русский народ – пьянь и быдло» или «все мусульмане – боевики и террористы». Получается, что и мусульмане, и буддисты, и иудеи, и даже «официальные» ученые, успешно работающие с микроэволюционными процессами, но отрицающие макроэволюцию за ее практическую бесполезность и недоказанность, являются по определению

Маркова шарлатанами и невеждами, заслуживающими презрения «нормальных людей». А это уже серьёзно, поскольку антиэволюционизм как таковой есть не только концепция креационизма, монотеистических мировых религий или отрицание «теории» на строгих научных основаниях, но и **жизненная позиция** всех тех людей, которые не желают принимать представлений о человеке как о ходячем желудке или о милосердии как развитом животном инстинкте.

Хотя Марков сознательно не употребляет конструкцию «**все** антиэволюционисты», из контекста его писаний однозначно следует, что именно – все. Его противник всегда обезличен, это антиэволюционисты «вообще». Абсолютно невероятен в его речи «умный» или «достойный оппонент» антиэволюционист. И хотя он в единичных случаях снисходит до оговорок количественного типа – «многие антиэволюционисты» и «некоторые антиэволюционисты», в норме же исключений из вражеских рядов Марков не только не видит, но и любой его соратник-эволюционист, пытающийся, скажем, непредвзято обсудить проблемы разумного замысла, автоматически попадает в разряд засланных казачков из вражеского стана (И. Антонов, «москвич», И. Рухленко и др.).

Читатель волен спросить меня – а не слишком ли я сгущаю краски, говоря о марковском «тоталитаризме», хоть и в кавычках? Мало ли что говорит в запале этот пропагандист, не пустые ли слова всё это? Да, пустые, но, боюсь, только потому, что наш герой не имеет возможности хоть как-то серьёзно влиять на ситуацию. Вспомним уже упоминавшееся письмо Маркова на Российское телевидение с просьбой запретить стороне, оппонирующей эволюционизму, высказывать свою точку зрения.

«Я совершенно убежден, – пишет А. Марков телевизионному начальству, – что задуманный фильм про Дарви-

на – если акценты в нём не будут смещены и останется заявленная в “концепции” беспристрастность и равноправие мнений «за» и «против» – станет жестоким ударом по науке, ее авторитету в обществе».

Такое нечасто услышишь. То есть, если фильм будет сделан честно, беспристрастно, с равным для сторон правом высказать свою точку зрения, это станет... жестоким ударом по науке, ее авторитету в обществе! *«Задумайтесь над моими словами, не становитесь орудием в руках тех сил, которые стремятся втянуть Россию в очередное средневековье, сделать ее религиозной страной»!* Этаким «главврач Маргулис», который сумасшедшим «телевизор запретил»! Когда Марков за любой антиэволюционный чих изгоняет оппонентов со «своего» форума (на самом деле форума, содержащегося на деньги налогоплательщиков), это еще не тоталитаризм. Изгнанные могут продолжить свой спор с оппонентами на других форумах, а также публиковать статьи, давать интервью, да хоть снимать собственные фильмы. Но требование информационно уничтожить всех оппонентов как класс, запретить их даже на «желтых» каналах ТВ – вот это уже «тоталитаризм» в чистом виде. Александр Марков, вероятно, будет очень удивлен, если узнает, что каждый человек в соответствии со своими убеждениями *«имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом».* Но: *«Очень надеюсь, что фильм у вас получится хороший и послужит не мракобесию, а просвещению»*, – так заканчивает письмо Марков, вполне уверенный, что любая точка зрения, отличная от эволюционной, ничем иным кроме мракобесия быть не может.

Кстати, здесь уместно задать проверочный вопрос – а как повел бы себя Марков, обладай он возможностью реально

влиять на ситуацию? Ответ содержится в тех же репликах и развернутых комментариях нашего «главврача Маргулиса», публикуемых на «его» форуме и в блоге. Например, узнав (в чужом пересказе), что некто В.К. Жиров, достаточно авторитетный ученый, член-корреспондент РАН, в **философском** выпуске журнала МГТУ (г. Мурманск) выступает с религиозных позиций против эволюции, Марков поначалу «с изменившимся лицом бежит к пруду»:

«Надо что-то делать. Но что? Писать коллективное письмо в Президиум РАН? (что А.Б. [Савинов, критик. – А.М.] как раз и предлагает). Поднимать шум в СМИ, будоражить общественность (вот я этим и занимаюсь тут)?» (Запись в блоге Маркова 23.12.09).

...А некоторое время спустя изумляется – почему Жиров до сих пор на своем месте? Почему к нему не принято никаких мер?

*«Он **по-прежнему** членкор и директор и декан. Это ПОЗОР ДЛЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК. Это позор для всех нас. Обращаюсь к коллегам из Троицкого варианта, Полит.ру и других СМИ, поддерживающих науку. Обратите внимание на эту ситуацию. Нельзя об этом молчать. Такие Жировы плодятся быстрее, чем вы думаете. <...> Эти люди не просто “строят планы на наших детей”. Они уже претворяют свои планы в жизнь. **Мы должны их остановить**»* (Запись 15.04.10).

*«Если преподаватель своим студентам под видом науки втюхивает ерунду, такого преподавателя **нужно знать поганой метлой**»* (Комментарий в теме 16.04.2010)[28].

Я думаю, дальнейшая карьера Жирова – имей Марков реальную возможность ею распоряжаться, вряд ли могла бы вызвать какие-либо сомнения. Любопытно – где, на каком

уровне наш тиран все же разрешил бы противнику эволюции Жинову высказывать свои взгляды? Я уверен, что не позволил бы даже на вокзале, в зале ожидания, дабы не смущать *«нормальных людей»*, не влиять на *«общественное мнение»*. Правовая культура этого борца со злом посредством *«писания коллективных писем в Президиум РАН»* до сих пор находится на уровне 1937 года. Думаю, что это даже не «культура», это рефлексы. Все попытки единомышленников объяснить ему хотя бы азы права пока не увенчались успехом.

Очень показательна и реакция Маркова на известие, что один из соавторов проекта «Доказательства эволюции», как «неожиданно» выяснилось, глумился в сети над смертью священника Даниила Сысоева, что вызвало бурю возмущения среди христианской части рунета и, мягко говоря, вступало в противоречие с заявленной примиренческой целью проекта. Впрочем, главного редактора это не смутило.

«Не знаю, как там глумился Lantios над смертью Сысоева, да и правда ли все это?» – пишет наш записной правовед, демонстрируя свои обычные двойные стандарты (налицо «презумпция невиновности для своих»), но дальнейшее развитие сей мысли (точнее, соскок с мысли и перевод стрелок) у него получается неожиданным:

«Когда-то я немного почитал тексты Сысоева, и у меня сложилось однозначное впечатление, что если бы этому человеку вдруг досталась власть, полились бы реки крови. Он ради своей фанатичной веры ни перед чем бы не остановился. (по словам знакомых с семинара “наука и вера”, он “присвоил себе ключи от рая”, хотел предавать анафеме эволюционистов, говорил, что не считает атеистов разумными людьми и т.п.). (Рекомендую читателю ознакомиться с этим марковским «источником». – прим. А.М.) Враг православия (в его понима-

ни) вряд ли долго оставался бы жив, приди Сысоев и ему подобные к власти» (Комментарий в блоге Н. Борисова 26.03.2010).

Как видим, обвинение вполне определенное и достаточно серьезное. Учитывая, что Марков человек медийный, а у священника Даниила Сысоева есть множество уважающих его память сторонников, такие вещи принято либо серьезно обосновывать – например, привести конкретные призывы Сысоева к расправе над оппонентами и их убийству, – либо прослыть человеком, легко бросающимся словами (вообще-то, оно так и есть, просто я воздержусь от более грубого определения). Здесь удивительна не только полная этическая глухота новоявленного «судьи» – поскольку человек, на которого он возводит напраслину, сам пал от руки убийцы, то есть, его самого по факту **утопили в крови**. (Любопытно, что мертвый священник до сих пор не дает ему покоя). Но внимания заслуживает очевидная психологическая проекция Маркова с гипотетическим приходом к власти противников эволюции. Тут, что называется, человек явно судит других по себе. Я не утверждаю, что лично Марков, приди он к власти, занялся бы физическим устранением противников, однако демонстрируемая им степень ненависти и страха говорит о самом «судье» и о понимании им «методов работы с оппонентами» достаточно красноречиво. По крайней мере, мало надежды, что такие судьи, кричащие о реках крови и кострах инквизиции, в определенной ситуации сами окажутся милосердными.

Отношение к людям, к их свободе и их убеждениям лишь по принципу приятия или неприятия ими «теории» эволюции – это как раз и есть самое настоящее средневековье, «эволюционная инквизиция», к счастью, по бессилию марковых и К^о всего лишь теоретическая.

4. Специалист всегда прав?

Как мы уже упоминали, в «Доказательствах эволюции», равно как и в других статьях и лекциях Маркова, одной из самых назойливо повторяемых является тема доверия специалистам в столь сложном вопросе как теория эволюции (ассоциируемой, разумеется, с наукой как таковой).

*«...то, что очевидно **специалистам**, далеко не всегда очевидно людям, **не занимающимся наукой профессионально**», «Удивительно, что некоторые люди, **не являясь профессиональными** биологами, тем не менее берут на себя смелость утверждать, что они лучше понимают основы биологии, чем мировое научное сообщество, включающее **миллионы профессионалов** из многих десятков стран. <...> Факты, изложенные в этой публикации, оказались достаточно убедительными для **профессиональных биологов всего мира**. Если эти факты, однако, не являются убедительными для Вас – подумайте, может быть, все-таки это Вы чего-то не понимаете, а не **миллионное сообщество профессионалов?**»*

И прочая, и прочая. Этаким современный Сократ: я знаю, что непрофессионалы в биологии ничего не знают! Тема доверия мнению специалистов, конечно, напрямую завязана с тем же правом. Ведь даже если специалист обладает стопроцентным знанием, это не означает, что он волен навязывать вам свое мнение, и уж тем более как-то дискредитировать вас на том основании, что вы с его мнением не согласны. Однако, от Маркова и К^о даже окучиваемые ими «сомневающиеся» слышат совершенно иное – раз мы специалисты, то вы рас-

слабьтесь, ибо вы никто; говорить будем мы, а ваше дело молчать и слушать. Клайв Льюис по этому поводу заметил:

«Но страшно давать власть специалистам именно потому, что они – специалисты. Не им решать, что хорошо для человека, что справедливо, что нужно и какой ценой. Пусть врач скажет мне, что я умру, если не сделаю того-то, а я уж сам решу, стоит ли жить на таких условиях» (К.С. Льюис, «Возможен ли прогресс?»).

Разумеется, еще со времен Вергилия принцип «Доверься знающему человеку» справедлив для всех ситуаций, когда дилетант хочет получить достоверную информацию, сделать правильный выбор или решить сложную для себя проблему. Профессии юриста, инженера, врача и др. – требуют специальных знаний; более того, даже безусловно образованный специалист должен еще доказать окружающим свое право считаться профессионалом в своем деле, заслужить авторитет и доверие. Но в качестве каких **специалистов, в каком вопросе**, в качестве **экспертов по чему** нам надлежит доверять Маркову и компании?

Я надеюсь, никому не придет в голову, что я хотя бы намеком или полунамеком оспариваю профессиональную состоятельность уважаемых авторов «Доказательств эволюции». Все они, безусловно, замечательные ученые-биологи, прекрасные энциклопедисты и сортировщики-классификаторы пауков, морских ежей, растений; а один из авторов даже физик и специалист по радиационной защите. Но, спросим себя – этой ли специфической экспертной оценке предлагают нам довериться Марков и компания?

Нет, конечно, не этой. Они предлагают нам довериться их праву быть арбитрами в той области знания, на которую так называемая наука не распространяется. То есть, мы имеем

очередную подмену – специалисты по бухучету морских ежей претендуют на знание истины в последней инстанции в вопросах, однозначные ответы на которые никогда не будут получены, ибо диктуются не опытным знанием, а философскими парадигмами (и подобранными под нее свидетельствами). Неужели мнение специалиста по морским ежам или даже специалиста по ядерным процессам можно считать авторитетным в вопросах происхождения и развития вселенной, жизни, человека, разума, альтруизма, искусства, религии? Нет, и именно потому нет, что, какими бы классными специалистами по чисто биологическим вопросам (наблюдения и описания живой природы) они ни были, целью этих людей является не просвещение масс в вопросах таксономической классификации морских ежей или разнице в способах размножения пауков. Задачи и цели здесь иные. Когда Марков и ему подобные упорно силятся увидеть в ископаемом скелете какой-нибудь так называемый прогрессивный признак, отсутствующий у скелета его «предка», эта радость исследователя – не радость от проясняющегося тумана незнания, а **радость кажущейся правильности своей парадигмы** и того, что *«у науки»* есть еще один *«факт»* естественного, а не божественного происхождения и развития этого мира. (Это касается и теологических эволюционистов, отводящих Творцу роль свадебного генерала на празднике эволюции или некоего «стартового криэйтора», предоставившего миру возможность развиваться естественным, само-собойным образом).

То, что эволюционная идея – объект не науки, а метафизики и пропаганды, хорошо видно, например, по отношению наших эволюционных комиссаров к понятию «истина в науке». В научных кругах, как правило, к этому понятию отношение вполне определенное. Например, академик РАН С.Г. Инге-Вечтомов (один из подписантов знаменитого письма десяти академиков против РПЦ) говорит совершенно определенно:

«В школе следует четко и ясно объяснять учащимся: абсолютной истины не существует, истина всегда относительна, в науке нет завершеного знания, научное знание существует всегда лишь в динамичном развитии»[29]).

Действительно, по общепринятому в науке мнению, наука не ищет истину, и даже ничего строго и окончательно не доказывает, но лишь строит вероятностные объяснительные модели на основании изучения окружающего, наблюдений и экспериментов. А между тем одной из любимых авторами «Доказательств...» цитат, которую в подтверждение собственной позиции они используют в своих статьях, интервью и даже книгах, является фрагмент выступления академика А.А. Зализняка на церемонии вручения ему премии Солженицына:

*«Мне хотелось бы высказаться в защиту двух простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно: 1) **истина существует, и целью науки является ее поиск**, 2) в любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант»[30].*

По крайней мере, три автора – Марков, Еськов и Борисов охотно используют это высказывание в качестве якобы точной характеристики нынешнего положения в науке и весомого аргумента против оппонентов. Несмотря на то, что призыв доверяться мнению специалиста буксует в первом пункте (специалисты как-то не договорились между собой, существует всё же истина в науке или нет), само «массовое» обращение популяризаторов эволюции к тезису литератора-лингви-

ста Зализняка показательно. Их согласие с тем, что «истина в науке существует», может удивить своей «гуманитарностью» и «литературностью», поскольку идет вразрез с традиционным взглядом научного сообщества на этот предмет. Но финальный акт нахождения истины с помощью науки в понимании эволюционных пропагандистов – это, как мне кажется, ничто иное, как завуалированное утверждение, что искомой истиной является именно теория эволюции, и наука способна эту «истину» когда-нибудь окончательно и бесповоротно доказать. Другого объяснения этому метафизическому сбою в системе я не вижу, поскольку самого понятия «истина» или «истина в окончательном виде» в принципе не может быть у мира, возникшего эволюционным путем и не имеющего видимой конечной цели. Еще Честертон говорил, что подобные понятия есть насмешка над самой эволюцией, ибо разум, возникший эволюционным путем, не способен оперировать чем-то неизменным.

Второй же пункт приведенной цитаты, это высказанное устами академика то самое, узнаваемо-чванливое самоощущение просветителей – на все суждения об эволюции имеет право лишь специалист, а те, кто ее отрицает, либо дилетанты, либо противники-невежды. Что касается цитируемого утверждения академика, то лично я вслед за авторами «Доказательств...» также готов подписаться под каждым его словом. (Сам Зализняк предельно осторожен в выражениях: «...если он действительно профессионал», «в нормальном случае»...). Проблема лишь в том, что данный случай с якобы правотой профессионалов перед дилетантами – отнюдь не нормальный, да и в вопросах единственно правильной научной реконструкции того, что происходило в отдаленном прошлом – один раз, без свидетелей и при неизвестных сегодня условиях, – профессионалов быть не может в принципе. Эти люди либо лукавят нам, либо самообольщаются, что только

они, с вершины своего знания, способны понять эволюцию. «Теория» эволюции – философская реконструкция, следовательно, перефразируя одного знаменитого англичанина, слишком серьезная вещь, чтобы доверять ее презиравшим философию эволюционистам! Рассказ о внутривидовой изменчивости (штука вполне себе экспериментальная) находится в рамках науки и компетенции специалиста, но когда Марков выходит за границы экспериментального знания, он похож на слепца, держащего слона за хвост и горячо доказывающего нам, что слон похож на веревку.

Посему – да, профессионал всегда более прав, чем дилетант, но лишь когда дело касается науки, плодов *научения*; науки, имеющей ясные представления о своих границах, с багажом знаний, проверенных опытом, и новыми гипотезами на основе этих достоверных знаний. Но, еще раз – когда речь идет о философских категориях, а тем более – сказочных, этот пункт недействителен. Можно быть профессионалом-сказочником, но не стоит обольщаться, что дилетант не отличит твои сказки от реальности. Вся эта ситуация хорошо описывается притчей Андерсена «Новое платье короля» – голые «профессионалы» очень сердятся, когда «мальчики» не видят на них сказочных одежек. И оттого, что Марков и компания – самые лучшие в отечестве специалисты, а также эксперты и консультанты **по производству невидимой ткани**, нисколько не делает эти ткани и костюмы реальностью.

А смотря еще шире – отчего Александр Марков думает, что есть только одна правота, и она принадлежит именно ему? Почему мнение о мире и жизни (и даже о Дарвине и эволюции) мы должны услышать от палеонтолога, а не от философа, священника или литератора? Пытался ли Марков хоть раз стать на место других профессионалов? Посмотреть на мир, на его происхождение, его историю, его связи и побудительные мотивы – как всё это выглядит с точки зрения дру-

гих вменяемых людей с совестью, личной свободой, чувством меры и нетерпимостью к любой несправедливости? Имеет ли право палеонтолог от имени, так сказать, всего прогрессивного человечества столь громко утверждать, что истина у него (или у науки) в кармане, что эволюция является раз и навсегда доказанным фактом? Изучал ли он геологию и астрономию, генетику и молекулярную биологию, чтобы утверждать это столь категорично? Как много знает этот специалист о жизни вне своей профессии? Изучал ли философию мысли и философию науки, историю, богословие, литературу? Впрочем, как мы уже говорили, А. Марков известен еще и в качестве писателя-фантаста, издающего «настоящие» бумажные книги. Таким образом, мы видим, что, требуя невмешательства оппонентов в дела науки, наш палеонтолог в другие области сам вторгается свободно. Профессионал всегда правее дилетанта, говорите? Оппоненты, руки прочь от науки? Но, проводя зеркальную аналогию с марковскими нападками на оппонентов и его претензиями на главенство профессионала в любом деле – самого Александра Маркова можно смело, на тех же основаниях, назвать **лжеписателем**, **псевдо-литератором** и **шарлатаном**, эксплуатирующим доверчивость неподготовленных юных читателей. Вместо хорошей качественной литературы, являющейся уделом профессионалов, многие молодые люди вынуждены открывать для себя мир литературы в виде откровенной халтуры, начинать путь с испорченного вкуса и карикатурного представления о русской словесности. Лично мне, по крайней мере, странно, что биологу, по своему естеству призванному любить природу, не жаль того множества деревьев, что были срублены и переработаны на бумагу для его книг совершенно впустую. А могли бы, так сказать, еще зеленеть в бору и шелестеть кронами на ветру, родные. Прежде всех обвинений креационистов во вреде науке – подумал ли наш бойкий производитель литхал-

туры, какой вред литературе, природе и юношеским мозгам нанес лично он?

Разумеется, всё сказанное мной по поводу «нового платья короля», то есть, дилетантского взгляда на эволюцию, относится к **настоящим дилетантам**, вроде меня. Я просто констатирую факт – не нужно быть специалистом, чтобы увидеть несуразность эволюционизма. Не нужно быть гурманом для понимания того, что еда тухлая. Все это сугубо мое личное мнение. Я совсем не касаюсь позиции многих критически настроенных к эволюции ученых, настоящих профессионалов, не видящих в «теории» эволюции строгих научных оснований считать истинной. Равно как и многочисленных ученых-практиков, которым сама по себе эволюционная идея в работе – как рыбе зонтик.

5. Справедлив ли «аргумент к большинству»?

В «Доказательствах эволюции», как и в других работах главного редактора, есть еще один аргумент, который Марков использует просто с каким-то упоением и который, судя по всему, не воспринимает иначе как еще одно доказательство эволюции. Это так называемый аргумент к большинству, ссылка на большое количество сторонников идеи (*«миллионное сообщество профессионалов»*, *«миллионы профессионалов из многих десятков стран»* и пр.). Теория эволюции, говорит Марков, вызывает некоторые разногласия в научной среде, но не может быть ошибкой, потому что ее поддерживает подавляющее большинство научного сообщества.

«Читатели сами могут убедиться в масштабах (выделено автором цитаты. – А.М.) происходящего (здесь

очень важен именно масштаб), изучив содержимое самой представительной международной электронной био-медицинской библиотеки Pubmed. Например, поиск по фразе “evolutionary biology” выдает свыше 8500 статей, и хотя мы не просматривали их все, будьте уверены: среди них почти нет, а скорее всего совсем нет статей, отрицающих эволюцию. На слово “evolution” выпадает 260380 (четверть миллиона!) статей, и сколько ни просматривай их, найти хоть одну антиэволюционную не удастся. На слово “creationism” находится только 105 статей, и это сплошь статьи, направленные против креационизма...», – пишет человек, утверждающий, что истина в науке не определяется числом и голосованием.

Сам аргумент к большинству лукавый, спекулятивный, «жлобский», в нем явно звучат нотки конформизма и манипуляции инфантильным сознанием – приоритет имеет только сила, доверься мнению толпы, когда нас много, тебе нечего бояться. Классическим возражением на этот аргумент являются ссылки на перманентную неполноту знания в обществе (в Древней Греции большинство считало Землю плоской) или на возможность манипуляции мнением большинства. Однако уже античные философы были настроены гораздо решительней. «Худших везде большинство», говорил Фалес еще в VI веке до Р.Х. Именно большинство сегодня считает, что Петросян это смешно, верит не собственным глазам, а телевизору, любит не классическую музыку, а петушиные блёстки Киркорова, и с особой ревностью почитает своих тиранов, как прошлых, так и нынешних. Заповедь всякого творческого человека с древности и до наших дней – если ты видишь, что оказался в большинстве, остановись, с тобой что-то не так.

Однако ситуация несколько сложнее, когда дело касается «теории» эволюции. Между сотней средних обывателей и

сотней средних ученых провести аналогию трудней. Почему же эволюционизм, если он столь плох, принимается сегодня таким большим количеством ученых? А между тем ответ находится в другом ларце. То, что в научном сообществе происходит вокруг этой «теории», не имеет к собственно науке никакого отношения. Тут не объективное знание, а чистой воды – **политика**, которую делают люди. И тот факт, что подавляющее большинство членов мирового научного сообщества по умолчанию принимает эволюционную парадигму (в подавляющем же большинстве случаев никак не используя философию эволюционизма в своей практической деятельности), имеет исторические, социальные и, в первую очередь, психологические причины.

Александр Марков настолько несведущ в вопросах логики или психологии, что часто невольно проговаривается, открывая противникам глаза на истинную подоплеку сказанного и свидетельствуя против своих же утверждений. Например, главный редактор с удовлетворением констатирует:

«Таким ученым (отрицающим эволюцию. – А.М.), как правило, не удастся опубликовать свои антиэволюционные идеи в солидных журналах (да они практически и не пытаются это сделать, понимая, что серьезных научных аргументов у них нет)».

Конечно, это факт приятный сердцу и подходящий для убеждения публики в ничтожности противника; для того и сказано. Опустим лукавство касательно отсутствия научных аргументов. Но сама по себе проговорка «не удастся опубликовать, да они и не пытаются» – заставляет вспомнить старый анекдот, когда Брежнев в Елисейском гастрономе интересуется: «А почему у вас на прилавках нет икры?» – «А ее, Леонид Ильич, никто не спрашивает!»

Это порочный, замкнутый круг. Пропагандисты вроде Маркова язвительно и самодовольно цедят сквозь зубы, что работы оппонентов, имей они какую-нибудь научную ценность, были бы опубликованы в *«солидных журналах»*. Но поскольку сам факт критики эволюционизма или поддержки разумного замысла априори объявляется ненаучным, подобные статьи, разумеется, никогда не публикуются. Действительно, зачем «пытаться», если результат тот же, что и спросить икру в СССР? Впрочем, однажды Марков, обычно лукаво отрицающий идеологическую цензуру в научных изданиях, помнится, все же «объяснил», каким именно образом некий наш известный креационист смог бы опубликоваться. Если у ученого есть даже трудные для существующей картины, но убедительные факты, сказал он, не надо делать из них креационистских выводов, и сами факты научный журнал обязательно опубликует. (Любопытно, что сам «трудный факт» Марков предложил доказывать в виде отрицательного тезиса и всё-таки через отрицание официальной точки зрения на сей счет; в данном случае, что мягкие ткани динозавров не могли сохраниться в течение 80 миллионов лет! Впрочем, — не преминул подытожить наш эксперт, лишний раз демонстрируя даже отсутствие намека на возможность цензуры в таких вопросах, — всё это чепуха, у эволюции нет проблем!).

Эво-пропагандисты очень не любят сравнения сложившейся в научном сообществе ситуации по вопросам цензуры и критики эволюционизма с автократическими или тоталитарными идеологиями. Однако раздражение комиссаров — лучшее свидетельство правильности аналогии и их, комиссаров, латентной неуверенности. А аналогия здесь просто убийственная. У нас полная свобода мнений и отсутствие цензуры, — говорят эволюционисты вроде Маркова, — однако члены общества, не разделяющие нашу фундаментальную идею, не могут считаться учеными, и в нашем свободном и счастливом

корпоративном раю находиться не имеют права! Пусть умирают либо в монастырь, либо в сумасшедший дом.

Читателю это ничего не напоминает? Предложение опубликовать трудные для эволюции факты без выводов сродни тому, как если бы в СССР предложить диссидентам опубликовать в официальной печати сведения о процентном уровне пьянства, потерях от хищений социалистической собственности и прогулов, темпах выполнения Продовольственной программы в цифрах – например, что на один вложенный рубль колхозы возвращают государству продукции на 20 копеек и пр. Так сказать, просто изложить, без антисоветских выводов!

В свое время один из авторов «Доказательств...», физик Николай Борисов предлагал мне пари, что ни одна креационистская статья уровня «молодой земли» в ближайшие 10 лет не будет опубликована в журналах «*Science*» и «*Nature*». Я, в общем-то, и без того не питая иллюзий относительно шанса креационных аргументов появиться в «*Science*», тем не менее, сказал, что приму пари, но при условии – пусть Николай покажет мне хоть одну антисоветскую статью в старых официальных советских изданиях.

Несомненно, что в мировом научном сообществе присутствует нетерпимое, «большевистское» отношение к инакомыслию, когда отстаивается **не научная истина, а принятая в сообществе точка зрения**. Почему была принята именно эта точка зрения, вопрос другой. Марков же, в нарушение причин и следствий, хочет убедить нас в том, что точка зрения (эволюционизм) является истиной только потому, что **массово отстаивается**.

* * *

О причинах того, почему в науке принят эволюционизм, я говорил уже много раз вне этой статьи.

Историческая причина состоит в том, что вместе с техническим прогрессом общество упрощается духовно, мораль-

но и интеллектуально, поскольку рациональный подход к познанию мира с целью поставить природу себе на службу является наиболее эффективным, компактным, экономичным. Мир, усложняясь технически и технологически, вынужден ускоряться и оптимизировать каждое свое телодвижение. Ни религия, ни искусство не дают сиюминутных видимых, ощущаемых «на ощупь» выгод, таких как еда, медицина, коммуникации; поэтому невероятно ожидать, что современный мир поднимет над головой знамя религиозной, а не материалистической парадигмы.

Существующее положение вещей наиболее понятно для христианина. Мир, человек и природа не эволюционируют, а распадаются. Чем христианин выгодно отличается от эволюциониста – тем, что не на словах, а воочию ежедневно наблюдает «проверяемые предсказания» своих священных книг. Для материалиста, впрочем, доводы христианина – как мертвому припарки, редкая птица долетит до середины понимания того, отчего при всех сегодняшних скоростях и технологиях наш мир так безнадежно сер, по-человечески узок и вульгарен.

Отсюда проистекает и еще одна причина принятия идеи эволюции в научном сообществе, **социально-методологическая**, или, выражаясь проще, неизбежность взаимного соответствия субъектов типа «по Сеньке и шапка». А какой, любопытно, еще могла быть парадигма современной науки, существующей в материалистическом обществе? Ученый, в отличие от художника и богослова, познает мир с помощью особого инструмента – рационального метода, который в принципе не ухватывает иррациональные вещи. Ученому нужен не смысл изучаемого предмета, а его конкретные числовые параметры. Посему я и близко не представляю себе условий, при которых современная наука в нашем уныло-вещественном обществе может иметь какую-либо иную картину

происхождения кроме натуралистической. А слово за слово, кирпич на кирпич – и натуралистическую концепцию развития всего живого. Не хочется повторять банальности, но эволюционная парадигма принята в науке потому, что является **единственной натуралистической концепцией**, пусть плохо (и часто провально) объясняющей реальность, но зато свободной от обязательств перед всяческой иррациональностью и метафизикой.

Например, в качестве одного из своих самых якобы убойных аргументов эволюционисты повторяют, что «у теории эволюции нет научной альтернативы». Это абсолютная правда. С одной лишь поправкой – нет альтернативы материалистической, «научной» в том смысле, что для объяснения происхождения вселенной, земли и жизни в ней принята естественнонаучная платформа. Опять же, иное было бы весьма странно – какая, интересно, еще может быть материалистическая альтернатива происхождению жизни из неживой материи? Но здесь – обычная эволюционная подмена – отсутствие альтернативы для материализма не означает отсутствия ее вообще. Эволюционисты ставят знак равенства между материализмом и реальностью, но альтернатива их «теории» – именно в плане **достоверности событий**. Теория эволюции может быть научной, супернаучной и мега-супер-пупернаучной, но если у истоков этого мира всё же стоял Разумный Проектировщик, то все ордена и звания «теории» эволюции – летят в помойку перед абсолютно ненаучным, но **реальным событием**.

И, тем не менее, другой парадигмы у современной материалистической науки нет. Это, надо сказать, довольно печально, поскольку «теория» эволюции – это **тупик познания**, точнее, лабиринт бесконечного хождения по одним и тем же коридорам; не открытие тайн реального мира, а измышление мира другого, фантастического, когда основные силы уходят

на упорядочивание этой виртуальной игры-бродилки.

Наконец, еще одна причина доминирования эволюционной парадигмы в науке – **психологическая**. Дело в том, что эволюционизм – даже не в качестве рабочей гипотезы, а как жизненная философия, определяющая мысли и поступки людей, очень удобен и даже комфортен. Марков, сам не отличающийся большим чувством юмора, тем не менее, ссылается на довольно юмористическую ситуацию:

«В ответ [на попытку креационистов собрать подписи в поддержку креационизма. – А.М.] Национальный центр научного образования США организовал “Проект Стивов” (Project Steve). Ученые считают, что научные вопросы не решаются голосованием, поэтому серьезный сбор подписей “за эволюцию” организовывать не стали, а вместо этого сделали пародийный проект, в котором могут принимать участие только профессиональные ученые по имени Стив (Стивен); допускаются также ученые дамы по имени Стефани. На сегодняшний день подписалось уже свыше 1100 Стивов и Стефани, причем доля биологов среди них гораздо выше, чем в креационистских списках».

По приводимым далее подсчетам, в мировом научном сообществе доля открыто работающих ученых-креационистов составляет всего лишь около одного процента. Кто же такие – все остальные, включая означенных «Стивов»?

Из слов Маркова может создаться впечатление, будто 99% научного сообщества – это убежденные эволюционисты, использующие «теорию» в качестве базового принципа в своей работе. В реальности же подавляющее большинство действующих ученых, это люди, либо никогда и никак не использующие концепцию эволюционизма в своей работе (она в их

практике абсолютно без надобности), либо имеющие дело с микроэволюционными процессами – внутривидовой изменчивостью; напомню, не имеющей отношения к той эволюции, которую пропагандирует Марков. Разумеется, о какой-либо практической работе с макропроцессами речи вообще не идет. И лишь ничтожно малая часть ученых занимается теоретизированием и пропагандой собственно эволюционизма, метафизической идеи, которая, по их верованиям, обеспечила развитие жизни на земле от первых простейших организмов до всех нынешних.

Итак, один процент креационистов среди ученых – это активные сторонники радикальной для науки концепции молодой земли и отрицатели эволюционизма. Сколько среди остальных ученых верующих христиан, скрытых креационистов и просто пофигистов в плане любой идеи, нас сейчас даже не интересует. Представим себе лишь ответ любого профессионального ученого или исследователя, работающего в корпоративном сообществе с официально принятой там эволюционной философией на вопрос – какую идею он разделяет, научную эволюционную или библейскую, с элементами сверхъестественных воздействий на изучаемый мир, то есть креационную? Ответ очевиден. Причем, я уверен, что подавляющее большинство, «голосуя» за эволюционизм, поступает абсолютно искренне и, как правило, даже без какого-либо давления или страха дискриминации – поскольку у ученого, **играющего по правилам науки**, нет абсолютно никаких оснований отказываться от регалий рационализма и натурализма, – пусть даже про теорию эволюции он последний раз слышал в школе. Исследователь Стив, изучающий *влияние мутаций на крокозябр* и его коллега Стефани, фиксирующая *рост популяции кандибоберов*, даже с удовольствием поучаствуют в веселом и позитивном «Проекте Стивов», отдав за эволюцию свои голоса.

Но эта благостная идиллическая картина, которую, казалось бы, только сумасшедший способен сознательно разрушить – благостна до того момента, пока каждый из «Стивов» идет в ногу со всей системой. Поэтому утверждение марковых и К^о – мол, нас много и у нас нет разногласий, а наших оппонентов жалкие единицы, – такая же чудовищная глупость, как обращение одного нынешнего высокого чиновника к оппозиционеру: «Если вы считаете себя политиками, то где ваши люди в правительстве и правящей партии? Почему вы ходите по улицам, а не выступаете в Думе? Смотрите, как нас много и у нас всё – власть и деньги. А вы кто? Жалкая кучка недовольных, каждого из которых любой омоновец рад перетянуть по спине дубинкой!»

Поскольку эволюционизм есть идеология сегодняшнего дня, выбор «Стивов» диктуется простой человеческой психологией бесконфликтности и комфорта. Это не вера в эволюцию, это простые человеческие желания. В такой ситуации выбор «Стивов» между эволюцией и противостоянием ей – это выбор между теплой уютной кроватью в доме и холодной осенней улицей с морозящим дождем. Спросите у «Стивов», где им лучше – нежиться в теплой кровати или мокнуть под дождем? Их даже упрекнуть язык не поворачивается, разве лишь когда они испытывают раздражение по поводу того одинокого, составляющего от их числа всего один процент, «не Стива», непременно в эту минуту работающего под дождем. Раздражение на то, что он, собака, единственный, кто своим промокшим видом, своим упрямством и наличием какой-то иной цели как бы упрекает их, «Стивов», за мягкую, уютную, теплую кровать...

Впрочем, как мудро заметил старик Ганди, «вначале над нами смеются, потом пытаются бороться, потом мы побеждаем». Так что все эти сплоченные в едином порыве «Стивы» (в широком смысле) серьезным аргументом в поддержку какой-

либо идеи не являются. С тем же успехом подобные «Стивы», только советские, в свое время **на словах** поддерживали идею «научного коммунизма». Мне кажется, что если бы в СССР додумались создать среди ученых какой-нибудь «Проект Степанов», не сомневаюсь, что таких «Степанов» оказалось бы гораздо более стивовых 1100 штук; думаю, что **практически все** «Степаны» СССР попали бы в этот список любителей «научного коммунизма» (ибо какой смысл воевать с тем, чего не существует в реальности и тебя по большому счету не касается?).

Юмор в том, что подобного можно ожидать и от нынешних «Стивов», если, например, в науке «за ночь» сменится парадигма. Большинство этих «Стивов», суча ногами, быстро побегут составлять парадные списки «Стивов-нео-парадигмистов». И какой-нибудь «Стив», популяризатор новой теории, в проекте «Доказательства новой теории» резво выдаст – смотрите, мол, как нас много, настоящих ученых, как мы едины и как ничтожно мала кучка этих жалких неучей, отщепенцев старо-парадигмистов!

Что поделать. Таковы реалии нашего, всё более приходящего в негодность, мира. На единицы по-настоящему творческих и талантливых ученых, художников, писателей и философов, всегда приходится целая толпа околоскорытных «Стивов». Еще раз, на всякий случай, повторю для тех оппонентов, которые охотно возражают на знаки препинания и не хотят улавливать смысла сказанного – мы говорим не обо всей науке, не о практических дисциплинах вроде биологии, геологии и астрономии, а исключительно об их философской подкладке, практического значения не имеющей – о той их части, некоей периферийной метафизической области, в которых эти дисциплины занимаются не нынешними свойствами предмета, а причинами его появления и процессами, приведшими предмет к его нынешнему, доступному для нашего

непосредственного изучения, состоянию. И марковские миллионы биологов, это специалисты именно науки биологии, а не «биологии происхождения». Что же касается самого аргумента правоты большинства, то практика показывает, что этот расхожий популистский прием используется политиками и пропагандистами **именно в отсутствие реальных аргументов.**

В сухом остатке – как бы ни желали того марковы и прочие атеисты, нынешнее буйство материалистического мировоззрения никак не связано с какой-нибудь устарелостью или опровергнутостью религии и креационизма. И материализм, и «теория» эволюции стали не результатом накопленных знаний, потеснивших якобы устаревшие религиозные представления, а **прямым следствием упрощения, нравственной деградации и продолжающимся распадом человеческого общества.** «Проверочный пример» – нынешнее состояние самой науки[31].

Примечания и ссылки к Части II

16 Вкратце на этот вопрос ответил В.А. Куренной, доцент, к.ф.н.:

«Еще свежи в памяти те времена, когда будущие сотрудники бесчисленных НИИ зачитывались произведениями Ефремова и Стругацких, которые были пропитаны оптимистическим пафосом научного поиска и покорения космоса. Современный “кризис науки” в России – это не только и не столько проблема недофинансирования или невнимания государства к статусу ученого, которое можно восполнить каким-то политическим решением. Это крах целой научно-фантастической идеологии и научно-фантастической страны, которая многие годы жила ожиданием того, что научно-технический прогресс породит, наконец-то, базис для перехода от поднадоевшего социализма прямо к райскому коммунизму. Можно предположить, что такого рода завышенная идеологическая нагруженность науки определялась блокированием всех других видов утопизма, в результате чего ее образ был перегружен мифологией, которая на какой-то шизофренический манер сочеталась с реальным положением дел. Все прогрессивные граждане от млада до велика читают научно-популярные журналы: дети – “Юный техник” и “Юный натуралист”, молодежь – “Технику молодежи”, остальные – “Науку и жизнь”, “Химию и жизнь” и “Знание – сила”. В них описываются токомаки, луноходы, лазеры и фотонные космические корабли, тогда как их читатели в повседневной жизни заняты, скажем, изготовлением практических транзисторных приемников, собираемых из солдатского походного котелка, перегоревшей лампочки и двух катушек из-под ниток, или “простого приспособле-

ния для вулканизации пассива”, опираясь на многочисленные руководства из серии “Сделай сам”».

17 Марков А.В., *Без просветительства ученые окажутся кастой изгоев*. Интервью с палеонтологом Александром Марковым. Полит.ру, 21 мая 2009 г.

18 Марков А.В., *Первая сказка* (в соавторстве с Е.Марковой); <http://www.markov4.narod.ru/texts/tale1.htm> Уже в первом абзаце читаем о первобытном герое: «*Ноги, руки – словно уже не его, онемели, не слушаются, рвутся бежать назад*». Вроде бы он прямоходящий, но отчего руки-то рвутся бежать назад? И как это – руки-ноги онемели, но рвутся бежать? Что это за онемение такое? Впрочем, литературное качество произведения таково, что надежно защищает его от возможности быть прочитанным до конца.

19 Марков А.В., *Лженаука*; <http://www.port-folio.org/2005/part54.htm>

20 Марков А.В., *От Ламарка к Дарвину... и обратно к Ламарку?* Компьютерра, 29 марта 2005 года.

21 Д.б.н. А.Н. Лунный по этому поводу, например, утверждает:

«Эволюционная теория никак не связана с материальной, практической, научной деятельностью. Можно почти одинаково успешно заниматься любым направлением науки, исповедуя веру как в Творца, так и в самопроизвольное возникновение всего из себя (кроме наукообразного дарвинизма, разумеется). Пишу почти, поскольку полагаю, что, все-таки, на современном этапе развития естественнонаучных дисциплин исповедание веры в эволюцию <...> должно допускать некую склонность к необъективности и идеологизированности» (Лунный А.Н., Мутации и новые гены. Можно ли утверждать, что они служат материалом макроэволюции?).

О том, что теория эволюции бесполезна в практической работе исследователя, говорит и Игорь Антонов:

*«...Однажды я вдруг осознал, ... что биологи давно знают ответ на вопрос “как формализовать развитие структур иерархических систем”, они ведь уже разобрались как эволюционировали в этом отношении живые системы. Осталось только найти нужные книжки и вникнуть в суть. Но когда нашёл и стал вникать, то обнаружил, что интересующая меня проблема в этих книжках не решается, а просто избегается, вытесняется из сознания, её для этих авторов просто не существует. И тогда я понял, что “Теория эволюции” – это “Научный Коммунизм биологии”. **От меры её истинности в реальной жизни и в конкретных биологических исследованиях ничего не зависит.** А то, что она важнейших для меня проблем не решает и всячески их избегает – так, действительно, **подавляющему большинству специалистов в мире это просто не важно**» (Комментарий на форуме paleo.ru 30.05.2006, тема «Современные взгляды на автоэволюцию»).*

Об этом же говорит и Дж. Сарфати:

«Лернер заявляет, что понятие эволюции занимает “центральное место” и играет “объединяющую роль” в науках о жизни. ... Но много ли потеряла бы настоящая наука без веры в общую теорию эволюции? Если я провожу исследования по сверхпроводимости или вибрационной спектроскопии, так ли уж мне важно верить, что микробы превратились в мышей, магнолии и человека? Интересно, может ли сам Лернер назвать в своей области – физике конденсированных веществ – хотя бы одно открытие, связанное с верой в то, что частицы хаоса стали людьми без какого бы то ни было вмешательства разума?» (Сарфати Дж., Так кто же проталкивает «плохую

науку»?).

22 Марков А.В., *Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы*. М.: Астрель, 2010.

23 Кстати, подобный сценарий, связанный с потерей удовольствия, откровенно противоречит любимой Марковым стратегии всего живого – побольше съесть, стать покрепче, привлечь побольше самок и оставить побольше потомства.

24 Журавлев А.Ю., *Тени зарытых предков*. Природа, № 3, 2009.

25 Народный акын Джамбул Джабаев во время процессов над «врагами народа» в 1938 г. писал:

*Фашистских ублюдков, убийц и бандитов –
Скорей эту черную сволочь казнить
И чумные трупы, как падаль, зарыть!*

26 Марков А.В., Человек не был создан по образу Божию. «Элементы», 18.06.07.

27 Интервью А. Маркова сайту «HBR – Россия»; <http://www.hbr-russia.ru/issue/67/2545/>

28 Показательно, что один из соавторов «Доказательств...», А. Оскольский, пытается объяснить Маркову, что «Жиров не дал никаких юридически обоснованных поводов, чтобы его снимать с этих должностей». «У нас нет пока никаких серьезных фактов, доказывающих, что Жиров втягивает студентам ерунду»; есть лишь чужое свидетельство («всего лишь личные впечатления» того человека, что поднял эту тему в интернете). Но, главное, «В этой ситуации призыв гнать Жирова по сути означает призыв к *Berufsverbot*'ам (запретам на профессию. – нем., прим. А.М.) по идеологическим мотивам. То есть к куда большему злу, чем десяток жировых» (Комментарии к теме «Этот человек учит студентов» 16.04.2010). Но Марков вряд ли понимает подобные юридические заморочки и продолжает «спасение

вселенной» удобным ему способом.

29 «Петербургский час пик» 28.04–02.05.2006.

30 Речь А. А. Зализняка на церемонии вручения ему литературной премии Александра Солженицына.

31 Вот что пишет К.Е. Акопян, д. фил. н., главный научный сотрудник Российского института культурологии:

«...Спрос на научную продукцию стал практически полностью определяться рынком. А это привело к тому, что востребуемыми в первую очередь оказались не столько фундаментальные знания и творческая потенция ученого, оригинальные идеи и глубина замысла исследовательского проекта, сколько умение подать «товар» лицом, найти нужные формулировки и формы для рекламы этого товара, включив в них именно те значимые, ключевые, «магические» слова и аргументы, которые смогли бы произвести решающее впечатление на людей, распоряжающихся заветными фондами. В итоге преимущество получают, не фундаментальные исследования, перспективность которых обосновать и доказать обывателю, сидящему в кресле распорядителя финансами, не просто трудно, но подчас и невозможно, а прежде всего проекты прикладного характера, реализация которых сулит быстрые, конкретные и весомые результаты.

<...>

На мой взгляд, мы имеем дело с ярким примером науки нового типа – науки потребительского общества, которая имеет все основания быть включенной в сферу массовой культуры (если существенной характеристикой последней считать потребление и удовлетворение материальных потребностей обывателей) и, таким образом, заслуживает «звания» массовой, или же поп-науки». (Акопян К.В. Шлягеризация науки. Отечественные записки, № 7(7), 2002).

Часть III

6. Хорошо выстиранный свитер Гитлера

На фоне деклараций Маркова и К^о о примирении религии и науки весьма любопытно смотрятся не только предсказания об их неизбежном грядущем конфликте, но и сегодняшние победные реляции:

«Изучение эволюции альтруизма и кооперации – это центральная тема эволюционной этики, и это одно из тех направлений, двигаясь по которым, биология – естественная наука – в последнее время начала смело вторгаться на «запретную» территорию, где до сих пор безраздельно хозяйничали философы, теологи и гуманитарии»[\[32\]](#).

Удивительная штука – русский язык. Вроде ты ничего особого не сказал, а интонация за тебя всё доскажет и откроет то, чего ты говорить не собирался. В приведенном пассаже чувствуется не только обычное для Маркова легкое презрение к философам и прочим гуманитариям, но и явно читаемая межстрок уверенность победителя, что запретная территория была запретной лишь до поры до времени – по невежеству окружающих и по занятости науки более важными делами; однако, не всё коту масленица, наконец-то пришло время науке потеснить и этих сомнительных «хозяев».

Ревность к чужим территориям и к чужому на них хозяйничанью, впрочем, входит обязательной частью в мироощущение любого автократа, так что здесь ничего удивительного нет. Будучи приглашенным, скажем, в телестудию канала «Культура» на передачу **по вопросам отношения общества к Дарвину**, наш гость сразу раздражается, что ведущий, писатель Дмитрий Быков, *«ведет себя так вальяжно, похотейски»* и *«говорит громко и самоуверенно, так*

что слышит вся аудитория» (любопытно, а как ведущий должен еще держаться в своей студии?). Более того, званный в качестве одного из десяти экспертов на передачу Быкова, Марков возмущен, что пригласили не тех, кого бы хотел видеть лично он, и за десять минут до записи, под совершенно надуманным предлогом покидает студию. Кроме него высказать свое мнение были приглашены люди разных профессий – писатель, историк, ученый-физик, священник и др. (причем, практически все, включая православного священника, эволюционисты), но наш бонапарт не был бы бонапартом, если б в этой обиде не отождествил свое присутствие и свое мнение со всей наукой: *«Мнение науки – одно из десяти равноправных мнений? Нафиг. Без меня»* [33]. И, что называется, сбежал с гордо поднятой головой. Он считал и продолжает считать, что по проблеме, заявленной в теме передачи, судить (высказывать *«мнение науки»*) имеет право только он.

Впрочем, не будем отвлекаться. Тема ревности и вторжения на чужие гуманитарные территории возникла потому, что Александр Марков, до сих пор числящийся в отделе кадров ПИН РАН как палеонтолог, в последнее время приобрел известность активной деятельностью в области так называемой эволюционной психологии – дисциплины, которую наиболее точно можно охарактеризовать репликой героя Костолевского из кинофильма «Гараж»: «Вы занимаетесь тем, чего нет».

С другой стороны – а почему бы и нет? Например, Марков способен к самым тонким и точным наблюдениям:

«Что ни говори, а главным нашим отличием от ближайших родственников – шимпанзе или, скажем, австралопитеков – является огромный мозг» [34].

Именно так, товарищи. Не умение запустить ракету в космос, не умение написать «Ромео и Джульетту», и даже не уме-

ние самого Ромео залезть по виноградной лозе на балкон Джульетты с обезьяньим проворством, сгорая от любви и шепча любовные катрены, а размер мозга. У шимпанзе он кубиков четыреста, у Ромео на тысячу больше! И человеку, который способен столь точно ухватить главное отличие человека от обезьяны – прямой путь в эволюционные психологи. Поскольку есть подозрение, что другие в этой искусственно созданной области познания (псевдодисциплине) не приживаются.

Действительно, когда мы занимаемся какой-либо проблемой не математического свойства, то всё дело в том уровне установленной нами планки и тех критериях, которые мы для ее решения выбираем. Марков, в отличие от большинства эволюционных проповедников, не всегда уходит от ответа на сложные вопросы. В глазах соратников он как раз и выглядит лучше многих потому, что его работы несут ощущение движения навстречу трудностям, кажется, будто автор сам атакует проблему. Чего стоят, например, такие смелые статьи, как «Способны ли куры к сочувствию» и «Эволюционные психологи разобрались в экономике романтических свиданий». Однако это – иллюзия. Марков выбирает настолько низкие критерии «подхода к коню» и **редуцирует проблему настолько, что в своих атаках может получить практически любой результат по желанию**. Настоящий, интеллектуально честный адепт эволюционной психологии, предположительно существующий в действительности, в моем представлении сидит за столом, переводит взгляд с томика Шекспира на палку-ковырялку шимпанзе и угрюмо чешет в затылке. Психологам же марковской организации достаточно лишь количественного отличия – размера мозга или способности обезьяны сложить комбинацию из двух карточек. С таким подходом обезьяна может даже обойти человека, например, залезть на дерево выше и быстрее, чем Ромео на балкон Джульетты.

В области эволюционной психологии Марков не первопроходец. Если не вдаваться в тонкости и не углубляться во тьму истории, то можно сказать, что до него эту дорожку активно протоптали Гамильтон с Докинзом, настоящие британские ученые. Но у Маркова есть все шансы стать нашим российским Докинзом – он достаточно амбициозен, энергичен, творчески плодотворен, у него присутствуют необходимые для этой дисциплины проблемы с логикой и, что совсем удачно, он не испытывает дискомфорта от своих построений. Вклад Маркова в новую псевдонауку заключается в том, что он делает регулярные обзоры «мейнстримных» статей из ведущих научных журналов, каковые обзоры, разумеется, являются отражением его собственной точки зрения. Далее наш новый Докинз творчески развивает эти идеи в собственных работах, то есть, добавляет к ним новых словесных вензелей и узоров. Кстати, я, вслед за Ю. Чайковским, до сих пор удивляюсь тому, что использование чужих идей, примеров, метафор и даже переписывание целых чужих работ в эволюционной биологии не является плагиатом, и за это даже не бьют по голове канделябром. Самый мелкий пример – приведенная выше метафора Маркова о двоечниках-оппонентах принадлежит Докинзу. Она понравилась Маркову, и одного этого было достаточно, чтобы использовать ее как свою, снабдив лишь «отечественным» узором: «Читайте академика Фоменко!» Об использовании чужих идей и говорить нечего. Формально Марков при случае, конечно, отказывается от авторства. Но использование и «творческое развитие» чужих, заёмных идей героем нашего повествования, равно как и другими резидентами «эволюционной биологии» – это норма.

Любопытен взгляд Маркова (в данном случае через призму идей П. Розина, Дж. Хайдта и других) на природу якобы эволюционного происхождения нравственности, что он, собственно, активно пропагандирует. Обзор называется «Отвра-

щение – основа нравственности?» [35]

Согласно этой модели, наше нравственное чувство родилось из... отвращения. Предполагается, что так называемое первичное отвращение – то есть, естественное физиологическое отвращение к разного рода нечистотам, крысам, тараканам и пр. – трансформировалось в итоге в отвращение более высокого уровня, переместившись на абстрактные понятия. То есть, наша неприязнь сегодня распространяется уже на плохие поступки, в частности –

«...на людей, нарушающих моральные и общественные нормы – например, на лживых политиков, продажных чиновников и т.п. Люди, заклейменные таким образом, могут даже восприниматься как источник некой мистической “заразы”, вроде каких-нибудь тараканов. К примеру, предложение надеть на себя хорошо выстиранный свитер Гитлера не вызывает у большинства людей ни малейшего энтузиазма».

Казалось бы, причем здесь эволюция? Ан нет, и сюда пристегнут естественный отбор. Оказывается, в пещерный период человечества отвращение к чужакам, к чужим племенам, имело крайне положительный эффект для выживания группы, способствуя ее сплочению. То есть, проще говоря, испытывая отвращение, «дружим против». При этом внутри «своих», разумеется, как по волшебству, усиливаются самые теплые и высокие чувства – дружба, взаимопомощь, желание жертвовать собой ради интересов коллектива. Марков настолько уверен, что процесс трансформации животной ненависти в светлое чувство высок и прекрасен (ведь он происходил с помощью самой эволюции!), что даже предлагает на всякий случай некоторым горячим головам не зарываться. Человечество, говорит Марков, выжив на ненависти к ино-

племенникам, должно помнить, что –

«...если мы говорим, что тот или иной аспект нашего поведения, нашей морали, имеет эволюционное объяснение, имеет эволюционные корни, это вовсе не значит, что тем самым данное поведение получает оправдание, что оно является хорошим и правильным» («Эволюция кооперации и альтруизма...», 2009).

То есть, прежде чем сказать на суде – «Товарищи судьи, невиноватый я, это во мне эволюционные корни разыграли!» – нужно еще раз подумать, оправдано ли преступление тем, что наша мораль имеет эволюционное происхождение (сначала ты испытывал неприятные чувства к тараканам, а потом убил старушку-процентщицу). Но если наша нравственность родилась из животных инстинктов, то – что же нам всё-таки делать сегодня с ее животными остатками – ненавистью, мстительностью, неприязнью к «чужакам», со всяческими расизмами и прочими антисемитизмами? Очень просто. Оказывается, мы должны просто уметь держать себя в руках. Рецепт гениален своей простотой:

*«К счастью, эволюция дала человеку еще и разум, и, например, эволюционная этика предупреждает нас о том, что в нас сидит, действительно, врожденная склонность делить людей на “чужих” и “своих”. И к “чужим” испытывать отвращение и неприязнь, вражду. И мы как разумные существа **на нынешнем этапе культурно-социального развития должны такие вещи понимать и преодолевать**» (Там же).*

Вот, собственно, и всё. Так Марков и разделяется с проблемой человеческой морали и нравственности. Переиначивая классику, всё это было бы смешно, когда бы не было так нелепо, искусственно и по-человечески серо. Вопросы к авто-

ру, что называется, возникают сразу.

Например. Почему древние пещерные люди, в порыве ненависти объединяющиеся против внешнего врага, сумели подавить свои чувства внутри собственной группы? Мы знаем, что любое сообщество, объединенное лишь идеей противостояния внешнему врагу, со сверхзвуковой (по историческим меркам) скоростью распадается изнутри. Хотя бы потому, что найти врагов среди своих всегда гораздо проще. Мы также видим сегодня, что любой лишенный морали лидер имеет стремление не к благу подданных, а к захвату власти и ресурсов, созданию лояльного окружения (покупаемого льготами и частичным, до поры, делегированием власти) и истреблению оппозиции. Причина первобытного существования и «первобытной» морали человека – отдельная тема. Но, если бы, согласно христианской антропологии, древний человек не имел **изначального представления о морали**, то стадо, нарисованное Марковым, никогда бы и ни при каких внешних условиях из своего стадного состояния не выбралось. Первым делом в нем всегда бы под корень вырезалось всё именно «человеческое», личностное – существа с совестью, способностью к творчеству, к техническим новациям; всё самое «необычное». Вряд ли бы такое стадо поднялось даже до исполнения торгашеского принципа «ты – мне, я – тебе», и все эти марковские «альтруистично пожертвовать собой ради повышения выживаемости группы на столько-то процентов» – это лишь сегодняшние фантазийные проекции человека, уже осведомленного о современной морали.

Тем не менее, археология и палеоантропология ясно демонстрируют, что самые ранние из известных нам людей уже имели вполне внятные представления об альтруизме. Индивиды, известные под индексами ER 1808 (1,7–1,8 млн. лет по с.ш., Кооби Фор, Кения), D3444 (1,7 млн. лет, Дманиси, Грузия), Атапуэрка 14 (530 тыс. лет, Атапуэрка, Испания), «Эл-

вис» (500 тыс. лет, там же), Сале (510 тыс. лет, Эль Хамра, Марокко) и многие другие – при жизни имели очевидные препятствия к нормальному существованию из-за болезни или серьезных физических дефектов, но, тем не менее, получали со стороны своего сообщества заботу и содержание. Как это совместить с марковскими сценариями постепенного развития морали, учитывая, что мы до сих пор еще не можем избавиться якобы от животных «реликтов»?

То, что нарисовал Марков – даже не упрощенная схема. И даже не очень-очень упрощенная. Это, говоря нынешним языком, обычный фейк. Сценарий, не совместимый с реальностью, известными фактами и здравым смыслом. Как и большинство марковских сценариев, он существует только в своей собственной, особой среде, управляемой и направленной автором, и лопается как мыльный пузырь без его участия. Мне кажется, человеку из реальности уже никогда не постичь внутреннего мироощущения Маркова и хода его мыслей – только ему ведомы законы фэнтези-мира, его сцепления и связи, где человек, ген или сперматозоид перед самопожертвованием подсчитывают процентные выгоды от своего альтруизма.

Но, предположим невероятное. Предположим, что Марков прав, и наше нравственное чувство развилось именно из той пещерной ненависти к чужакам, позволяя сплотить против них своё собственное стадо. Кто мне ответит на простой вопрос – почему, на каком основании сегодня, *«на нынешнем этапе культурно-социального развития»*, я должен *«понимать»* эволюционные корни своей ненависти к соседу, и тем более, *«преодолевать»* эту ненависть? Кому именно я должен? Какой нравственный закон запретит мне расправиться с любым ненавистным мне чужаком, если сама мораль – продукт, пластичный во времени, и даже сегодня вызывающий из животных глубин? Почему я должен что-то понимать и преодолевать, а не послушать своего изначального, древне-

го, природного призыва убить любого потенциально опасного мне чужака, убрать как помеху со своего пути конкурента по бизнесу, завышающего разумные требования инвестора, успешного издателя? С какой стати должен растоптать и предать в себе святые родительские основы природы-матери?

Адольф Алоизьевич Гитлер и его команда были осуждены международным трибуналом в Нюрнберге. Справедливо ли это по отношению к Алоизьевичу? С точки зрения психиатрии и права нацисты были вменяемы и виновны, однако с точки зрения эволюционной морали – невиновны абсолютно, ибо действовали в строгом с ней соответствии. Разумеется, так, если эта мораль постулирует своим основанием животные инстинкты человека, голословно провозглашает их эволюционное усовершенствование со временем (хотя примеры обратного превышают всякое разумение) и на всякий случай только грозит пальчиком: «Ну, вы там, типа, не очень; если что почувствуете странное, понимайте и преодолевайте». Армия нацистов, нацистское сообщество – это расширенная и продленная во времени версия первобытного племени, объединенного ненавистью к чужакам. По всем алгоритмам эволюционной схемы, по всем внутренним зовам природы нацисты боролись с чужаками за ресурсы и расширение своей территории, чтобы увеличить свои эволюционные шансы на выживание, повысить репродуктивный успех и оставить больше потомства. Именно так. Какой нравственный закон их обязывал поступать иначе? Говорите, их победили страны антигитлеровской коалиции, а главарей повесили? Вот незадача для Алоизьевича и компании – соседние племена объединились и победили их в собственной битве за ресурсы и расширение своей территории, чтобы, соответственно, увеличить свои эволюционные шансы на выживание, повысить репродуктивный успех и оставить больше потомства! Однако, рассуждая в таком ключе, получается, что победы всё же Алоизьевич, то по всем прави-

лам эволюционной морали был бы прав он...

До той поры, пока под любыми этическими конструктами не будет более серьезного основания, чем «эволюционная мораль», вы даже не убедите убийцу, почему убийство – это зло. От атеистов можно слышать, что, вот де, мораль есть штука гибкая, и она всегда такова, какой её хочет видеть общество. То есть, ежели наше общество установило закон – не ходить без трусов в магазин за майонезом и не есть с майонезом детей, то такой закон и есть сегодняшний правовой мейнстрим. Однако нет гарантии, что завтра не войдут в моду какие-нибудь стейки из клонированной человечины с майонезом (а наша творческая «элита» вроде каких-нибудь Арбатовых или Тимати будет их рекламировать: «Круто, йо-о! Будь крутым чуваком, иди навстречу любой новизне, йо-о!») – и опять будет непонятно, «что такое хорошо, и что такое плохо». Таким образом, утверждение, что мораль имеет эволюционное происхождение, есть форма утверждения, что **морали не существует вообще**, а утверждение, что мораль для каждого общества своя – позволяет мне поступать согласно лишь тем правилам, которые я принимаю для себя сам. Потому что она у меня тоже – «своя», ибо если у него, общества, мораль гибкая, почему она должна не быть гибкой лично у меня? (Нужно лишь стараться избегать установленных обществом наказаний, но моего внутреннего эгоистичного права нарушать какие-то временные, условные общественные установки у меня никто не отнимет!).

Так и выходит, что если душой, совестью, чувствами мы не сопричастны Богу – и нравственное чувство дано нам не свыше, а возникло в результате всего лишь некоего усовершенствования животных инстинктов, то это и есть «хорошо выстиранный свитер Гитлера». Ведь через какую бездну обмана, предательства и убийств должно было пройти наше нынешнее человеческое «я», чтобы от животного состояния «отстирать-

ся» до нынешнего! И уж кому-кому, а Маркову и его К^о совершенно противоестественно брезговать этим «хорошо выстиранным свитером Гитлера», уж коли они демонстративно отказались происходить из человеческих рядов и убедили себя в том, что вышли из рядов обезьяньих.

«Не суйся в ризы, коль не поп»

Великий философ XX века Ортега-и-Гассет, кажется, первым заговорил о таком явлении в научном сообществе как «ученое невежество». Суть проблемы в том, что навсегда закончились те времена, когда ученый был всесторонне образованным человеком. Сегодняшняя узкая специализация заставляет любого ученого не только терять связь с остальными областями науки, но уже не позволяет охватить мир как целое, во всем его духовно-интеллектуальном объеме. Ученый неизбежно *«утрачивает то, что единственно заслуживает имени европейской науки, культуры, цивилизации»*. В этом смысле он является аналогом человека массы, поскольку сама необходимость досконально знать лишь очень узкую область одной из дисциплин, *«автоматически превращает его в первобытного человека, в современного варвара»*. При этом современный специалист представляет гораздо большую опасность для общества, чем человек массы, поскольку незаконно прикрывается авторитетом науки, присваивая себе право судить от ее имени. Вслед за Льюисом Ортега-и-Гассет показывает всю нелепость и опасность притязаний этих «знатоков», каждый из которых отныне уже не может быть отнесен ни к образованной части человечества, ни к необразованной:

«Его нельзя назвать образованным, так как он полный невежда во всем, что не входит в его специальность; он и не невежда, так как он все-таки “человек науки” и

знает в совершенстве свой крохотный уголок вселенной. Мы должны были бы назвать его “ученым невеждой”, и это очень серьезно, это означает, что **во всех вопросах, ему неизвестных, он поведет себя не как человек, незнакомый с делом, но с авторитетом и амбицией, присущей знатоку и специалисту**»[36].

Исходя из сказанного, я утверждаю, что Александр Марков не является примером ученого, пытающегося (как уверяют его адепты) расширить границы науки и распространить области ее применения на вещи, прежде, казалось бы, науке недоступные. Нет, Марков – **наиболее яркий пример ученого невежды**, «специалиста», наивно вообразившего, что умение классифицировать ископаемых ежей вкуче с богатой фантазией дают ему «головокружительное» право объявить себя знатоком и в области, касающейся «вещей призрачного происхождения»: религии, морали, эстетики. Воистину, перед нами «современный варвар», не имеющий подлинной целостной связи с европейской наукой, культурой и цивилизацией, но на основании одного лишь хорошего знания своего крохотного клочка колхозного поля размечтавшийся о собственном всеилии и покорении чужих территорий.

Если основным стрижнем «Доказательств эволюции» была попытка предоставить именно доказательства гипотетического процесса (хорошо ли, плохо ли, сейчас не об этом), то Александр Марков не оправдал бы определения Ортега-и-Гассета, если бы – как настоящий ученый невежда – не решил сделать заход на проблему с другого, «чужого» боку. А именно, в 9-й главе проекта под названием «Этические и эстетические аргументы» он решил аргументировать уже не эволюцию, а, широко говоря, отсутствие Бога. Точнее, отдельными примерами паразитизма, хищничества, а также уродливого, неэстетичного вида (по его мнению) некоторых

животных, Марков взялся продемонстрировать некомпетентность гипотетического (опять же, по его мнению) Творца. Поскольку всеблагой и всемогущий не мог сотворить хищничество и плохой дизайн, мы, согласно Маркову, имеем дело с другими вариантами объяснения окружающего. Очевидно, что силы, сформировавшие всё нынешние биологическое разнообразие, делает вывод автор, полностью индифферентны, то есть, безразличны к человеческим представлениям о добре и зле, равно как и о прекрасном и безобразном.

С какой любовью ко всякого рода извращениям и жестокостям биологического мира написана эта глава! Раньше я думал, что люди становятся биологами из трепетной любви к природе, к гармоничному единству всего живого, так сказать, к бабочкам и букашкам, к шевелению листы от прикосновения ветра к кронам деревьев и прочая, и прочая.

Но, как и следовало ожидать (и как мы уже к этому привыкли), взявшись судить о предмете, находящемся за пределами его компетенции, автор попал в собственную же яму-ловушку. Не будем здесь обсуждать свидетельства как таковые, хотя, например, искренне жаль «оболганную» рыбу-каплю, фото которой представлено Марковым вне ее естественной среды (это как показать «уродливость» человеческого лица, сфотографировав его на центрифуге с двадцатикратными перегрузками); милейшее создание, идеально приспособленное к жизни на больших глубинах. (Кому не нравится ее дизайн, примите аргумент о пользе – рыба-капля излюбленный деликатес японцев). Речь не о самих примерах. Речь о том, что, вводя категории **прекрасного** и **уродливого**, Марков в полном соответствии со своим оригинальным пониманием логики (которая у него, как мы помним, на втором месте) вмиг **разрушает тезис об индифферентности природы**. Но раз так, сразу напрашивается вопрос к нему как новому антропоцентристу – если он строит свою аргумен-

тацию, находя в природе «немножко ужасного», то как с точки зрения используемых им категорий объяснить оставшееся подавляющее большинство «прекрасного»? Допустим, наше восприятие субъективно. Но почему мы тогда видим в природе лишь мизерную часть «дизайнерских уродств» и 99,9% восхитительной красоты? И почему, кстати, мы ограничиваемся одной биологией, и не говорим, скажем, о тонких настройках мира в целом?

Если бы Марков был честным и логичным полемистом, ему надлежало бы доказывать именно свой тезис равнодушия сил, сформировавших окружающую природу к нашим представлениям о красоте. Что в природе нет ни красивого, ни уродливого, ни добра, ни зла, всё едино, всё тлен и суета, и дерьмо не хуже и не лучше цветка или морской раковины. Но у Маркова вывод опять не связан с посылками. Защитники Маркова пытаются спасти его нелепый подход тем, что он, якобы, просто стал на точку зрения верующих, взглянул на мир их глазами. Но тогда он поступил еще более нелепо, ибо это то же самое, что стать на точку зрения футболиста, посмотреть на комбинацию игры его глазами, совсем не разбираясь в футболе. При этом – будучи уверенным, что разбираешься! Наш «специалист» столь же глубоко постиг основы богословия, как незабвенный Хоттабыч основы того же футбола – бедные футболисты борются за мяч, мучаются, и надо восстановить справедливость, раздав каждому по мячу. Но богословие – это не лоскутное одеяло теории эволюции и не концерт Петросяна, здесь все части существуют в завидном гармоничном единстве, однако с ними нужно хотя бы ознакомиться! Хотя бы узнать, как богословы отвечают на вопрос даже не о красоте, а о вещах более глобальных – о причинах паразитизма, хищничества и смерти в природе. Ответ этот принципиально ненаучный, сугубо богословский, но и аргументация Маркова не выстреливает ни в одном из случаев; она неза-

конна с точки зрения науки (антропоцентризм) и неубедительна для верующего (понимание богословских проблем на уровне «каждому футболисту по мячу»).

7. Лиловый туман похож на обман^[37]

*Хитры, пронырливы и вёртки, как ужи,
Столпы невежества – «учёные мужи».
Они не расплетут загадок вечных,
Зато уж наплетут – такой красивой лжи!*

Омар Хайям

Я очень не люблю слова «ложь», испытываю к нему какую-то подспудную неприязнь, как, например, к поспе или человеческой вульгарности – слишком оно соблазнительно для употребления своей лёгкостью и кажущейся хлёткостью. Для меня, кстати, слово «ложь» в устах человека, произносящего его налево и направо, является отчетливым маркером, характеризующим его собственные способности быть честным и взвешенным в суждениях, то есть, человек этот, наиболее вероятно, интеллектуальный ленивец и жлоб с небогатой фантазией. При этом, как ни странно, «ложь» – это очень ответственное, обоюдоострое слово. Произнося его, нужно всегда быть готовым доказать, что обвиняемый, так сказать, «знал истину», но в целях получения какой-то собственной выгоды сознательно ее от вас утаил. Мнение вашего оппонента, отличное от того, что считаете правильным лично вы, как это ни прискорбно, ложью не является. Не является ложью также заблуждение или неверное рассуждение оппонента, а также использование им чужой информации, оказавшейся недостоверной (тут самое время громить источники информации и неразборчивость оппонента в их выборе). Обвинитель должен в этом случае сказать, что оппонент не «лжет», а «ошибается» и обосновать, почему утверждения оппонента,

по его мнению, неверны. Но если вы употребили эффектную, как вам кажется, фразу «мой оппонент Икс лжет!» и за ней не последовало доказательств намеренной дезинформации вас оппонентом (а, повторяю, не ошибки, неверного умозаключения или использования чужой недостоверной информации), то такое действие обвинителя именуется уже клеветой. «А если вы на него бочку катите, то это уже контейнерная перевозка получается».

Примером явной, намеренной лжи может служить высказывание Александра Маркова в интервью газете «Полит.ру» (Марков, 2009; «Без просветительства ученые окажутся...»). На вопрос журналиста о так называемом отечественном «обезьяньем процессе», Марков ответил очевидной ложью:

*«Они решили устроить какой-нибудь громкий процесс и взяли за образец то, что произошло в Америке. Только там родители, наоборот, подали в суд на школьный совет за то, что он решил преподавать только креационизм, и выиграли это дело. А наши пиарщики сделали наоборот – пусть ребенок подаст в суд за то, что его “заставляют учить только Дарвина”. Они **за деньги наняли школьницу и родителя**, который тоже является специалистом по пиару».*

Безотносительно к личностям Шрайбера и Вуймы можно, тем не менее, совершенно определенно сказать, что никакой денежной сделки не было, и это широко известный факт. В случае если он не известен Маркову, наш комментатор не имеет никакого права измышлять ту версию события, которая нравится лично ему и которая укладывается в его представление о противниках. Двое друзей, оба профессиональные пиарщики, решили занять свободную событийную нишу собственным ньюс-мейком. Информационная ловушка была

очевидной до безобразия – например, текст иска был опубликован истцами еще до его подачи в суд! (и оба друга немало посмеялись над тем, как в него истерично вцепились противники и пресса). Не обязательно быть знакомым со Шрайбером, чтобы увидеть, что он не тот человек, которого «нанимают за деньги». Это профессионал, делающий новости и провокации сам, своими руками, авантюрист в хорошем и даже завидном смысле этого слова, жизнелюб, живущий в своё удовольствие и устраивающий чудачества в виде покупки небольшого острова в Атлантике, в районе Азорских островов, с утверждением на нем своего собственного государства, своих законов и названного в честь принцессы Маши Шрайбер. Поэтому марковское «за деньги наняли школьницу и родителя» – это не только унылая проекция его собственных внутренних этических глубин, но и пример откровенной лжи, ибо, еще раз, даже при незнании ситуации утверждение о том, что тот или иной человек действовал, будучи кем-то купленным, ничем иным кроме лжи не является. А человек, способный солгать хотя бы один раз, особенно о противнике, настораживает тем, что солжет и в других случаях.

Кстати, вспомнить ситуацию с Машей тут весьма уместно. Акция Шрайбера-Вуймы, именуемая «российским обезьяньим процессом» и изначально задуманная как информационная провокация, если и сыграла кому на руку, то только антиклерикалам. Для атеистов и креафобов Маша Шрайбер явилась неожиданным, свалившимся с неба подарком, примером нерадивости и карикатурности противников, фигурой настолько драгоценной, что даже на миг оторваться от такого подарка со стороны «клерикалов» они не могут уже много лет. Разумеется, сама история Маши стала сгустком, сосредоточением «чистой», дистиллированной атео-креафобной лжи. Сколько всего на эту тему было наговорено в «интернетах», из живущих не сочтет никто и никогда. Из коммента-

ев авторов «Доказательств...» приведу лишь синхронное тому времени высказывание К. Еськова:

«Позицию поддержавшей иск Русской православной церкви мы, разумеется, комментировать не станем – кто я такой?..»[38].

Это явный обман, причем, брошенный походя, с таким хитрым подмигиванием – ну мы-то с вами понимаем... Русская православная церковь этот судебный иск не поддерживала. У Еськова вообще очень много высказываний – «как бы походя», при минимальном приближении оказывающихся дезинформацией читателя, за которым, кажется, стоит лишь желание лишний раз пнуть противника каким угодно способом.

Попытаюсь сделать обобщение, касающееся «сознательного говорения неправды» авторами «Доказательств эволюции». Мы уже отмечали, что сам по себе основной подход авторов к подаче материала не соответствует даже стандартам популяризаторской работы. Односторонняя подача материала с сокрытием трудных фактов, предвзятость подхода и двойная бухгалтерия, пренебрежение логикой и методологией науки, пропагандистская лексика советских времен и недопустимые приемы в отношении противников.

Но я хочу быть очень аккуратным со словом «ложь». Посему я постараюсь не употреблять это слово в отношении Александра Маркова, ибо в большинстве его высказываний очень непросто провести границу между его искренним заблуждением и сознательной дезинформацией читателя. Как, например, расценить расхожую фразу Маркова, что антиэволюционисты ведут борьбу с наукой? Это намеренный обман? Искренняя вера, что некая группа невежд действительно имеет целью ниспровержение науки? Или фигура речи по типу «их деятельность невольно способствует этому»? На протяжении всего проекта присутствует перманентное «лягание» против-

ников, больше напоминающее мелкое «пакостничество» вроде такого: *«Анализ ДНК позволяет установить отцовство – с этим даже антиэволюционисты не решаются уже спорить»*. В какой роли предстаёт Марков в подобных высказываниях – сознательного обманщика, наивного адепта своей литературно-фантастической «теории» (с эгоизмом генов и альтруизмом сперматозоидов) или человека, не умеющего грамотно и дипломатично выражаться? В этой заключительной части статьи мы поговорим, тем не менее, о некоторых крайне недобросовестных приемах, применяемых Марковым и К^о в отношении своих противников.

Навязывает ли демократическое общество равноценность мнений?

Приведу несколько примеров очевидного словесного мошенничества авторов и, в первую очередь, главного редактора «Доказательств эволюции». Так, ярким образцом «сознательного говорения неправды» стало продолжение уже приводившейся выше цитаты академика Зализняка, точнее, ее интерпретация авторами «Доказательств...». У Зализняка, как помним, было:

«Мне хотелось бы высказаться в защиту двух простейших идей, которые прежде считались очевидными и даже просто банальными, а теперь звучат очень немодно: 1) истина существует, и целью науки является ее поиск, 2) в любом обсуждаемом вопросе профессионал (если он действительно профессионал, а не просто носитель казенных титулов) в нормальном случае более прав, чем дилетант» (см. «Речь А.А. Зализняка на церемонии...»).

А вот как эта мысль «украдена» у Зализняка Марковым – без ссылки на первоисточник, как лишнее свидетельство и мое

очередное удивление, что эволюционные пропагандисты беспрепятственно и безнаказанно пользуются чужими идеями:

«...работники СМИ, очевидно, просто физически не могут понять, что в естественных науках, во-первых, истина реально существует (а не только “множество мнений”), во-вторых – точки зрения разных людей отнюдь не равноценны, и в научных вопросах мнение профессионального ученого-биолога весит неизмеримо больше мнения школьницы Маши Шрайбер, которой не нравится быть «потомком обезьяны» (Марков, 2009; «Антидарвинизм как симптом...»).

То есть Марков немного даже «крадет» контента и из второй части высказывания Зализняка, которое в оригинале звучит так:

«Им противостоят положения, ныне гораздо более модные: 1) истины не существует, существует лишь множество мнений (или, говоря языком постмодернизма, множество текстов), 2) по любому вопросу ничье мнение не весит больше, чем мнение кого-то иного. Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке» («Речь А.А. Зализняка на церемонии...»).

Надеюсь, читатель понимает, что плагиат как таковой нас сейчас не интересует; это замечания попутные. Повторюсь еще раз – приведенные положения Зализняка как минимум трое авторов «Доказательств...» используют в своей просветительской деятельности в качестве едва ли не самых ходовых. Мысль, высказанная однажды Зализняком, одновременно и испугала, и вооружила наших пропагандистов. Поче-

му я говорю о мошенничестве? Потому что мысль эта была заимствована и использована тем же Марковым в следующем ложном виде – в связи с наступившей демократией в обществе якобы существует принцип равноценности мнений, который стремится проникнуть и в науку. Не просто право голоса каждого гражданина, а именно мнение любого взятого из толпы человека, в соответствии с требованиями демократического общества, якобы имеет такой же вес, как мнение академика. Например, отношение СМИ к принципу «равенства мнений» в изложении Маркова выглядит так:

«В ответ на все попытки ученых объяснить работникам СМИ эту нехитрую истину (что мнение биолога несравнимо с мнением школьницы. – прим. А.М.) журналисты – в том числе вполне разумные и интеллигентные, такие как А. Калюнова – неизменно отвечали: “Извините, но мы не можем сделать односторонний фильм”. Произносится это с гордостью, так, что собеседник понимает: речь идет о высоких гуманистических принципах и нравственных идеалах, от которых честный журналист просто не имеет права отступить. Как можно дать слово только одной из сторон (ученым), а другую сторону (воинствующих невежд) проигнорировать? Ведь это противоречит идеалам равноправия, демократии и свободы слова! Зритель будет иметь полное право обвинить журналиста в необъективности и предвзятости!» (Марков, 2009; «Антидарвинизм как симптом...»).

Как видим, здесь представлена попытка иронично изобразить журналистов, которые якобы пекутся о демократических ценностях и идеалах, в результате чего принцип «равноценности мнений» наносит ущерб истине. Но существует ли в нашем демократическом обществе подобное представление и приме-

няется ли на практике так, как это представляет нам автор?

Нет. Такая точка зрения есть грубое передергивание, фальсификация реальности. Причем, как в отношении якобы существующих «демократических идеалов», так и самой «равноценности мнений». Марков прекрасно знает, что стремление редакторов журналов и телевидения дать разные точки зрения на предмет – это не «равноценность мнений», а банальное равенство сторон перед регламентом. То есть, сам формат дискуссии или беседы в СМИ подразумевает освещение разных точек зрения и право любой из сторон высказать свою личную. Но ни один человек в здравом уме не возьмется утверждать, что при обсуждении специальных вопросов медицины или освоения космоса нынешнее общество в соответствии с принципами демократии требует, чтобы мнение экскаваторщика и пианиста было учтено в той же мере, что мнение хирурга и конструктора ракет. Да и подобных обменов мнениями в реальности не существует. Если случается оказаться в одной студии хирургу и пианисту, то будьте уверены, что разговор тут намечается по проблемам мировоззренческим или социальным – «как нам обустроить Россию» или «профессиональные гильдии – что это за штука». Разве кто-нибудь, когда-нибудь, где-нибудь спрашивал мнение экскаваторщика о наилучшем способе удаления аппендицита? И на дискуссию с людьми других профессий Маркова приглашают обсуждать не специальные вопросы палеонтологии, не особенности строения скелета ископаемых ежей, а опять же, проблемы мировоззренческие. Но с какой стати специалист по ежикам, даже, предположим, первоклассный, на этом основании требует себе права единолично высказываться о роли Дарвина, об эволюции и даже о человеческой морали?

А весь фокус в том, что пугалка-обманка о равноценности мнений в нашем якобы демократическом обществе (которое в реальности не демократическое, а «квазисоветское») нужна

Маркову лишь как обоснование для затыкания рта **идейно-му** противнику, то есть, противнику эволюции, а не экскаваторщику, возжелавшему бы высказать свое «равноценное мнение» о марковских ежиках. Причем, эта тенденция со стремлением исполнять свою партию сольно – опасна. Учитывая, что, согласно Маркову, наука смело вторгается на чужие территории, через пару-тройку лет наш активно повышающий свою квалификацию специалист запретит высказываться психологам о психологии, философам о философии и даже богословам о богословии. Всё это мы уже проходили и знаем, как люди, поначалу обещавшие мир, чуть позже открывали ногами чужие двери. *«Девочка-пятиклассница имеет мнение, что Дарвин неправ, и хороший тон состоит в том, чтобы подавать этот факт как серьезный вызов биологической науке»?* Вот уж неправда так неправда; неправда до неприличия. Постоянно проигрывая эту пластинку, наши соавторы «Доказательств...» как-то вызывающе нагло идут против очевидности. Или они уже забыли эту историю? Никто Машу всерьез не воспринял и даже её права на собственное мнение не признал (безотносительно к тому, что я сам думаю о Маше). Хочу напомнить уважаемой бригаде авторов, что Машу за ее якобы «равноправное с наукой мнение» и «бросание вызова в качестве хорошего тона» в нашем «демократическом» обществе в итоге заклевали, растоптали и растерли на молекулы; выжили сначала из школы, а потом фактически из страны. Я не разбираю роли и полёты, я говорю о самом факте на очень внятном примере Маши Шрайбер – утверждение Маркова и К^о о якобы наступившей с приходом демократии равноценности мнений в обществе, это ничто иное как продукт под названием «Доширак». Заваривается кипятком в течение трех минут, затем развешивается самым доверчивым читателям в районе головы, в ее височной области, с использованием естественного и очень удобного

для такой цели рельефа ушей. Иными словами, постоянно повторяемый авторами «Доказательств...» тезис о якобы существующей в обществе необходимости считаться с мнением девочки-школьницы на тех же правах, что и с ученым-биологом – это обман, и обман весьма бессовестный.

Говорят ли противники эволюции о мировом заговоре ученых?

В «Доказательствах...» читаем такой пассаж:

«Мы категорически отрицаем возможность “мирового заговора” ученых, о котором нередко говорят противники эволюции. Такой заговор был бы невозможен чисто технически, даже если бы у каких-то научных коллективов и возникло желание (достойное всяческого осуждения) такой заговор организовать. Ученых слишком много, они живут в слишком разных странах, и среди них слишком высока доля честных людей, для которых главным “корыстным интересом” является поиск истины, а не отстаивание каких-то догм, идеологий или традиций».

Нарисованная картинка – просто сельская пастораль, голубеный коврик над детской кроваткой. Противники эволюции плетут небылицы, а настоящие ученые, как добрые пастушки, играют на дудочках и пасут овец. *«...Высока доля честных людей...»*, *«...поиск истины...»*. Подобное утверждение – о противниках, настаивающих на мировом заговоре ученых, не ново и уже звучало ранее:

«Содержательная дискуссия с “научным креационизмом” по принятым в науке правилам бессмысленна еще и

потому, что он – как и “Новая хронология” Фоменко – на самом деле представляет собой извод “теории заговора”. У Фоменко речь идет о многовековом всемирном заговоре историков, фальсифицировавших всю писаную историю, у креационистов – о таком же заговоре естествоиспытателей, подделавших кости питекантропов и синантропов, радиоизотопные датировки, данные по осадконакоплению, etc. А опровергнуть конспирологические теории при помощи рациональных доводов, как вы понимаете, в принципе невозможно; можно лишь порекомендовать адептам конспирологии потщательнее обертывать голову фольгой, предохраняясь от зомбирующих излучений – некоторым, говорят, помогает...» (Еськов, 2006; «Обезьяний процесс.ru...»).

Как видим, подход двух авторов «Доказательств...» к измышлениям противников сходен в утверждениях и отличается лишь возможностью борьбы с конспирологическим бредом; Марков считает необходимым объяснить, почему мировой заговор ученых невозможен («...Высока доля честных людей...», «...поиск истины...»), Еськов же считает опровержение делом гиблым и только язвит по этому поводу.

Что касается меня, то я считаю возможным опровержение слов самих авторов, Маркова и Еськова. Их собственный подход к теме я назвал бы легким психологическим, или, точнее, этическим расстройством под названием «синдром обнаружения несуществующих пороков противника». Или по-русски, обманом. Обман всегда в ближайшей временной перспективе кажется средством простым, крайне эффективным и бюджетно не затратным – так сказать, соври что-нибудь о противнике и наслаждайся полученным эффектом. В этом, видимо, проявляется какое-нибудь сугубо научное, методологическое следование принципу парсимонии, какая-нибудь

«бритва Оккама» – из всех способов борьбы с противником выбирай самый простой (полагаю, правда, что в полной мере это осознает только Еськов, а Марков действует интуитивно).

Вообще, «конспирология и К.Ю. Еськов» – это совершенно отдельная, большая тема. Еськов так много и охотно рассуждает о конспирологии, так язвительно смеется над теорией заговора, посвящает ей книги и пр., – что читатель или посетитель его блога, впервые столкнувшийся с его взглядами, считает Кирилла Юрьевича чуть ли не специалистом по противодействию и разоблачению мифов такого рода. При ближайшем же рассмотрении выясняется, что все эти чужие навязчивые идеи, коварные закулисные планы, запутанные заговорщицкие отношения, подставы, обманы – чуть ли не проекции самого Кирилла Юрьевича. Я не хочу сказать, что сам он верит в реальность мировых заговоров, но ему явно доставляет огромное удовольствие распутывать любые секретные клубки и узлы, главным образом политические, порожденные отсутствием информации о них, а также постоянно предполагать – какой кукловод стоит за тем или иным событием или за организацией. У Еськова всегда кто-нибудь за кем-нибудь невидимо маячит – Кремль за «георгиевцами», РПЦ за делом Маши Шрайбер, неизвестный Кукловод за Кукловодом известным. Вам кажется малозначимым, что инициаторы «обезьяньего процесса» пригласили для консультации двух священников? А вот Еськову этого вполне достаточно для вывода – за обезьяньим процессом стоит РПЦ! А не стоит, так будет стоять!

Некто **morwen_russe**: *«Какое счастье, что “обезьяньи процессы” ведут вот такие вуймы... думаю, теории Дарвина бояться нечего».*

К. Еськов (**afranius**): *«Вы ошибаетесь. Вуйма тот процесс лишь инициировал. Дальше его поведет са-авсем дру-*

гая организация. “И вы знаете эту организацию” :-(«)» (Запись в блоге автора 10.03.06).

Еще раз – я не считаю Еськова ни создателем, ни пропагандистом идей, имеющих хоть какое-то отношение к конспирологии, но он так воодушевлен этой темой, так любит всё с нею связанное, что если бы вдруг выяснилось, что мировой сионистский заговор в действительности существует, и эти люди тайно собираются, скажем, в подвале ЖЭКа № 15 каждую пятницу, я уверен – Кирилл Юрьевич не пропустил бы ни одного их собрания; сидел бы со счастливым лицом и слушал, слушал бы все эти хитрые закулисные заговорщицкие речи, открыв рот. Ну, любит человек это дело, что с ним поделаешь!

Впрочем, я отвлекся от конспирологов, которые собственно противники эволюции. Вероятно, мне следовало бы попытаться реконструировать события и предположить, что Еськов нашел какого-нибудь «креациониста из пивной», от которого под звон кружек и треск сушек услышал версию о мировом заговоре ученых. Поскольку Марков, как я полагаю, «страшно далёк от народа» и в пивные не ходит, он мог свой вариант версии вытащить из своих старых загашников, из тех ранних времен, когда образцово-показательно спорил в интернете с людьми, которых принимал за креационистов. И по которым, кажется, свое пожизненное мнение о креационистах и составил. Здесь уместно вспомнить древнюю дискуссию «палеонтолога Александра с креационистом Сергеем», точнее, с каким-то полуграмотным неофитом (если вообще не троллем), совсем юным, прочитавшим книгу Головина, козыряющим аргументами оттуда, но при этом плохо представляющим, как эти аргументы защитить самому. Марков, споривший по сути даже не с оппонентом, а с плохим пересказом книги Головина, как я об этом уже упоминал, не постеснялся вывесить всё это убожество на своем сайте – в качестве образ-

ца креационистской безмозглости.

Никто не будет отрицать, что глупцы (и даже личности неадекватные) встречаются в любом сообществе. В научной среде их не меньше, если не больше, чем в среде богословской, философской и творческой. Среди защитников креационизма есть масса «добровольных помощников», имеющих при этом самые поверхностные представления о предмете – например, всегда найдется какой-нибудь добрый священник, который из лучших побуждений примется фантазировать на тему обнаружения рая в Междуречье или недостающего дня Иисуса Навина. Но я утверждаю совершенно определенно – среди людей, отрицающих макроэволюцию, в норме **не существует идеи о мировом заговоре ученых**, это очередная нечестная уловка Маркова и Еськова. При этом, даже если окажется, что отдельные высказывания «креационистов из пивной» и даже каких-нибудь экзальтированных протестантских проповедников на эту тему существуют, я, тем не менее, считаю приписывание противникам эволюции идеи мирового заговора – обманом, который остаётся на совести наших популяризаторов. Обман – преподносить единичные высказывания в качестве правила и даже аргумента частого употребления (лично мне и единичные высказывания неизвестны, тут не мешало бы попросить Маркова привести примеры[39], ибо не исключено, что единственным источником его знаний и ночных кошмаров является какой-нибудь «креационист Сергей», а проклятия падают на головы всех невиновных). Если я в компании ученых на основании деятельности Фоменко, Мулдашева и Петрика заявлю, что истинной целью всех ученых является искажение достоверного знания и распил бюджетного «бабла» под видом научных открытий, мне наверняка придется приводить в действие план № 1, то есть, убегать от разъяренной толпы. Поэтому прежде чем искать аргументы невозможности мирового заговора ученых

(«...Высока доля честных людей...», «...поиск истины...»), Маркову не мешало бы заглянуть в зеркало, чтобы увидеть, насколько честно лицо одного из тех, которые, так сказать, в этой доле...

Идея же Кирилла Юрьевича обматывать голову фольгой пришла к нему явно не из опыта креационизма. Откуда Еськову известен этот эффективный способ защиты от зомбирования – его личная тайна; однако, если он его рекомендует, значит, наверняка знает, о чем говорит.

Утверждают ли противники эволюции неизменность видов?

Одним из самых расхожих «соломенных чучел» креационизма и ID является якобы утверждение их адептов, что наш мир был сотворен во всем нынешнем разнообразии видов, то есть, эволюция не шла даже на уровне видообразования. Отрицание видообразования и искусственная полемика с этим «чучелом» идет и на страницах «Доказательств...» как нечто само собой разумеющееся:

*«В данной публикации мы рассматриваем факты, доказывающие, что существующие на планете **виды живых существ не были созданы какой-либо разумной силой в своем нынешнем виде**, а произошли от других видов в результате естественных процессов...».*

*«В конце концов, вера в сотворение первого живого существа, которое затем эволюционировало самостоятельно, дав начало всему нынешнему многообразию жизни, наносит гораздо меньший ущерб реалистичной, основанной на научных фактах картине мира, чем **вера в сотворение всех живых существ в их нынешнем виде**».*

И прочая, и прочая. Оказывается, противники эволюции настолько тупы и упрямы, что не только отрицают видообразование, но и микроэволюцию принимают не поголовно, со скрипом и чуть ли не по приговору суда. Хочу заметить, что в безудержном желании оклеветать противника всё ж должна быть мера. Иначе, в случае перебора, пассажи просветителей читаются как юмористические тексты.

«В последнее время все большее число антиэволюционистов под давлением неопровержимых фактов, которые даже они не могут отрицать, сдают свои передовые рубежи и отступают на “запасную линию обороны”, заявляя примерно следующее: “Ладно, Бог с вами, мы согласны, что микроэволюция (изменения внутри вида) возможна. Но макроэволюцию – превращение одного вида в другой – мы все равно отрицаем”».

«Антиэволюционисты, как уже говорилось, в последнее время все чаще соглашаются признать то, что они называют “микроэволюцией” – то есть такие эволюционные изменения, которые можно непосредственно наблюдать в эксперименте или в природе, и которые доказаны настолько убедительно, что даже самые закоренелые антиэволюционисты уже не знают, как это “опровергать”, не выставляя себя на посмешище».

На примере этих фраз отчетливо видно, что здравый смысл и эволюция не ходят парой, эволюция ходит одна. Знаете ли вы, что футболисты «Спартака» всё чаще соглашаются признать то, что они называют мячом? Его необходимость для игры доказана настолько убедительно, что даже самые консервативные футболисты уже не знают, как это опровер-

гать, не выставляя себя на посмешище. Да уж. Я вспомнил о дефиците текстов у одного нашего самого одиозного юмориста и представил чтение этих фрагментов его голосом, со сцены. По-моему, зал бы лежал, особенно в мизансцене, когда юморист, как он это любит делать, упер бы руки в бока, выкатил грудь колесом, выпучил глаза и своим скрипучим фальцетом произнес бы финальное: «Уже не зна-а-ают, как это опровергать, не выставляя себя на посмешище!» Я не понимаю только одного – зачем Маркову так явно дурачить публику, ведь обман раскроется при первой же попытке окученных им адептов подискутировать с антиэволюционистами? И в каком свете по милости Маркова его паства будет выглядеть?

Движение так называемого «научного креационизма» в его нынешнем виде зародилось в начале 60-х годов прошлого века. Фактически точкой старта можно считать выход в 1961 году книги Морриса и Уиткомба «*The Genesis Flood*» («Потоп в Бытии»). В 1963 году в США было создано Общество креационных исследований (*Creation Research Society*), а в 1964 году – Институт креационных исследований (*Institute for Creation Research*). Я не рассказываю сейчас историю современного креационизма и не говорю об отличиях креационизма отечественного от западного. Я хочу лишь сказать, что с первых дней возникновения так называемого «научного креационизма» в его обойме уже значилось признание микроэволюции (дико, что приходится такие вещи говорить) как механизма образования новых видов. Еще раз, для закрепления материала – креационисты не отрицают и никогда в новейшей истории креационизма не отрицали микроэволюции и видообразования. Поэтому – все 100% текста «Доказательства...», где присутствуют творческие потуги доказать в пику противнику наличие в природе микроэволюции и видообразования – прямым ходом идут в мусорную корзину. Туда же, в корзину, идут и все «антибиблейские» сценарии «Дока-

зательств...», основанные на ложной идее непризнания антиэволюционистами видообразования. Например, выведенного яйца не стоят все рассуждения о послепотопной биогеографии, поскольку сценарий Маркова содержит ложное, «соломенно-чучельное», им самим измышленное требование расселения животных в формате именно нынешних существующих видов:

*«Все лемуры – около сотни **ныне живущих видов!** – должны были, согласно этой гипотезе, дружно маршировать с горы Арарат прямо на Мадагаскар, нигде не останавливаясь надолго (чтобы не оставить ни одной ископаемой косточки), нигде не потеряв **ни одного “отставшего” вида**».*

Вот уж, действительно, сам придумал, сам себя опроверг. Когда автор говорит, что приведенная им гипотеза антиэволюционистов (креационистов) чего-то не объясняет или не имеет проверяемых следствий, это истинная правда в том смысле, что Марков постарался сконструировать за противников такую чушь, что она и не может ничего объяснять или иметь проверяемых следствий. Чего стоят одни рассуждения критика о бараминах в «библейских» контраргументах[40].

Делать вид, что противники эволюции невежды и мракобесы, не признающие микроэволюции – это, конечно, приятный способ некоего самоудовлетворения, но он лишь оттягивает драматический момент, когда над твоим ухом, будто в голливудском фильме, неожиданно раздастся голос: «Добро пожаловать в реальность!» И ты вместо сладкого сна внезапно увидишь какие-нибудь дымящиеся руины, потную морду Морфеуса и всё такое прочее...

Но не могу и не восхититься беллетристическим талантом главного редактора «Доказательств...» – каков художник!

Кудесник! Словорез! Точно по Достоевскому – не просто соврать, а соврать с чувством, душевно, едва ли не со слезой по заблудшим душам: микроэволюция, оказывается, доказана *«настолько убедительно, что даже самые закоренелые антиэволюционисты уже не знают, как это “опровергнуть”, не выставляя себя на посмешище»*. Пусть читатель сам угадает с одного раза (трех раз не потребуется) – кто на самом деле выставляет себя на посмешище?

Избыточны ли доказательства эволюции?

Марков пишет:

*«Главная проблема, стоящая перед авторами статьи о доказательствах эволюции – это проблема **выбора**. Какие из великого множества доказательств включить в относительно короткий текст, а какие опустить? Ведь для перечисления всех доказательств потребовалось бы написать, как минимум, колоссальный многотомный труд размером с Британскую энциклопедию (и то мы не уверены, что хватило бы места). <...> Поэтому мы хотим особо подчеркнуть: доказательства, приведенные в данной статье – это **далеко** не всё, что у нас есть! И еще: необходимо иметь в виду, что имеющиеся на сегодняшний день доказательства эволюции **более чем избыточны**. Даже если бы у нас вовсе не было каких-то групп доказательств (например, ископаемой летописи), оставшихся свидетельств с лихвой хватило бы научному сообществу для того, чтобы признать эволюцию доказанным фактом. Нам очень повезло, что у нас есть палеонтологическая летопись, дающая весьма наглядные подтверждения эволюционного процесса. Но это – не необходимая часть доказательства эволюции, а*

“роскошь”, приятное, хоть и необязательное, дополнение ко всему остальному. Поэтому попытки “опровергнуть” эволюцию на основе того, что какой-то переходной формы до сих пор не нашли в ископаемой летописи – это полный абсурд» (Выделено автором цитаты. – А.М.).

Начнем с конца. В очередной раз делаем удивительное открытие – оказывается, в палеонтологической летописи не потому отсутствуют переходные формы, что их не было, а потому что летопись окаменелостей всего лишь какой-то незначительный, дополнительный пусячок. *«...Приятное, хоть и необязательное, дополнение ко всему остальному»*. И поэтому все попытки с помощью какого-то необязательного дополнения пошатнуть сами основы являются полным абсурдом. Вот так, товарищи, учитесь разбираться со своими серьезными проблемами.

Но я сейчас об аргументе, вынесенном в заголовок. Итак, количество имеющихся доказательств эволюции настолько велико, что проблема лишь в том, какие именно из них выбрать. Разумеется, «план по валу», по количеству чугунных болванок – тоже достижение. Но можно ли это количество сложить как-нибудь так, чтоб получилось хотя бы нечто штучное, но принципиально качественное? Так сказать, строго по принципу – аргументы следует не считать, а взвешивать?

Возьмем в качестве примера палеоантропологию, дисциплину, являющуюся одним из китов эволюционизма. В прежние благословенные времена между тремя находками, как тремя точками на плоскости, можно было провести непрерывную линию: питекантроп – неандерталец – современный человек. Со временем линия «антропогенеза» становилось всё более извилистой, зигзагообразной, появились тупиковые ответвления, но магистральный путь был, тем не менее,

условно линейным: австралопитек – хомо хабилис – хомо эректус – хомо сапиенс. Вся линейная красота закончилась, когда под конец века новые находки посыпались как из ведра. Старая картина, в которой были четко расписаны признаки гоминидности, события и механизмы, запустившие гоминизацию – вся эта картина рассыпалась на многочисленные паззлы, если не сказать – распылилась. Признаки, которыми раньше детектировали так называемых гоминид, стали обнаруживаться на тупиковых линиях, а те прогрессивные гоминиды, которых прежде считали «нашими», с находками новых экземпляров будто взяли за правило обнаруживать то свою большую обезьяноподобность, то сходство с другими, негоминидными линиями. Всё смешалось, как в доме Облонских – времена и места обитания, старые признаки и их новые трактовки, очередность выхода артистов на сцену и роли первых, вторых и третьих бенефициантов, включая дублирующий состав. И теперь на голубом глазу сторонники обезьяногенеза говорят нам – смотрите, сколько у нас доказательств эволюции! Целая ярмарка! Выбирай на вкус!

Представьте себе, что вы выросли без родителей и много времени спустя решили выяснить в районной управе соответствующего города, кто ваш папа. Из зоопарка вам привели качающегося и размахивающего руками шимпанзе – вот вам, почти что ваш отец! Внешне он, конечно... того, не очень похож, но генетически на 98,5% – точно ваш уважаемый родитель. А вот человек, который два года проживал с вашим отцом в одном районе. А вот человек, живший до вашего отца, но зато в том же доме, считайте, фактически сосед. А вот вам пять человек, внешне похожих на вашего отца, хотя, к сожалению, между собой они не родственники. А вот человек с вашей фамилией, но точно неизвестно – то ли ваш и вашего отца дальний родственник, то ли фамилия его появилась независимо от вашей, в качестве «параллелизма». Так что, как

видите, кандидатов хоть отбавляй, выберите любого. *«И еще: необходимо иметь в виду, что имеющиеся на сегодняшний день [кандидаты на роль вашего отца] более чем избыточны»*. Очень жаль, что у нас мало места и времени, а то бы мы вам еще десятка два кандидатов подогнали!

Я специально обращаю внимание читателей, что аналогия моя не вполне точна – ведь у нашего героя отец реально существовал. Особенность же ситуации так называемого антропогенеза в том, что искомый кандидат найден уже не будет, сколько бы новых находок сделано ни было – некий качественный порог уже пройден, а из имеющейся пыли целого не собрать уже никогда. Слова Маркова и К^о об избыточности доказательств – очередная попытка завести рака за камень. Это не избыток доказательств и не избыток выбора, это избыток проблем, делающих выбор всё более невозможным. Постоянно увеличивающееся разнообразие этого выбора не уточняет картину, как это утверждают пропагандисты эволюции, а вносит всё больший раскол в идею хоть какого-то осмысленного ее единства, приводит к новым противоречиям и несоответствиям любой из еще существующих схем. Самая мейнстримная сегодняшняя научная концепция антропогенеза звучит примерно так – всё шевелилось и перемешивалось, а как именно и «кто с кем», мы точно сказать не можем.

Марков и его компания как будто не понимают всей драмы случившегося – у теории эволюции кончились все козыри. Она проиграла в тот момент, когда рухнула ее линейная, так называемая стадильная, схема (и только сейчас в полной мере понятно, насколько она была важна и почему за нее с таким упорством держались). То же касается и всех прочих «доказательств» эволюции. Эволюционные популяризаторы думают, что дело, действительно, в похожести ДНК человека и шимпанзе, якобы трудной для ID проблеме ретровирусов или находке камбалы с «перетекающими» на одну сторону глаза-

ми? Нет, друзья. Больше ничего здесь не будет. Невермор, никогда больше. Отныне «теория» эволюции обречена лишь на калейдоскопичность узоров, которые меняются при каждом новом повороте трубы и больше уже не повторяются. Все силы адептов этой «теории» теперь, как вода в песок, уйдут на бесконечные описания каждой комбинации этого никогда не повторяющегося набора осколков. Попытки спасти «теорию» отныне будут предприняты именно в области «художественного» осмысления эволюции, фантастических сценариев и незаконных для настоящей науки метафор вроде эгоизма генов и альтруизма сперматозоидов, ресторанного поведения *Homo sapiens* и способности кур к сочувствию.

Актуален ли сегодня поиск доказательств эволюции?

*«Тот период в истории науки, когда был актуален поиск новых доказательств эволюции, закончился примерно 80 лет назад, когда данные генетики удалось объединить с классическим дарвинизмом в т.н. “синтетическую теорию эволюции”, – продолжает делать вид, что находится в реальности, Александр Марков. – **Сейчас уже никто специально не ищет новых доказательств, они ученым просто не нужны: факт эволюции давно доказан.** Серьезный биологический журнал не примет статью с названием “Найдено новое доказательство эволюции”, потому что справедливо сочтет, что в этом нет научной новизны».*

Не знаю, привык ли читатель к манере изложения главного редактора, но лично я до сих пор удивляюсь, что практически каждое из цитируемых мной утверждений Маркова – так называемое «составное» (по принципу «вы уже перестали

бить свою жену?») и его нужно принудительно разделять, чтобы либо отвечать на два отдельных утверждения, либо показать ложность первого, при котором теряет смысл второе. Что же это за напасть такая? Ученые практики, работающие и сейчас, и 80 лет назад, и 150, никогда специально не искали никаких доказательств эволюции, а, образно выражаясь, вырывали у природы ее тайны, чтобы поставить ее себе на службу. Таким ученым, действительно, и «теория» эволюции, и ее доказательства – по большому барабану. А вот другой тип ученых мужей – пропагандистов «теории» эволюции и ее пламенных комиссаров, искал её доказательства и 150, и 80 лет назад, и сегодня роет землю так, будто ищет земляные трюфели. Зачем же путать читателя?

Единственное, в чем Марков прав – это в том, что представители дисциплин, так или иначе связанных с происхождением и исторической реконструкцией изучаемого контента (в первую очередь это относится к т.н. «эволюционной биологии»), действительно, не всегда ищут свидетельств эволюции специально, осознанно. А именно – в большинстве случаев они ищут их «подспудно», почти рефлекторно, на некоем идеологическом автопилоте. «Теория» эволюции, как и другая мировоззренческая идея, при достаточно нетрезвом к ней отношении способна настолько войти в кровь и гены исследователя, что становится его частью и программирует его поиски. Любой факт такой ученый примеряет к своей схеме, и если тот в схему не встраивается, ученый испытывает дискомфорт, нервничает и всеми силами старается такой конфуз исправить. Например, скелет так называемого *Homo habilis* ОН 62 показал даже большую близость к обезьяне, чем его предшественники. Что с этим делать? Искать новых свидетельств «антропогенеза»? Конечно, нет, лучше исправить старые, ведь истина-то давно в кармане. И вот уже антропологи Хеслер и Макгенри тратят силы и время на то, чтоб приладить

бедренную кость эректуса (!) ОН 34 к скелету хабилиса и тем самым «удлинить», очеловечить его, родимого. А вот скелет ребенка или подростка *Homo ergaster* WT 15000 («Турканский мальчик») слишком уж высок – буквально только что взрослый метровый хабилис лазил по деревьям, а тут сразу у подростка эргастера рост под метр семьдесят. Как быть? Не беда, исправим. Нужно применить к нему не человеческую модель роста, а модель роста шимпанзе (Р. Грэйвс), чтобы потом соратники по всему миру радостно констатировали: *«Не такой уж ты и высокий, мальчик из Турканы!»* (А. Соколов). Какому бы маньяку пришло в голову прилаживать к скелету чужие ноги и навязывать человеческому ребенку модель роста обезьяны, если бы не догма эволюции? Если бы ученым двигали естественные мотивы – поиск истины и смысла, а не желание прогнуть неудобные факты под схему? Казалось бы, какая необходимость додумывать лишние сущности и почему не принять именно то, что найдено – обезьяна хабилис коротышка, а Турканский мальчик – высокий человек? Но такой вопрос наверняка удивит этих ученых. Ведь согласно эволюционной схеме хабилис должен быть ростом выше, а Турканский мальчик ниже, вот мы, типа, и реконструируем как оно должно быть. Именно в этом смысле Марков сформулировал ситуацию безупречно точно – **«никто специально не ищет новых доказательств, они ученым просто не нужны»**. Прав, тысячу раз прав Александр Марков! Действительно, зачем нужны доказательства, когда эти люди и так знают правильный ответ?! Они, действительно, давно не ищут новых доказательств эволюции. Напротив, эволюция сама этих людей уже «нашла» раз и навсегда.

Впрочем, читая вышеприведенный абзац проекта, я придумал одну хитрую штуку – как отечественному спорту установить новый мировой рекорд в беге, хоть на короткие спринтерские, хоть на дальние дистанции. А заодно уж и про-

верить справедливость утверждения, что поиск доказательств эволюции сегодня уже не актуален. Нужно – в присутствии фиксирующих результаты судей собрать пару-тройку практических исследователей и двух-трех популяризаторов эволюции. После этого объявить, что на соседней улице (или на дальней, неважно) сидит человек с чемоданчиком, в котором имеется реальное, неопровержимое и окончательное доказательство существования в прошлом макроэволюции. И что он, по его словам, «скоро уходит». Я не сомневаюсь, что мировой рекорд скорости по бегу установят именно пропагандисты эволюции, а ученые-практики скажут что-нибудь сугубо ненормативное и вернуться к своей работе.

Имеет ли добыча нефти отношение к эволюции?

В одной из своих работ Александр Марков говорит, что *«большинству геологов и палеонтологов, как ни странно, абсолютные датировки не очень-то и нужны»*, поскольку *«относительное датирование в геологии имеет гораздо более давнюю историю, и, главное, оно гораздо надежнее и точнее абсолютного»*[41].

С этим трудно не согласиться. Сама по себе последовательность залегания слоев говорит нам не столько о хронологии событий, не о продолжительности их отложения, а именно о порядке и очередности их залегания. Это так называемый принцип Стено – каждый вышележащий слой по определению отложился позже нижнего.

В «Доказательствах...» Марков утверждает, что этот принцип распространяется и на временную очередность существования на земле фауны, окаменелости которой найдены в колонке – *«какие ископаемые организмы жили раньше, а какие позже»*. *«Стратиграфическое распространение каж-*

дой отдельной группы организмов (и всех их вместе), – пишет Марков, – подтверждает эволюцию и может быть адекватно объяснено только с эволюционных позиций». Креационисты спорят с «абсолютной» бесспорностью такой логики, утверждая, что при быстром отложении слоев в геологической колонке на разных уровнях могут быть представлены ископаемые, принадлежащие одной эпохе. Они отрицают именно эволюционную геохронологическую шкалу. Но я сейчас о другом. Марков заявляет, что дисциплина биостратиграфия, с абсолютной хронологией не связанная, тем не менее также основана на эволюционных посылках, и именно эти посылки позволяют использовать ее в практических целях.

«Биостратиграфия – наука весьма практическая, она играет ключевую роль в поиске полезных ископаемых. Если бы она была основана на ложных посылках, как утверждают антиэволюционисты, не стали бы нефтяные компании – организации, весьма далекие от предрасудков – платить большие деньги биостратиграфам, которых они всегда нанимают для разведки новых месторождений».

Я абсолютный дилетант в вопросах геологии, но на семантическую подмену, как говорится, из последних сил указать смогу. Биостратиграфия как дисциплина сегодня в числе других естественных наук, разумеется, «присвоена» эволюционизмом, то есть, эволюционная платформа под нее подведена по определению. Однако связывать практические возможности биостратиграфии с тем, что она основана именно на эволюционных посылках – это морочить голову читателю. Здесь мухи от котлет отделяются очень просто – «теория» эволюции лишь «объясняет» происхождение слоев и окаменелостей в геологической колонке, но с ее помощью полез-

ные ископаемые искать невозможно, поскольку, во-первых, сама эволюционная реконструкция истории геоколонки – штука крайне приблизительная и спорная, и, во-вторых, «теория» до сих пор не может сказать ничего определенного о происхождении ископаемых – той же нефти, золота или алмазов, а они каким-то образом и без этого знания отыскиваются. Марков упоминает нефтяные компании, платящие *«большие деньги»* биостратиграфам. Но на эволюционных ли посылках эти биостратиграфы ищут нефть? На месте Маркова я бы заглянул в историческую литературу. Добыча нефти промышленным способом была налажена еще до расцвета дарвинизма и, разумеется, без всякой моральной помощи со стороны «теории». А если углубляться в историю, то китайцы уже в IV веке н.э. бурили скважины для добычи нефти глубиной до 240 метров, хотя нефть тем или иным способом добывалась и использовалась еще со времен шумеров. Всю историю, начиная с первых государств, люди добывали уголь, нефть, металлы, известняк и мрамор, драгоценные камни и прочая, и прочая – без всяких подсказок и знания эволюционных посылок биостратиграфии.

Чтобы не раздуть тему, напомним об одном инциденте, описанном в книге под редакцией Лори Годфри *«Scientists Confront Creationism»* («Ученые против креационизма»). Автор 12-й главы, Стивен Д. Шаферсман из Университета Райе – геолог-исследователь, работающий в нефтяной промышленности, доктор геологических наук. Во время полемики в Хьюстоне, пишет Шаферсман, «отец» современного креационизма Генри Моррис стал всячески принижать биостратиграфов, работающих в нефтяных компаниях, поскольку их наука, по словам Морриса, совершенно бесполезна для определения местонахождения нефти, а успехи составляют всего 10%, то есть 90% скважин оказываются пустыми. Слова Морриса привели Шаферсмана в ярость. Он назвал своего противника не-

веждой, который абсолютно не разбирается в проблемах биостратиграфии и оттого не знает причин, по которым большинство скважин оказываются пустыми. При этом Шаферсман, защищая методы и профессиональные «фишки» биостратиграфов, заявил, что поиск нефти никак не связан с теорией эволюции, от принятия этой теории поисковиками ничего не зависит и поэтому в своей работе они ею никогда не пользуются[42]. Это – слова признанного специалиста в области биостратиграфии. Мы, дилетанты, должны прислушаться.

Вспомним уже цитировавшееся марковское: *«Профессионально заниматься биостратиграфией и палеонтологией и при этом быть антиэволюционистом – невысказано»*. Еще как мыслимо. Соответствия условий здесь столь же истинные, как – «конструировать ракету и не быть членом партии невысказано, без этого ракета не полетит». Добыча полезных ископаемых с помощью биостратиграфии не имеет никакого отношения к «теории» эволюции, к ее историческим реконструкциям. Биостратиграфия как наука – это опытное изучение современного объекта под названием геоклонка, сбор и обработка статистических данных, попытка вывести закономерности из прямых наблюдений и статистики. Например, нефть наиболее часто встречается в таких-то и таких-то отложениях, в таких-то условиях, ее маркером может быть то-то и то-то. И всё. Это классическая научная методология – наблюдаем, собираем статистику, выводим закономерность – и никакие эволюционные послышки тут ни с какого боку не залегают. Ученому безразлично, маркируется ли нефть трилобитом или черепом Александра Македонского в юности – ему нужно знание закономерности, а не история происхождения и причины, сформировавшие контент. А очередное присвоение эволюционизмом чужих «заслуг» в исполнении А. Маркова – это, наверное, тоже – от заявленного выше переизбытка имеющихся «доказательств» эволюции.

Переходных форм поиски — или вражеских сил происки?

Проблема так называемых переходных форм – наверное, самое провальное место эволюционизма (впрочем, тут можно поспорить, что провальней), поэтому большая часть главы о переходных формах носит обвинительный характер. Это парадокс вроде честертоновского – вина было так мало, что гости сразу опьянели. Фрагменты, оставшиеся от википедийной статьи, еще несут какую-то информацию, все же остальное – фактически лишь нападки на противников или преподнесение материала в форме возражения «антиэволюционистам». Читатель, незнакомый с положением дел на этом эволюционном участке, но, скажем, склонный к принятию эволюционизма, с большим для себя облегчением узнает, что проблема – не в отсутствии переходных форм, а в том, что противники неправильно этот вопрос понимают и всё, что можно, искажают и путают. Их требования непомерно завышены, они хотят того, что из положений теории вовсе не следует. Читаем:

*«Антиэволюционисты, как правило, имеют **крайне превратные представления** о том, что должны представлять из себя обнаруживаемые в ископаемой летописи переходные формы. Например, они “требуют” (кавычки тут для того, чтоб не подумали, будто эти «требования» кто-то воспринимает всерьез. – прим. А.М.), чтобы переходная форма между А и Б была непременно промежуточной между А и Б по всем без исключения признакам. Если какие-то признаки переходной формы ближе к А, а другие – к Б, антиэволюционисты объявляют такую форму “не переходной, а просто мозаичной”. Тем самым антиэволюционисты навязывают эволюционной теории такие проверяемые следствия, которые из*

нее вовсе не следуют».

Это неправда. Приведенная Марковым фраза есть индугенция на отсутствие переходных форм как таковых. Это заранее доведенное до абсурда требование противников показать хоть что-нибудь внятное. Если, например, противники укажут, что рыбе, имеющей один признак, напоминающий амфибийный, этого недостаточно, чтоб считаться переходной формой, эволюционист взмывает ввысь: «Я не могу вам предоставить форму, промежуточную между А и Б *«по всем без исключения признакам»!* Вы навязываете то, что из теории не следует!» Оказывается, все признаки организмов эволюционируют с разной скоростью, но автор не отвечает на детский вопрос, лежащий на поверхности – а где все эти формы в разных стадиях переходности и с набором признаков, эволюционирующих с разной скоростью? Почему мы все время имеем дело с какой-нибудь одной-единственной рыбой, у которой одна-единственная косточка или форма плавника трактуются как морфологически близкие, то есть, внешне напоминающие что-нибудь соответствующее у амфибий? *«Нет никаких причин, почему бы это должно было быть не так»*, – говорит Марков о разной скорости эволюционирования признаков. Но причины-то как раз есть – отсутствие каких-либо свидетельств, что это «так». Я уж не углубляюсь во всяческие дилеммы Холдейна и даже не апеллирую к здравому смыслу, подсказывающему, что признаки должны эволюционировать не с разной скоростью и не по очереди, а комплексно, дабы конкретный организм (или популяция, если угодно) находился в жизнеспособном состоянии.

Марков также утверждает, что противники эволюции в своем непризнании переходных форм просто «играют в слова»: *«Эта форма ближе к А? Значит это просто А. Ближе к Б? Ну тогда это просто Б»*. Но, продолжает автор, реально существующую переходную форму между А и Б биологи,

согласно правилам классификации, не могут назвать переходной и вынуждены именовать как A_1 . На что противники переходных форм якобы злокозненно вопрошают: *«Какая же это переходная форма? Это просто вид A_1 »*. В подобной цепочке рассуждений мы опять сталкиваемся с традиционной марковской неопределенностью, размытостью смысла – читатель не знает, что именно имел в виду автор, когда это писал. Здесь то ли фантазии о несуществующем, то ли старые игры с жонглированием «микро» и «макро». Если речь идет о гипотетической эволюции в прошлом, то никакой достоверно переходной формы A_1 между А (например, рыба) и Б (амфибия) не существует – просто, учитывая разнообразие вымерших форм, за A_1 нам выдается одна из обычных рыб, имеющих что-то, отдаленно напоминающее нечто или даже кое-что. А если речь идет об отделении от рыб А нового вида A_1 , то это – тем более ни с какого боку не переходная форма между рыбами и амфибиями, и ни с какого боку не эволюция формата «макро», а именно обособившийся новый вид рыб в родном, домашнем и уютном формате «микро».

Гипотетические требования антиэволюционистов предъявить им переходную форму в виде «тупого» гибрида двух представителей разных таксонов можно было бы пропустить, но уж очень смешным получился у автора этот абзац:

«Другой часто встречающийся тип неправомерных “требований” антиэволюционистов строится по схеме: “По-вашему утки произошли от крокодилов, ну так предъявите нам крокоутку”. Но современные утки не произошли от современных крокодилов. <...> (Здесь следует объяснение истинного уткогогенеза в терминах свидетеля события. – прим. А.М.) Поэтому мы не можем и не должны никому предъявлять крокоуток».

Так и представляешь себе «креациониста Сергея», сидя-

щего в трактире, пьяного, вальяжно развалившегося, требующего пёс знает чего, и Маркова, в белом фартуке официанта, с полотенцем через руку, дающего пьяному хаму отповедь: «Мы не должны никому подавать крокоуток!»

Немного неловко за автора, что довольно частые дискуссионные пародийные гиперболы **обеих сторон** («но кошка никогда не превратится в собаку», «а из дрозофилы бабочку за пять минут не хотите?» и пр.) он подает как нечто серьезное. Между тем «крокоутка», скорее всего, это гипербола, запущенная самими эволюционистами. Юмор в том, что самые недалекие пропагандисты эволюции часто сами себя высекают своими же измышлениями. Это не только Марков, но и его духовный кумир и наставник Докинз. Так, относительно недавно, в книге 2009 года «*The Greatest Show on Earth*» [43]. («Величайшее зрелище земли») Докинз напал на креациониста Маккэя за его требования к теории эволюции – «Почему среди найденных окаменелостей нет останков лягузьяны?» (гибрида лягушки и обезьяны, «*fronkey*», англ.). Эту претензию он рассмотрел также в своей аннотации к книге на Amazon UK. В разделе «От автора» Докинз публикует FAQ, и в том числе вопрос Маккэя, но уже в виде «Почему не найдены окаменелости лягузьяны или крокоутки?» После небольшого расследования, который Докинз отчего-то затруднился провести сам, оказалось, что «пулю» о лягузьяне запустила журналистка «*Sydney Morning Herald*» Аннабел Крэбб. Приведя в своей статье возражения Маккэя, журналистка продолжила от себя – если это так, почему до сих пор не найдены ископаемые лягузьяны? (SMH, от 7 мая 2006 г.). Ну, а Докинз, приняв слова журналистки за слова Маккэя, строго по принципу ОБС (одна баба сказала), понес эту радостную новость по всему хутору. Не исключено, что и «крокоутка» («*crocoduck*») родилась от того же разгоряченного папы, именно тогда, в пару с лягузьяной, поскольку Докинз, «ули-

чив» креациониста, некоторое время на страницах своей книги еще не мог успокоиться от радости, сочиняя всяческих пёсопотамов («*doggypotamus*»), слонопанзе («*elephanzee*») и прочих химер. Но в нашем случае весь парадокс в том, что Марков, размахивая «крокоуткой», судя по всему, использует одну из пародий Докинза на собственную же ошибку, карикатуру, приведшую самого Докинза к посадке в лужу. И, если это так, то все мы являемся свидетелями уникального в истории случая борьбы с креационизмом – оконфузившийся Докинз *молчит из лужи*, понимая, что спорол ерунду, а наш просветитель продолжает размахивать его убитой химерой и, по замечательному выражению писателя Славы С., «трещит как юный Геббельс». Всё это дополнительные штрихи к рабочим методам пропагандистов эволюции. Более существенно то, что за сочинением всяких «крокоуток» и отказом их предъявлять прячется желание уйти от реальной проблемы – предъявить реальные ископаемые цепочки, ретроспективно ведущие к общему предку, не говоря уже о предъявлении самого этого предка.

«Еще один тип антиэволюционистских передергиваний, – продолжает Александр Марков, – требование доказать, что данная переходная между А и Б форма действительно является прямым предком Б. Это все равно что требовать строгих доказательств того, что найденный в Африке череп Омо I <...> принадлежит самой Митохондриальной Еве, а не ее сестре или более дальней родственнице».

В очередной раз оценим, читатель, правомерность сравнения. То есть, требование к эволюционистам доказать (продемонстрировать убедительными примерами), что переходный по их схеме между австралопитеком А и эректусом Б вид

«Ното» *habilis* является прямым линейным предком эректуса – равносильно требованию предъявить череп конкретной женщины, жившей где-то в Африке то ли 200, то ли 250 тысяч лет назад (опять же, по эволюционной схеме). Но то, что мы читаем дальше, просто меркнет в сравнении со всем сказанным выше.

«Шансы найти в очень неполной палеонтологической летописи чьего-либо прямого предка очень малы, но даже когда таких предков находят, нет способов доказать, что это именно прямой предок, а не его близкий родственник. Реально находимые переходные формы являются формами, близкородственными искомому прямому предку (или его мало изменившимся потомками), требовать большего – значит опять-таки приписывать эволюционной теории не следующие из нее “следствия”».

Но это уже не просто индальгенция на отсутствие переходных форм! Это **признание открытым текстом, что теория эволюции ненаучна** и для установления истинной картины того же антропогенеза бесполезна. То ли да, то ли нет; то ли прямой предок, то ли его родственник, то ли «мало изменившийся потомок» прямого предка, то ли боковая тупиковая форма – это не наука, а прикладное искусство, ибо, мало того, что неопровергаемо по критерию фальсифицируемости, но уже – под расписку авторов «Доказательств...» – выдаёт крылья любой фантазии. Все без исключения найденные формы могут быть боковыми и тупиковыми, не иметь никакого отношения к линии человека – и это ни подтвердить, ни опровергнуть невозможно. Особенно отвисает челюсть от заявления, что теория эволюции, оказывается, не только не способна выяснить в филогенезе человека прямого предка, но и нахождение и указание такового (именно пред-

ставителя прямой линии) из нее просто не следуют – *«требовать большего – значит опять-таки приписывать эволюционной теории не следующие из нее “следствия”»*. Так и хочется воскликнуть словами какого-нибудь чеховского интеллигента: «Как это, из эволюционной теории не следует прямого предка? Вы что, издеваетесь?»

Но нет, не издеваются. Если перевести «сигнал» своей аудитории от Маркова и К^о на разговорный язык, то он будет звучать так. Дорогие соратники! Поиски переходных форм в течение 150 лет не увенчались успехом, поэтому самым разумным будет снять с себя все обязательства. Мы заявляем, что все прежние критерии переходной формы, установленные нашими научными предшественниками, отныне опускаются ниже плинтуса и сводятся к одному-единственному – **фантазируйте!** Проявляйте смекалку, находчивость, а где нужно, и изворотливость! Мы не можем отдать эту тему врагу.

Представьте себе, читатель, что какой-нибудь Главный Криминалист объявит – господа, требование найти преступника не вытекает из задач криминалистики. Достаточно лишь найти человека, похожего на убийцу. Мы готовы предъявить даже с десятков таких человек, разумеется, понимая, что они невиновны; однако их внешность дает примерное представление о преступнике.

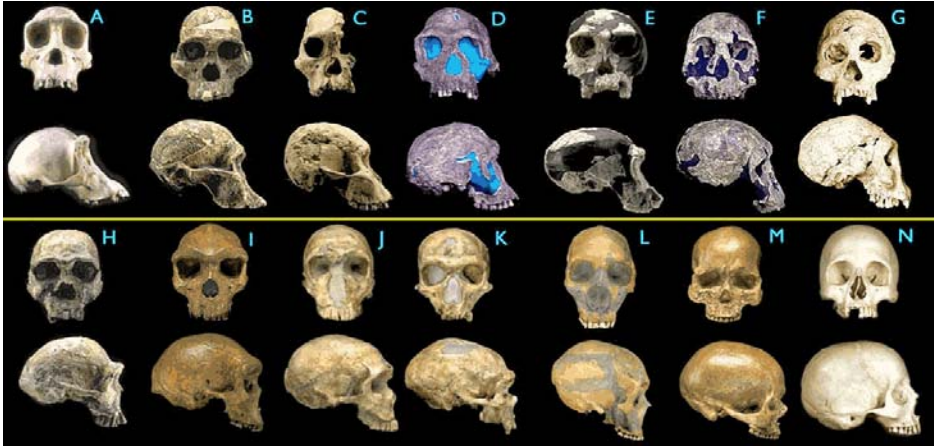
Если нарисованная мной картинка выглядит явным абсурдом, то почему своего собственного абсурда не видят авторы «Доказательств эволюции»? Почему о переходных формах, гоминидах и реальности происхождения человека от обезьяны Марков и другие пропагандисты говорят в терминах **свидетеля событий**, не – «предположительно» и не – «можно реконструировать согласно теории», а именно так, будто они лично принимали роды у Люси? Тем не менее, противники эволюции могут себя поздравить, а эволюционисты посыпать голову пеплом. Усилия 150-ти лет по поиску пере-

ходной формы завершились скатыванием бывшей формально научной концепции в метафизические дебри гаданий и фантазий, о чем, наконец-то, сказано открыто. Перед нами не просто *exclusive* от Маркова и его соратников по революционному перевороту в науке, но – прощание со всей традиционной западной и отечественной наукой о костях, наукой «до Маркова». Ради спасения хлипких построений эволюционизма он пустил огромную торпеду во все 150-летние усилия отечественной и западной палеоантропологии. Так и вижу, будто картинку с обложки битловского альбома «*Sgt. Pepper*» – стоит огромная толпа людей с понурыми лицами, сплошь состоящая из «искавших и не нашедших». Неожиданно узнаёшь знакомые лица: Дарвин, Геккель, Дюбуа, Дарт, а там и Джохансон, Лики, Уайт; вплоть до сегодняшних Хайле-Селассие и, так сказать, Ли Бергеров. Все они хотели найти «прямого». Как оказалось, они 150 лет маялись дурью. Поэтому им всем очень грустно.

«Из зала в зал переходя, здесь движется народ...»

Диким анахронизмом выглядит приводимая Марковым и К^о **схема Смитсоновского института**, изображающая филогенетическую цепочку так называемых гоминид и созданная лет 8–10 назад. Однако, вне зависимости от того, устарела она или нет, она уже создавалась как ложное (чтобы не сказать лживое) представление об «эволюции» человека. Зачем Марков использовал эту схему в 2010 году, понятно – она как никакая другая смотрится, казалось бы, очень убедительно. Именно поэтому она бесчисленное количество раз и воспроизводилась в форумной полемике сторонниками эволюции. Главный редактор «Доказательств...» оговаривается, правда, что «*Не все формы, показанные на этом рисунке, являются*

представителями единой эволюционной линии – есть среди них и “боковые веточки”». Впрочем, подчеркивает он, это не столь важно, поскольку, как уже говорилось, *«для реконструкции путей эволюции достаточно и близких родственников этих предков или их малоизменившихся потомков»*. Отметим эти два утверждения.

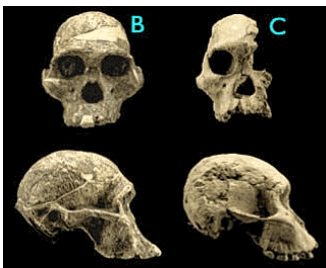
В принципе, хватило бы лишь одного аргумента, чтобы сразу отправить эту схему в мусорную корзину. Уже на уровне двух или более млн. лет (на схеме это соответствует позиции вместо или после австралопитека С) в Восточной Африке встречаются посткраниальные останки людей практически современной морфологии. Трудно рассуждать о каких-либо дальнейших трансформациях и гоминизациях, если уже у истоков эволюционной реки стоят люди, имеющие, по крайней мере, современный скелет. В то время как их ровесники из верхней части схемы, судя по пропорциям и особенностям скелета, вполне себе обезьяноподобны.

Однако, нас интересует схема как таковая, схема как марковский аргумент, поэтому вкратце рассмотрим ситуацию в том виде, как она представлена создателями и воспроизведена Марковым со товарищи в 2010 году.

1. Выборочный характер. Первое, что бросается в глаза, это явно выборочный характер схемы. Ее авторы приводят только образцы, создающие иллюзию плавного перетекания от обезьян к человеку и игнорируют важные, но неудобные для нее находки. Если в предложенный нам ряд включить других ископаемых гоминид, уже известных авторам 10 лет назад, вся благостная и причесанная картина развалится в одно мгновение. Например, после эргастера G (D2700, возраст 1,7 млн. лет; здесь и далее по с.ш.[44].) авторы могли бы вставить череп хабилиса ER 1805 (1,65 млн. лет), показывающий, что поздние хабилисы были гораздо примитивнее ранних, при этом уже на этапе существования *Homo ergaster*. Или – между эргастером ER 3733 (H) и гейдельбергерцем из Брокен-Хилл (I) поместить человека с уже удивительно современной лице-челюстной морфологией, ATD6–69, найденный в Испании в 1997 году. Между кроманьонцем (M) и современным человеком (N), в нарушение финального сапипентного торжества, можно было вставить черепа *Homo erectus* из Соло, датированные Свишером в 1996 году возрастом 27–46 тыс. лет. Идиллию M-N разрушили бы даже черепа условно современных тасманийцев возрастом 10 тыс. лет или австралийские черепа группы Кау Свэмп-Талгай-WLN 50 того же возраста или чуть старше. Я уже не говорю о современных находках *Homo floresiensis* или людей из Палау. Иными словами, если бы авторы не подбирали ряд столь искусственно, мы не увидели бы никакого плавного перетекания, а, напротив, сплошной разброд и шатание. Представленная же картина создана не по научным канонам, а по законам рекламы, и имеет ту же задачу – создать иллюзорный мир, ситуацию некоего очарования иллюзией, чтобы зацепить потребителя любым способом. При малейшем углублении в тему, изучении деталей, становится понятно, что всё это – так сказать, гламур и «постановочная съёмка».

2. «Четыре сбоку – ваших нет!» Как мы помним, Марков вынужден оговориться, что не все представленные формы относятся к единой линии, есть среди них и гости с боковых тропинок. Ну что ж поделаться, примем это как данность. Вероятно, есть пара-тройка затесавшихся, но мы сосредоточим внимание на своих. Давайте посмотрим, кто из представленных черепов не боковой, а наш, родной, так сказать, единоутробный.

• **А** – ощущение зазеркалья и сюрреализма (картина а ля Сальвадор Дали «Австралопитек, происходящий от шимпанзе») создает череп современного пан троглодита в основании цепочки. Первая мысль – что его здесь забыл какой-то бутафор из Смитсоновского музея. За какие заслуги сюда попал шимпанзе и что здесь делает, можно только догадываться. В отсутствие ископаемых предков он, видимо, посажен исполнять роль «общего предка» *Pan* и *Homo*, то есть, всем своим видом должен активно намекать посетителям, как мог выглядеть этот неизвестный общий предок. Что, безусловно, является глупостью даже с точки зрения эво-концепции (*Pan* и *Homo* есть конечные специализированные формы), но более намекает на то, что все следующие за шимпанзе черепа на картинке – древние родственники именно

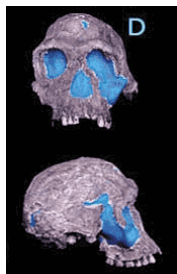

его, а не человека. Итак, на схеме он – казачок засланный, и только путает молодых адептов эволюции.

• **В и С** – *Australopithecus africanus*. Одна из боковых тупиковых австралопитековых ветвей. Нашими прямыми предками не считаются, поскольку по пропорциям тела примитивнее более раннего, но более «прогрессивного» австралопитека афаренсиса (*Au. afarensis*, самый известный экземпляр AL 288–1 или Люси), до недавнего времени испол-

нявшего роль нашего предка. (Между тем сама Люси на схеме удивительным образом отсутствует – вероятно, при относительной «прогрессивности» своего скелета, всё же за слишком обезьянью форму черепа, который никак не вписывается в ряд обезьян с округлыми «прогрессивными» куполами). Экземпляры В и С ровесники (2,5–2,6 млн. лет), то есть, демонстрируют не «эволюцию», а лишь внутривидовые вариации. И даже не половой диморфизм, поскольку череп В – самка (Sts 5) с объемом мозга 485 см³, а С – самец (Sts 71) с 428 см³ (меньше женского). На схеме экземпляр С намеренно увеличен относительно В, чтобы мелкий самец с более плоским лицом смотрелся в ряду как более «прогрессивный».

• **D** – *Homo/Australopithecus habilis?* (*Homo microcrans?*), ER 1813. Что это за субъект, уже долго и безуспешно гадают многие палеоантропологи, но его таксономический статус так и не определен. Внешне, «на глазок», отдаленно напоминает эргастера (хотя есть серьезные основания полагать это артефактом реконструкции), но по маркирующим признакам эргастером там и не пахнет. Объем мозга всего 510 см³, строение мозга как у австралопитека. К нашей линии однозначно **не относится**, поскольку имеет слишком молодой по эволюционным меркам возраст 1,65 млн. лет (новая датировка группы Брауна, 2008 года, да и по старой 1,8 млн. лет синхронен с эргастером Н).

Проблема ER 1813, по словам Виллиса, находится в стадии «отложенного решения», то есть, в лучшем случае, мы узнаем не правду, а решение.

• **E** – ОН 24, череп, который из-за своей фрагментарности трудно не только однозначно идентифицировать, но и реконструировать (*H./Au. habilis* или восточная форма *Australopithecus africanus*, но по ряду признаков отличается и от первых, и от

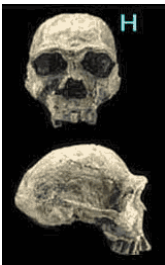
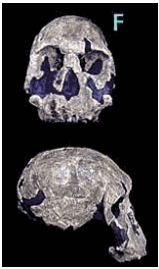
вторых). Зачем он на этой схеме – знают только ее авторы.

- **F** – ER 1470. История этого экземпляра заслуживает отдельного разговора. Хомо? Австралопитек? Кениантроп? Хабилис? Рудольфензис? Мнений множество, равно как и вариантов его сборки. Первоначальная реконструкция черепа оказалась неточной. Поздние варианты реконструкции, сделанные С. Пеллегрини и автором находки Р. Лики независимо друг от друга, представляют череп ER 1470 как гораздо более подобный австралопитеку. Б. Меллерт убедительно показывает, что ER 1470 принадлежал австралопитеку с крупным мозгом. Таким образом, прежде вопроса, предок он или нет, нужно выяснить, кто он вообще, собственно, такой.

- **G** – D2700. *Homo*, но представитель тупиковой линии, уклонившейся от эргастеров Африки. К нашим предкам не относится по определению.

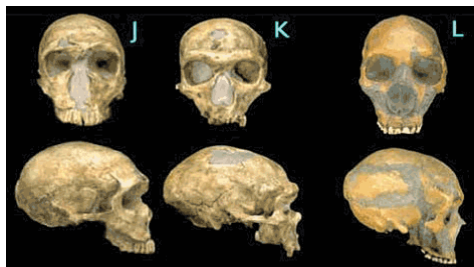
- **H** – череп ER 3733 (*Homo ergaster* 1,78 млн. лет) в официальной палеоантропологии считается представителем линии, ведущей напрямик к *Homo sapiens*, однако дело очень усложняет одно обстоятельство. Есть серьезные основания (об этом идет речь в заключительной главе моей книги «По эту сторону потопа») считать эргастеров (эректусов) тупиком, одной из вымерших древних человеческих рас. Эта форма почти в неизменном виде доживает на окраинах ойкумены едва ли не до экспансии сапиенсов, но таксон *Homo heidelbergensis*, «внезапно» возникающий фактически по всему свету более полумиллиона лет назад, резко обособлен от них тем, что содержит непонятно откуда взявшийся конгломерат эректусных, неандертальских и сапиентных черт.

- После полутора миллионов лет эволюционной тишины

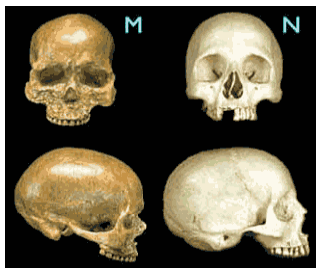
раздается барабанная дробь и на схеме появляется **I** – череп гейдельбержца из Брокен-Хилл – самый неуместный и «мутный» из всего таксона; его возраст точно не известен, а роль предка для европейских кроманьонцев находится где-то между нулем и минус единицей.

• Следующие три образца (**J, K, L**) – просто «разводка» читателя. Во время оно, то есть в начале прошлого десятилетия, когда создавалась картинка, положение о том, что неандертальцы были **уклонившейся от**

нас тупиковой ветвью и в филогенезе современного человечества не участвовали, уже было общим местом. Тот факт, что эти три черепа авторы встроили в схему, вызывает удивление, но объяснение имеет – опять лишь ради иллюзии плавной переходности. При этом череп из Ле Мустье (**L**) вставлен в ряд совершенно мошеннически. Поскольку это подросток, его еще не развитые надбровные дуги и округлый брахицефальный череп должны создать иллюзию «похожести» на соседний череп кроманьонца и переходности к нему.

• **M** и **N** – люди современной анатомии. Кроманьонец (**M**) возникает в Европе порядка 30–40 тыс. лет назад, неизвестно откуда, неизвестно от кого и уже с развитой культурой и технологиями. **N** – это мы с вами, некая одомашненная, расслабившаяся среди благ цивилизации версия кроманьонца.

В итоге, фраза Маркова: *«Не все формы, показанные на этом рисунке, являются представителями единой эволю-*

ционной линии – есть среди них и “боковые веточки”» – шедевр жанра. То есть, на самом деле «не все» и «есть среди них “боковые веточки”» относится **ко всем представленным экземплярам А-Л** (если включать и тех, кто явно боковой, и тех, чей статус неизвестен), а достоверно «эволюция» прослежена только между *Homo sapiens* М и *Homo sapiens* N! Которых, как единый таксон, вообще непонятно зачем раздвоили. Если учесть, что обезьяны морфологически, анатомически, интеллектуально и др. безусловно отделены от людей, а предшественники *Homo sapiens* – не его эволюционные предки, а лишь вымершие древние человеческие расы, то **на представленной схеме у *Homo sapiens* нет ни одного эволюционного предка.**

3. Игры с костями, или Годятся ли «боковые» для реконструкции филогенеза. Любопытно, что даже в таком, селективном виде (а выбрано лучшее из лучшего), схема не выполняет своей функции – создать иллюзию плавной гоминизации, например, увеличение мозгового объема с течением времени, как того требует единственно верное учение. Чтобы создать иллюзию переходности, черепа намеренно перепутали в хроно- и таксономическом порядке. Череп человека D2700 (G) изъяли из нижнего ряда представителей безусловных *Homo* и увенчали им окончание обезьяньего верхнего ряда, при этом череп ER 1470 (F) как якобы самый прогрессивный из доэргастерных, незаконно перенесли сюда из полагающегося ему места между С и D, поскольку по принятому возрасту 1,95 млн. лет он должен следовать после австралопитека африкануса С (2,5 млн. лет). Как сказал бы Б.Н. Ельцин, «Не так сели!» Если мы расположим находки в хронологическом порядке, то сразу увидим цену этой плавности (см. таблицу 1).

Чтобы скрыть этот разницей, **пропорции черепов по-**

догнаны под ту же иллюзию «плавной эволюции»: обезьяньи намеренно увеличены, а самые крупные человеческие уменьшены. Поскольку никакой необходимости искажения пропорций, как при иллюстрации разновеликих объектов, здесь не было, эту искусственную «плавность возрастания» можно воспринимать только как мошенничество.

Литера	B	C	F	E	D	H	G	I	J	K	L	M	N
Возраст по с.ш.	2,5 млн.л.	2,5 млн.л.	1,95 млн.л.	1,8 млн.л.	1,8–1,65 млн.л.	1,78 млн.л.	1,7 млн.л.	300–125 тыс.л.	70 тыс.л.	50 тыс.л.	45 тыс.л.	30 тыс.л.	NOW
ЕСV см ³	485	428	752	594	510	850–900	650	1280	1600	1625	1565	1600	1350

Таблица 1. Литеры зеленого цвета – обезьяны, красный цвет – люди

Глядя на схему, никогда не догадаешься, что «прогрессивный» ER 1813 (D) имеет всего 510 кубиков мозга, неандерталец Ля-Шапель-о-Сен (K) 1625 см³, и даже череп кроманьонца M выглядит как значительно меньший по объему, чем череп современного сапиенса N (на самом деле 1600 см³ у кроманьонца M против 1350 см³ у современного человека N). Если кто-то из читателей углядит прогресс в увеличении мозга в рядах *Homo*, то стоит сообщить, что *H. ergaster* H (850–900 см³) – это женщина, объем мозга которой находится в границах современных значений даже для сапиенсов, а эргастер G из Дманиси (650 см³) – череп подростка, возможно, патологический. Поскольку в этой же дманисской группе найден индивид с реконструируемым объемом мозга до 1125 см³, то отсчет современным значениям можно вести уже с периода, определяемого в эволюционизме как 1,7 млн. лет назад. Однако же и L (1565 см³) – это неандертальский ребенок или подросток 7–10, максимум 15-ти лет! (что значительно выше даже современных значений для взрослого). «Как всё запущено»... Надеюсь, читатель понимает, что, приводя цифры, я дистанцируюсь от каких-либо рассуждений о взаимозависимостях тех или иных параметров, а лишь демонстрирую, на-

сколько адекватно эволюционное требование проиллюстрировано самими адептами. И это мы не учли еще множества факторов. Здесь мы ни слова не говорим о морфологии, о маркирующих признаках для каждого из таксонов; о том, что, скажем, присутствие нижних челюстей разрушило бы представленный ряд без всякого перемещения и хронологической сортировки, что сравнение черепов без учета пропорций тела индивидов есть бессмыслица – и пр., и пр. Но, как говорится, никакие факты не мешают нам проиллюстрировать эволюцию...

Таким образом, вся схема Смитсоновского института есть не более чем «эволюция на глаз». Подобными схемами хорошо и даже милосердно утешать больного старика-эволюциониста, но она совершенно негодна для молодых людей, ищущих, любящих реальность. Если, согласно Маркову и К^о, мы не знаем (и не имеем права требовать от «теории») прямых предков современного человека, можно заявить, что таких эволюционных предков у нас в реальности не было совсем. Так называемые прогрессивные черты наших «боковых ветвей» (я говорю только о людях) могут быть и случайностью, и параллелизмами, и сами эти «боковые ветви» могут оказаться лишь деградировавшими формами от форм более сапиентных, наших предшественников и предков в обычном, семейном смысле этого слова. То, что экземпляры, представленные на схеме, достаточны для реконструкции наших собственных путей эволюции, чистая спекуляция – добавьте деталей, и этих черепов сразу станет недостаточно.

Однако вывод Маркова по проблеме переходных форм способен шокировать слабонервных. Как будто в порыве торжества, «на эмоциях» (*«Но, положив руку на сердце, скажите...»*), он завершает тему палеоантропогенеза таким пассажем – когда показываешь креационистам восемь видов морского ежа, они отмахиваются, типа, микроэволюция! Пока-

жите нам «макро»! И поэтому, когда предъявляешь им эти черепа (надо полагать, как пример «макро»), то креационистам уже ничего больше не остается, как возопить к небу: *«“Это все подделки! Между этими черепами нет ничего общего! Вот это – просто обезьяны, а вот то – просто современные люди!” Странно, не правда ли?»*

Вот так. Оказывается, смитсоновская схема – аргумент настолько убойный, что любой оппонент должен быть ею просто раздавлен. И ему, раздавленному, не остается ничего другого кроме как изворачиваться и врать. Впрочем, похоже, перед нами очередная проекция самого Маркова. Видимо, его очень впечатлила схема Смитсоновского института. Какие подделки, что подделывалось и почему *Homo erectus* в приписываемых противнику воплях – современный человек? Или, с точки зрения противников, все формы на схеме – обезьяны, кроме современных людей? «Скажу по секрету, в нашем негритянском оркестре только мы с Монеи негры, а все остальные евреи!»

Впрочем, ну их к лешему, эти детали. Я подытожу раздел о переходных формах следующим образом. Некоторое время назад на кураевском форуме эта тема вспыхивала регулярно и от одной брошенной искры. После подведения итогов однажды выяснилось – эволюционизм не в состоянии дать определения переходной формы. Точнее, при любой попытке дать определение, он попадает в вилку-дилемму – если адекватное определение даётся, то оно остается чисто теоретическим, поскольку не выполняется в реальности; всё же остальное является казуистикой и попыткой уйти от проблемы, сводясь к хитрому марковскому *«для реконструкции путей эволюции достаточно и близких родственников этих предков или их малоизменившихся потомков»*, ничего не означающее и дающее возможность объявить переходной формой практически любую ископаемую находку.

Адекватное филогенетическое определение, данное самими эволюционистами, звучит так: «Организм В есть переходная форма от организма А к организму С, если он прямой потомок А и прямой предок С». К этому определению есть еще дополнения, но они уже не имеют смысла, поскольку и приведенное не выполняется. Казалось бы, если теория эволюции настолько подтверждена свидетельствами, что является окончательно доказанным фактом, чего стоит Маркову и компании показать нам организм В, а не внутривидовые вариации на тему отдельных организмов А и С? Но, составляя определения, которые могли бы увязать с теорией наблюдаемую реальность, пропагандисты эволюции, включая Маркова, вынуждены размывать критерии и требования, выдавая нечто далеко отстоящее как от науки, так и от здравого смысла. Пикантность ситуации заключается в том, что на роль «переходных» форм в эволюционных схемах всегда выставлены **тупиковые формы**, признаваемые тупиковыми даже самими эволюционистами. К чему они «переходят», если они тупиковые? И именно о них, а не о даже «предположительно истинно переходных» лукаво говорится – это близкие родственники неизвестного нам В, прямого предка С. Они, конечно, не В, но местами так похожи на него, что, глядя на них, можно представить себе общую картину филогенеза от А к С! Близкие ли они, дальние, притянутые ли за уши или нет – мы никогда не узнаем. Несомненно одно – понятие «переходная форма» есть семантическая конструкция, существующая лишь в рамках модели, но не в рамках реальности и истины. Или, как остроумно определил ситуацию Дмитрий Гмырак, говоря о критериях переходности: «Переходной формой называется всякий вид, который навевает некие ассоциации на тему эволюции».

Итак, еще раз. Существует адекватное определение понятия «переходная форма» – но по нему в реальности не суще-

ствует никаких переходных форм. Есть неадекватное, «приспособленческое» и уклоняющееся от проверки «понимание» переходной формы – но оно ненаучно и бесполезно для выяснения истины, поскольку служит лишь в качестве адвоката эволюционистских несуразностей.

Кто «лжет» по поводу находки Дюбуа?

Марков не один и не два раза обвиняет своих противников в сознательной лжи, не удосуживаясь, разумеется, не то что доказать намеренность этой лжи, но и проиллюстрировать более-менее серьезными примерами. В результате обвинения сами выглядят, как авторская попытка соврать половчее.

«Перед лицом такого количества неопровержимых фактов антиэволюционистам не остается ничего другого, кроме как идти на прямую ложь. Они то пытаются замолчать существование находок (речь идет о гоминидах. – прим. А.М.), то отрицают их подлинность или возраст, то объявляют подделками (благо в 150-летней истории палеоантропологии действительно было несколько случаев подделок), то пытаются применить свой излюбленный эссенциалистский прием “это просто обезьяна, а то – просто современный человек”. Все это может убедить лишь человека, совершенно не знакомого с фактами».

Перед нами – откровенная клевета Маркова на противника. Любопытно, что ни одно из предъявленных обвинений не попадает под категорию лжи.

Неупоминание каких-то находок неправомерно расценивать как намеренную ложь; оно может объясняться всего лишь незнанием материала (если угодно, невежеством). По

этому признаку Марков сам с гораздо большим основанием может быть обвинен в намеренной лжи, поскольку **замалчивает все без исключения** трудности своей «теории», безусловно о них зная. Но и само обвинение – *«пытаются замолчать существование находок»* не соответствует правде. Если какой-нибудь «креационист из пивной», отставив кружку, неожиданно замолкает посреди разговора (не иначе как начав тем самым активно замалчивать находки), то это одно, но стоит взглянуть хотя бы на ведущие креационистские сайты, чтоб разобраться в столь сложном для честного научного журналиста вопросе, существуют ли у его противника «фигуры умолчания». Впрочем, доказать намеренность умолчания, как мы понимаем, невозможно в принципе. Разве что если Докинз передаст для Маркова пакет с информацией через Дуэйна Гиша, а тот его «замылит». Но это уже фантастика!

«...То отрицают их подлинность... то объявляют подделками» – автору, который еще и редактор, мало произнести обвинение подсудимому один раз. «Товарищи, перед вами шпион и вражеский разведчик!» Отрицание подлинности находок или объявление их подделками – тоже в категорию намеренной лжи не попадает. Более того, кроме изображения вражеских воплей (*«Это все подделки!»*), автором никак не доказано и тоже пахнет обманом. Как правило, противники эволюции не отрицают подлинности находок. Может быть, под «подделками» имеются в виду сомнения в правильности некоторых эволюционистских реконструкций? Так, дорогие товарищи, даже отрицание чужой реконструкции не попадает под категорию намеренной лжи, а уж причины подозревать у проповедников эволюции подыгрывание своей идее (если судить по методам того же Маркова) не иссякали никогда. Что вообще автор имеет в виду, подлинность каких именно находок отрицается, почему главный редактор проекта не приведет ни одного конкретного примера, можно ли

судить и обвинять, не предъявляя свидетельств вины? «Имя, сестра, имя!» Неужели автор не понимает временности своих обманок, и его совсем не волнует, с каким огромным отпечатком сапога на заднице полетит в вечернем небе Москвы или Владивостока какой-нибудь его адепт после первого же столкновения с настоящим противником?

Отрицание возраста находок в качестве примера сознательной лжи – вообще нечто несуразное. Объявить ложью чужие взгляды, построенные на других допущениях, может только очень недалекий человек. Обычно это удел интеллектуально перебивающихся форумными холиварами школьников, у которых ложью является любое мнение, отличное от их собственного.

«...Это просто обезьяна, а то – просто современный человек». Я эту выдумку, как уже сказал чуть выше, не понял. Тут «Сатурн почти не виден» – то есть, марковская претензия сформулирована столь туманно, что приходится гадать – воспроизводит ли он слова какого-нибудь «креациониста Сергея» или выдумал их сам, что подразумевает под этим высказыванием и не перевирает ли существующие аргументы, например, широкое понимание у обеих сторон самого термина «человек»? (Тогда пусть нападает на эволюциониста Волпоффа, включающего всех *Homo* в единый таксон *Homo sapiens*). Возможно, марковская фраза хранит отзвук того периода, когда противники эволюции, ссылаясь на мнение Вирхова, подхватили его мысль о неандертальце как об анатомически современном человеку, но «искаженном» рахитом? Однако, во-первых, от того утверждения (которое разделялось и представителями другой стороны) обе стороны уже давно отказались, и, во-вторых, если основанием для обвинений, действительно, послужило реликтовое мнение Вирхова о неандертальце, почему Марков распространяет его как утверждение противников на все находки в целом?

И, в третьих, если моя версия о Вирхове верна, то мнение единичных форумных юношей, пользующихся информацией устаревших статей или книг, опять же, являются не ложью, а лишь заблуждением или неграмотностью. И еще. **Если Александр Марков снисходит до чтения информации такого уровня, тратит времени настолько много, что отлавливает и держит в памяти даже такой шум и мусор**, то я ему искренне сочувствую. Его увлечение борьбой (по Ю. Ковалю «борьбой борьбы с борьбой») находится в очень серьезной стадии, отчего-то не вызывающей беспокойства у самого перпециента.

Таким образом, обвиняя противников в том, что от некоей безысходности они вынуждены идти на прямую ложь, главный редактор не только ничем не подтверждает свои слова, но и сами перечисленные обвинения выдают в нем человека, который «ни в чем себе не отказывает» и допускает возможность победы любой ценой, пусть и морально самой неприглядной. То есть, проще говоря, занимается клеветой. Но далее, не иначе как в высшей стадии мышечного разогрева от анти-антиэволюционистской борьбы, Марков начинает «путать пароли и явки»:

«Часто повторяемый (хотя и малозначительный по сути) аргумент антиэволюционистов о том, что первооткрыватель питекантропа Эжен Дюбуа якобы в конце жизни признал, что найденная им на Яве черепная крышка принадлежала гигантскому гиббону, тоже оказался ложью. На самом деле Дюбуа говорил лишь о том, что найденная им черепная крышка обезьяночеловека настолько необычна, непохожа на человеческую, что ее можно принять за кость гигантского гиббона (R. Dawkins, 2009. "The Greatest Show on Earth")».

Любопытны две вещи. Ссылка на уже упоминавшуюся книгу Докинза (ту, где палёные «лягузьяны» и «крокоутки»), как бы поделившегося новой информацией о Дюбуа, и еще одно обвинение, брошенное противникам эволюции. Причем, аргумент-то «малозначительный по сути», но очередное обвинение во лжи – вполне себе по сути «многозначительное»! Оставим пока Докинза. Обратимся к Маркову, который прямым текстом заявляет читателю, что именно антиэволюционисты приписывают Дюбуа отречение от собственных ранних взглядов на питекантропа и признание своей находки гигантским гиббоном. А это, как выяснилось, оказалось ложью.

Поскольку *«аргумент антиэволюционистов» «часто повторяемый»*, поищем. Мучаем поисковик. Антиэволюционистскую ложь находим сразу. Свое обвинение Марков, судя по всему, основывает на следующих словах одного из ведущих креационистов, Сергея Головина, из его популярной книги «Всемирный потоп...»:

«Незадолго до своей смерти Дюбуа признался, что обнаруженная им черепная крышка принадлежала большому гиббону...»[\[45\]](#).

Ура! Итак, ложь противников эволюции найдена. Теперь осталось лишь выяснить, у кого же из «настоящих» палеоантропологов противники взяли эту историю, чтобы, так сказать, исказить ее до состояния лжи. Смотрим. Академик Б. Поршнев должен знать правду, он-то нам сейчас и разоблачит антиэволюционистов. В его работе «О начале человеческой истории», растиражированной многими пропагандирующими эволюцию сайтами, читаем:

«Дюбуа в 1894 г. опубликовал отчет об открытии “переходной формы” между обезьяной и человеком, зато

потом колебался, **возвращался то к мнению, что это всего лишь гиббон**, то что это человек, то опять промежуточное существо. Умер он в 1940 г. в убеждении, что его первый диагноз был ошибкой: нет никакого промежуточного существа, **а кости частью гиббонов, частью человеческие»**[46].

Хм. Оказывается, креационисты лгут лишь наполовину? И Дюбуа все же признал часть своей находки гиббоном? Кто же прав? На портале проекта Антропогенез.ру, в деятельности которого Марков принимает активное участие, опубликованы отрывки из книг академика В.Е. Ларичева. Мозг пытается закипеть, когда «ложь антиэволюционистов» в исполнении известного ученого начинает множиться:

«[В 1929 году Дюбуа] ...в оценке питекантропа неожиданно принял точку зрения своего противника, Рудольфа Вирхова, **согласившись, что нашел на Яве гигантскую форму гиббона**, а не обезьяночеловека» (Ларичев В.Е., «Охотники за черепами»).

«[В 1937 году] Кёнигсвальд не раздумывал, кому первому сообщить радостную новость (о находке еще одного черепа «питекантропа». – прим. А.М.). Разумеется, Эжену Дюбуа! ... Правда, ему придется теперь расстаться с **идеей о принадлежности существа из Триниладу роду гигантского гиббона**, но стоит ли печалиться об этом заблуждении?» (Ларичев В.Е., «Сад Эдема»).

Этого просто не может быть! Академика Ларичева наверняка ввели в заблуждение антиэволюционисты! Нам нужны более надежные источники. На странице сайта Александра Маркова, именуемой «С чего начать?», в качестве рекомендации стоит ссылка на сайт С. Кондулукова, разумеется,

убежденного эволюциониста и постоянного участника марковского форума. В надежде докопаться до источника антиэволюционной лжи, читаем у марковского протеже:

«Сам Евгений Дюбуа долго колебался. Он то признавал, что открытые им кости принадлежат обезьяночеловеку, то отрекался от своего открытия. Под конец своей жизни он разочаровался в своих находках и объявил, что найденные им кости не представляют никакой научной ценности, а принадлежат гигантскому гиббону».

«Шьёрт побьери!» Что же это за наваждение? Наверняка Кондулуков тоже что-то путает, и ссылку на него автор сайта дал по ошибке. И тогда, дабы уже не осталось никаких сомнений в разоблачении противников эволюции, заходим в библиотеку самого Маркова, размещенную на его сайте. Там, в книге Н.Я. Эйдельмана «Ищу предка», которую хозяин библиотеки в виду особой ценности лично проиллюстрировал и при каждом удобном случае рекомендует посетителям библиотеки к прочтению, читаем у столь авторитетного для Маркова автора:

*«И тут, когда пришли признание и слава, тут 75-летний Евгений Дюбуа **отрекся**.*

*Неожиданно в 1935 году он печатает статью, где отказывается от мысли, что нашел обезьяночеловека: как раз бедро, самая человеческая часть скелета, при тщательном изучении волокон и костей – остеонов оказалось таким же, как у гиббона, и совсем не таким, как у человека. Потрясенный Дюбуа решил, что покойный Вирхов был прав, **что на Яве действительно откопан гигантский гиббон...**»[47].*

Немая сцена. Челюсти у всех сидящих в зале отвисают, как у гиббонов. «Английская королева такого еще не видела». Ложь противников, «лживый» аргумент, который Александр Марков гордо бросает в лицо антиэволюционистам – эта «ложь», оказывается, черным по белому прописана, прошу прощения за грубое выражение, чуть ли не у него на лбу – в его собственной библиотеке, в рекомендуемой им книге о палеоантропологии, не говоря уже о работах его собственных последователей. Нелепо и несправедливо, когда обвиняешь кого-то напрасно. Но совершенно уморительна ситуация, когда наш герой говорит с трибуны что-нибудь этакое: «Друзья! Противники эволюции дошли до того, что лгут, будто существует такой палеонтолог – Александр Марков! У них это черным по белому написано!» А ему кто-нибудь из-за кулис вполголоса шепчет: «Ти-ише, умоляю! Есть такой палеонтолог...».

Однако, это еще не конец фильма. Так откуда вообще у этой истории растут ноги, и что такого откопал Докинз, на которого ссылался Марков, говоря как бы о закрытии этой истории? Вернемся к цитате Маркова:

«На самом деле Дюбуа говорил лишь о том, что найденная им черепная крышка обезьяночеловека настолько необычна, непохожа на человеческую, что ее можно принять за кость гигантского гиббона (R. Dawkins, 2009. "The Greatest Show on Earth")».

Действительно, что же тогда означают все эти утверждения Поршнева, Эйдельмана и иже с ними? Кто кого обманывает? Открываем книгу Докинза. Оказывается, настоящий британский ученый, на сей раз ни словом не упрекнув креационистов, приводит цитату из статьи Дюбуа 1935 года «*On the gibbon-like appearance of Pithecanthropus erectus*» («О гиббоноподобном облике питекантропа») и сообщает, что

креационисты время от времени использовали его слова как отречение от питекантропа в пользу гиббона, однако от этого аргумента, ввиду его двусмысленности, сами же и **отказались**, внося в черный список на портале *Answers in Genesis*. Какой же вывод из этого сделал наш научный журналист Марков, окунувшийся в тему? А вывод он сделал следующий. Он прочитал приведенную цитату Дюбуа, выбрал оттуда подходящие ему слова и, видимо, узнав только из текста Докинза о решении креационистов не использовать *аргумент гиббона*, объявил прежнюю позицию креационистов ложью. Ну, казалось бы, объявил и объявил, сколько раз уже было. А между тем, Марков со своим обвинением сел в лужу почти также, как Докинз с «лягузьяной».

«Часто повторяемый ... аргумент антиэволюционистов ... тоже оказался ложью». Хочу особо подчеркнуть, что не абстрактной, а «тоже ложью» – в дополнение к приведенным им примерам якобы другой лжи противников. Всё, казалось бы, хорошо, вот только аргумент этот вовсе не «антиэволюционистов». Дело в том, что ситуацию с гигантском гиббонном вольно или невольно, но спровоцировал сам Дюбуа. В своей знаменитой статье он выразился настолько двусмысленно, что **даже эволюционисты спорили между собой**, признавал ли он так называемого питекантропа гиббонном или нет. Разумеется, Дюбуа не отрекался от его статуса как переходной формы, но его утверждения *«Питекантроп был ... гигантским представителем рода, примыкающего к гиббонам»* и *«Морфологически ... черепная крышка очень напоминает таковую человекообразных обезьян, особенно гиббона»* – дали повод для дискуссий. Ведущие мировые палеоантропологи Пэт Шипман и Эрик Тринкаус полагали, что слова Дюбуа о признании находки гиббонном были вполне однозначными. Им возражали Стивен Гулд и Джим Фоули, считавшие фразы Дюбуа слишком расплывчатыми, чтобы

делать однозначный вывод. При этом нужно учесть и контекст событий – долгое время современники Дюбуа (в частности, тот же Вирхов) буквально навязывали ему версию гиббона, поэтому финальные слова о близости и морфологической похожести его недостающего звена на гиббона можно было понимать как конец сопротивления и уступку оппонентам. Вроде того, что, да, фактически это гиббон, но прямоходящий и с большим мозгом, поэтому – всё равно недостающее звено. Примерный современный аналог – если палеоантрополог Вуд говорит, что *Homo habilis* примыкает к роду австралопитеков и похож на них, означает ли это признание хабилиса австралопитеком? (Здесь вспоминается «...и примкнувший к ним Шепилов»).

Как мы помним со слов самого Маркова, у него не всегда хватает времени остановиться и подумать, тем более в такой ситуации, и уж особенно над вопросом – стал бы кто-нибудь из противников эволюции сочинять сказки о гиббоне-питекантропе, не имея на то никаких оснований? Но под горячую руку (точнее, неразборчивую, не очень себя утруждающую) у него лжецами стали и первые величины мировой эволюционной палеоантропологии – Шипман, Тринкаус и иже с ними. И даже свои, Поршневы и Эйдельманы, к ним *примкнули*.

...Впрочем, я, наверное, придаю этому вопросу неподобающее ему значение. Судя по тому, что Марков даже не знает, кто такая Пэт Шипман (поскольку считает ее мужчиной), то что ему собственная репутация перед какими-то оппонентами? Да и утверждение Маркова (а не Докинза, как могло бы показаться), что *«Дюбуа говорил лишь о том, что ... настолько необычна ... что ее можно принять...»* – это слишком вольная интерпретация самого Маркова, которую, применяя его собственные «критерии», вполне можно назвать обманом читателя. «Используемый Марковым аргумент тоже оказался ложью». Дюбуа говорил не только это. Мэтр со-

здал проблему, однозначное решение которой неизвестно ни одной из сторон. И хотя многие наши отечественные эволюционисты, как мы видим, однозначно приписали Дюбуа отречение от переходной формы, Марков связал проблему только с противниками эволюции. Подобным подходом к освещению темы, вкупе с возводимой напраслиной на своих и чужих – на всех подряд, лишь бы только *конкретным сегодняшним противникам* было плохо – главный редактор демонстрирует далеко не лучшие методы популяризатора и научного журналиста. Сдается мне, что еще после пары таких «Доказательств эволюции» в оборот может войти характеристика «научный журналюга»...

Действует ли в научных кругах запрет на критику эволюционной теории?

«Нет, – отвечает на этот вопрос Марков. – Напротив, критические замечания, касающиеся различных ее положений, постоянно публикуются в научных изданиях». Правда, он тут же оговаривается, что *«...люди, отрицающие эволюцию с позиций невежества»*, не публикуются, поскольку *«В современном научном журнале сложно опубликовать статью, в которой, например, отрицается сам факт эволюции».* В сочетании с другими высказываниями автора становится понятна его позиция – «чужие», невежественные отрицатели эволюции, то есть, креационисты и иже с ними, чьи аргументы находятся на уровне «плоской Земли», в научных журналах не публикуются, но «своим» всегда можно:

«...Для любого нормального ученого обнаружить факт, опровергающий какую-либо устоявшуюся точку зрения – это кладезь, золотое дно, мечта всей жизни. Такая находка дает ученому шанс войти в историю.

Эволюционное учение рухнуло бы давным-давно, если бы против него можно было собрать убедительный с научной точки зрения, то есть объективный и проверяемый “компромат” в виде фактов, наблюдений, результатов экспериментов и т.п.».

Приведу лишь несколько примеров того, насколько теория эволюции (или ее устоявшиеся схемы) открыты для критики и опровержения «своими». Примеры взяты из документального кинофильма Логана Крафта 2008 года *«Expelled: No Intelligence Allowed»* («Изгнанные: Интеллект запрещен»), с вездливым на расспросы Беном Штайном. Все опрошенные персонажи, разумеется, сторонники эволюционизма.

Доктор Ричард фон Стернберг – бывший научный редактор журнала Смитсоновского института *«Smithsonian Magazine»*. Уволен за то, что опубликовал в журнале статью Стивена Майера, известного сторонника ID, в которой разумный замысел фигурировал как одно из объяснений происхождения жизни.

Доктор Кэролин Крокер, бывший преподаватель биологии в Университете Дж. Мэйсона. После того, как на одной из лекций – для освещения всех имеющихся вариантов происхождения жизни – упомянула разумный замысел (показала студентам два иллюстрирующих слайда), ее научная карьера закончилась. Кэролин не только выгнали из университета за «преподавание креационизма», но и поставили черную метку – куда бы она ни пыталась устроиться («Раньше мне предлагали работу после каждого собеседования»), отныне получала неизменный отказ.

Профессор Майк Эгнер, нейрохирург из Университета Нью-Йорка. Написал эссе для учеников школы, в котором говорилось о бесполезности теории эволюции в медицинской практике. После обрушившейся критики университетского

состава он еще раз публично высказал свои сомнения в справедливости некоторых положений теории эволюции и после этого стал объектом настоящей травли, несмотря на свое собственное высокое положение.

Профессор Роберт Маркс из Университета Бейлор. В своей исследовательской программе упомянул разумный замысел, после чего программа была закрыта.

Доктор Гилермо Гонзалес, астроном, работавший в Университете штата Айова. В своей книге привел аргументы, что Вселенная спроектирована разумно. «Несмотря на выдающиеся труды, которые привели к открытию нескольких планет» (цитата из фильма), его заявление на получение постоянной должности в университете было отклонено.

Любопытно, что приведенные случаи не всегда связаны даже с критикой эволюционизма, а только с попытками обозначить альтернативную ему точку зрения. Креационист Джерри Бергман, психолог, специально занимался исследованием вопроса свободы научных убеждений и пришел к выводу, что в научном сообществе отношение к инакомыслию носит характер его откровенного подавления[48]. Поэтому хотелось бы спросить у Маркова (просьба риторическая) – если запрета на критику эволюционной теории не существует, но людей, высказывающих оппозиционную точку зрения, подвергают гонениям и увольнениям, то с какого момента можно начинать критиковать эволюцию? И какая критика вообще дозволена? По принципу борьбы хорошего с лучшим?

«Расшифровка» тезиса Маркова об отсутствии запретов на критику ТЭ легко отыскивается в его форумных рассуждениях и статьях. Как и ожидалось, речь может идти только о косметических поправках к «теории». Вы говорите, что нельзя трогать общепринятую геохронологическую шкалу? – удивляется Марков. – А вот вам, малoverы – раньше срок заселения острова Пасхи оценивался в 1200 лет назад, а сейчас его

пересмотрели и считают, что заселение произошло 800 лет назад! (Смелые люди, надо полагать, отважились на ниспровержение геохронологической шкалы) (Запись на форуме paleo.ru 24.03.06, тема «Неизвестная история человечества? Или снова обман?»).

Неоднократно приводимый Марковым пример научной открытости в виде находки Сильвии Гонзалес – такая же подмена, как и большинство других марковских примеров. Археолог Сильвия Гонзалес нашла в Мексике человеческие следы возрастом 38 тыс. лет (что для схемы нормально), но две последующие датировки дали аномальный возраст в 1,3 млн. лет. Об этой аномалии было сообщено в *«Nature»* **именно как об аномалии**, с выводом о **непризнании этой находки** человеческими следами. Разумеется, на основании несовместимости принятых схем с новой датой 1,3 млн. лет, которая тем самым *«бросает фатальное сомнение на представление о том, что это следы»*[49]. Реакция «свободных исследователей» на находку хорошо выражена Марковым: *«Это уж слишком, – решили многие специалисты. – Значит, это вообще не следы»*[50]. И эту ситуацию он подает как пример свободомыслия в науке и возможности публиковать любые факты и мнения! (*«Вся эта ерунда открыто публикуется и обсуждается»*). Обман, граждане, как есть обман. Это не проблема эволюции публикуется, а ее опровержение, и эта открытость не для обсуждения, а для вытаптывания. Это как последнее желание приговоренного назвать свободой выбора. Здесь позволю себе спародировать «развязный» блогерский стиль Еськова, в данную минуту очень точно передающий мои чувства – ну, и где сейчас та Сильвия?

Можно вспомнить актуальную еще и сегодня историю Вирджинии Стин-Макинтайр из Геологической инспекции США, которую затравили даже не за креационизм, и даже не за критику эволюции, а за то, что взялась отстаивать возраст

в 250 тыс. лет найденных в той же Мексике каменных орудий (что ломало традиционную схему заселения континента). Поскольку стратиграфическое положение находок не вызывало сомнений, а возраст был определен четырьмя независимыми методами, Стин-Маккентайр, сама того не ведая, поступила в точном соответствии с марковскими бесплатными советами: *«Такая находка дает ученому шанс войти в историю. Эволюционное учение рухнуло бы давным-давно, если бы против него можно было собрать убедительный с научной точки зрения ... “компромат”»*. В итоге, за свой слишком убедительный компромат она потеряла всё – сначала финансирование, потом работу и репутацию. Так сказать, использовала свой *«шанс войти в историю»*. Как выяснилось, трогать устоявшиеся схемы недозволенно никому и ничему, ни уважаемому профессору, ни даже самому убедительному «компромату» (хотя так называемая проблема находок Уайтлако до сих пор не снята).

Являются ли антиэволюционизм (креационизм) и его разновидности — «теория разумного замысла» («*intelligent design*») наукой?

«Нет, – дает ответ Марков. – Это религиозные концепции, не пользующиеся или непоследовательно пользующиеся научным методом. Даже наиболее наукообразные из таких концепций неизменно прибегают к объяснению наблюдаемых явлений через постулируемое сверхъестественное. Это делает такие концепции принципиально непроверяемыми. Наука не имеет дела с принципиально непроверяемыми утверждениями».

Я бы не обратил внимания на этот вопрос-ответ, поскольку сама концепция разумного замысла – штука терминологи-

чески и методологически сторонами неопределенная, нагруженная эволюционистскими наговорами («замаскированный креационизм!») и, к тому же, обоюдоострая. Здесь до бесконечности можно спорить по принципу «сам дурак», отзеркалив обвинения противной стороны ей самой – ведь всегда на «поиск искусственности» и «следов дизайна» можно сказать, что эволюционизм тоже занят не изучением природы, не выяснением истины, а поиском всевозможных проявлений «естественного дизайна», то есть, поиском свидетельств «натуралистической», «само-собойной» эволюции. Но всегда легко обвинить сторонников ID в том, что они ищут не следы искусственности в природе, а просто пытаются «доказать Бога», и на это трудно будет возразить даже по статистическим причинам – ведь сторонники концепции ID, это как раз те, кому «естественное» объяснение кажется неудовлетворительным. А если они ищут разумность, всегда можно обвинить их в «поиске доказательств Бога»!

Итак, можно было вопрос пропустить, однако Александр Марков по обыкновению насочинял и навешал на ID таких собак, что я все-таки хотел бы показать претенциозность его слов и двойственность стандартов. Для этого «достаточно одной таблётки», то есть, одной ссылки на признание наукой потенциальной возможности существования внеземного интеллекта. Что такое, по сути, SETI (*Search for Extraterrestrial Intelligence*), как не основанная на той же идее разумного замысла программа поиска искусственного сигнала в космосе? Она постулирует ровно то же, что и ID – что у искусственного сигнала должен быть разумный отправитель. Теоретически внеземной разум, буде такой отыщется, способен оказаться создателем земной жизни. И что? Применит ли Марков свои претензии к программе SETI? Мол, ненаучна, постулирует некий сверхинтеллект, концепция принципиально не проверяема? Да упаси Боже – если поиском проявлений искусственности в при-

роде занимаются не противники эволюции, а «свои», то оно сразу и научно, и естественно-натуралистично, и неразрывно-логично (искусственный сигнал = разумный источник), и принципиально проверяемо – существует-таки «оно» или нет.

Есть ли факты, опровергающие эволюционную теорию?

На свой вопрос Марков отвечает так, будто отчитывается на партсобрании:

«Несмотря на усиленные поиски в течение многих десятилетий (вот она, проекция! – А.М.), никаких фактов, опровергающих основы эволюционной теории, обнаружено не было. В науке принят, и не без оснований, подход, в соответствии с которым в таких случаях теория рассматривается как доказанная».

(Я, рассеянно и уже занудно): Ну да, ну да... А существовал ли в свое время хоть один признанный факт, опровергающий основы теории научного коммунизма? И не считалась ли эта теория доказанной, несмотря на то, что вся окружающая реальность говорила об обратном?

«...Никаких фактов, опровергающих основы эволюционной теории, обнаружено не было» – фраза почти комичная («В СССР секса нет!») и означает лишь то, что за отчетный период эволюционизм не принял ни одного опровергающего факта. То есть, самые вопиющие проигнорировал, а «трудные», насколько возможно, прогнул под схему. Причем, здесь нужно уточнить, что сам эволюционизм как философская концепция неопровергаем – настолько пластичен и желеобразен, что выкрутится из любой ситуации и просочится меж пальцев любого душителя. Если что и можно опровергнуть в этой «теории», то лишь частные гипотезы. Однако эволюционизм способен без особых усилий делать «морду кирпичом»,

держа на одной полке частных гипотез взаимоисключающие объяснения. Можно ли, например, опровергнуть такое:

«...Представление о том, что виды возникают постепенно (У автора под этим подразумевается макроэволюция. – А.М.), в действительности не противоречит представлению о том, что они возникают быстро, скачкообразно. Просто в одних случаях бывает первое, а в других – второе. При этом, разумеется, остаются вопросы о том, насколько часто случается то и другое, и как именно возник тот или иной вид. Но ни одно из таких противоречий не затрагивает самых основ эволюционной теории...».

Пусть читатель сам решит, научно ли такое объяснение – может быть так, а может и этак, мы не знаем когда оно как, но нашу теорию это опровергнуть не может! Иначе говоря, вопрос о фактах, опровергающих теорию эволюции (да еще речь о каких-то «основах» ТЭ), поставлен некорректно. Если сама теория способна переварить любую зубодробительную находку и устоять перед любым опровергающим фактом, то вопрос нужно вывернуть наизнанку – а какую, собственно, из частных гипотез или механизмов противники должны опровергать, и что в ней – конкретно? Тогда очень быстро выясняется, что опровергать по сути нечего. Генетика, близость генома человека и шимпанзе? Но у противников своя свадьба, у эволюционистов своя. Эмбриологические доказательства эволюции? Но эмбриология «всей кожей» сопротивляется построениям эволюционизма. Обезьяногенез, который выдают за «антропо»? Но эволюционизм не предъявил ни одного серьезного свидетельства происхождения и эволюции человека от животных предков, и сам увильивает от просьб оппонентов и своих утверждений. Мол, прямого предка не просите, мы вам ничем не обязаны, из нашей теории этого не сле-

дует... И что означают *«основы эволюционной теории»*? Микроэволюция и видообразование? С нашим удовольствием. Механизмы в виде случайных мутаций? Да на доброе здоровье. Естественный отбор? На уровне «микро» – кто ж спорит, но «творческая» роль ни разу не показана. Градуализм или сальтации? Но определитесь сначала с собственной невнятицей типа – эволюция может быть постепенной, но это не значит, что она не способна быть скачкообразной... *«...Есть ряд противоположных концепций, которые, впрочем, в большинстве случаев не столько противоречат друг другу, сколько описывают разные стороны явлений, и в том или ином смысле одновременно верны»*. То есть, в одном случае удобно объяснить одним, в другом – прямо противоположным. «Ну, и как с этим работать?» Можно ли опровергнуть то, что не имеет четких границ, строгих определений; по сути то, чего нет?

Дано: Саша из Москвы и Даша из Питера между собой не знакомы. Есть ли факты, опровергающие, что эта пара счастлива? Даша выглядит счастливой, у нее есть девичий альбом, куда она регулярно что-то пишет, наверняка стихи, посвященные Саше. А Саша прямо утверждает, что у него есть любимая девушка, которая сейчас далеко – разве речь не о Даше? А уж если выяснится, что девушка Саши живет в Питере, скептикам вообще крыть нечем. Требуется – найдите факты, опровергающие, что Саша и Даша счастливая пара.

Правда ли, что теория эволюции не получила достаточных подтверждений?

Александр Марков отвечает: *«Факты, изложенные в данной публикации, дают адекватный ответ на этот вопрос»*.

О, да. Это правда. Теория эволюции, действительно, не получила достаточных подтверждений, и факты, изложенные в публикации, об этом свидетельствуют совершенно адекватно.

Заключение

Итак, как говорится, подведем итоги, пока итоги не начали подводить нас. Главный вывод после прочтения «Доказательств эволюции», по моему мнению, следующий – Александр Марков со товарищи выбрали наихудший способ популяризации так называемой теории эволюции – всучить свой товар всеми правдами и неправдами. Тактичность, взвешенность своего слова, указание достоинств и недостатков теории, ирония – могли бы стать теми малостями, которые расположили бы к себе читателя. Вместо этого авторы применили тактику старой девы – сказать по телефону, что ты молода и красива, лишь бы дело дошло до свидания, а там хоть трава не расти.

Следует еще раз назвать хотя бы два обстоятельства, которые, по моему мнению, свели этот проект на нет. Это, во-первых, обман читателя в части так называемых «доказательств» эволюции, выразившийся в тактике подмен (отождествлении «микро» и «макро», науки и эволюции; равно как и умолчаний известных проблем эволюции, а также прочих уловках и двойных бухгалтериях). И, во-вторых, это нищество в отношении противника, когда собственные выдумки и высказывания отдельных недоучек авторы выдают за стандартные аргументы и позицию оппонентов.

Что касается «доказательств» эволюции, то, как уже говорилось, подмены и уловки работают только на ближней дистанции, но рано или поздно правда открывается. А по поводу грубостей и пропагандистской лжи эволюционистов в отношении противников я бы вообще не стал заморачиваться. Эта ситуация неразрешима, но по парадоксальной причине – **противник тут совершенно ни при чём**. Дело вовсе не в противнике, а в самих популяризаторах, разумеется, с главным редактором на переднем плане. В его мировосприятие

подмешана изрядная доля какой-то неуверенности, и все грубые фразы в адрес «антиэволюционистов», все выдуманные «соломенные» аргументы и перманентная ложь о плоских землях и неприятии микроэволюции – всё это не более чем **воинственное самоподбадривание**. Я думаю, главный редактор прекрасно понимает, что фразы отдельных недоучек и вопли «Это всё подделки!» не соответствуют образу настоящего противника. Вряд ли бы при наличии подобных оппонентов все эти лилово-сиреневые откровения «Доказательства...» были такими нервными – столь явная демонстрация беспокойства не может отражать значимости недоучек. Но Марков, сочиняя образ «антиэволюционистов» и их «аргументы», в огромной степени **сочиняет всё это для себя**, хочет, чтобы враг был именно таким, и никаким иначе. Так сказать, хочу самых слабых, карикатурных врагов и их «аргументов», чтобы наши схемы даже не шелохнулись! Чтобы с такими противниками, жалкими ничтожными личностями, нам легко дышалось и всё что хотим «доказывалось»!

Можно быть сколь угодно рациональным и научным, но этот мир – к счастью ли, к сожалению ли – **нелогичен и нерационален**, и понимание того, что он может быть познаваем исключительно в собственных, достаточно узких своих границах – является залогом успешной и эффективной работы любого ученого. *«Во всем на свете что-то чуть-чуть неточно, – говорит Честертон и продолжает: – Глубоко и ясно видит тот, кто может предугадать эту потаенную неправильность»*. Когда же отдельный ученый начинает рвать на груди тельняшку с криками: «Мы, наука, сейчас мигом “разъясним” любую сову!», – такая позиция, мягко выражаясь, безуспешна изначально. Парадокс в том, что чем более образован узкий специалист, тем менее он способен к адекватному восприятию нового, но *«во всех вопросах, ему неизвестных»*, ведет себя *«не как человек, незнакомый с де-*

лом, но с авторитетом и амбицией, присущей знатоку и специалисту» (Ортега-и-Гассет).

Проблема наших дней, ко всему прочему, в том, что на смену прежнему кондовому атеизму (анти-теизму) сегодня пришло какое-то совсем другое «анти». Можно было бы назвать это «а-гуманизмом», но слово само по себе какое-то либерально-атеистическое, поэтому самым подходящим вариантом будет – «расчеловечивание». А именно – в обществе всё более утверждается даже не отрицание Бога, а уже отрицание самого феномена человека. В этом смысле пальму первенства держат именно биологи, пропагандирующие эволюционизм. Изучая человека, они человека не видят, а редуцируют до того, что в качестве его модели рассматривают животное. В силу какой-то странной этической стерильности им уже неинтересно смотреть на человека, исходя из его собственной сущности – их интересует только человек, выведенный из наблюдения за обезьянами. Ситуация осложняется еще тем, что на волне триумфально победившего постмодернизма в науку пришло «поколение фэнтези». Сам Марков – яркий представитель этого класса. Его окружает публика, которая с восторгом относится к его чудесному методу – возможности безнаказанно синтезировать науку и воздушные миры Толкиена. Многие из них уже усвоили главный урок эволюционной биологии – быть животным не только не стыдно, но даже почетно. Смесь скептицизма и фантазии в разных пропорциях дает удивительные коктейли. Марков с воодушевлением стирает грани меж человеком и животным, человеком и неодушевленным миром – как «биологический перебежчик», намеренно **сдавая человеческие позиции** и перенося сугубо человеческие категории (этика и мораль) на бактерий, гены и сперматозоиды. При этом марковские новации напоминают результаты программы генерации текста – одним и тем же «альтруизмом генов» вам объяснят пря-

мо противоположные вещи; и почему школьник перевел старушку через дорогу, и почему он ее толкнул под машину. Вам дадут ответ на любой вопрос, вы узнаете всё и при этом ничего. Эти люди похожи на археологов, которые найдут вам древний город в любом месте, поскольку создадут его планировку, контуры его домов и улиц в процессе копания своих пересекающихся поисковых траншей. И сами обрадуются, и еще более оживятся от неожиданной удачи! Вторжение ученых невежд, узких специалистов в наш объемный мир лишь разрушает и без того изрядно разрушенную реальность, но все их «объяснения» – бесплодные, виртуальные тени, мыльные пузыри, пустые множества.

Примечания и ссылки к Части III

32 Марков А.В. *Эволюция кооперации и альтруизма: от бактерий до человека*. Расширенная версия доклада на IV Международной конференции «Биология: от молекулы до биосферы» (15.12.2009).

33 Блог Маркова, тема «Неудачная съемка на пятом канале» 27.05.2010. Настоятельно рекомендую читателю ознакомиться со всей темой, хотя бы бегло.

34 Марков А.В. *Хорошее питание – залог большого ума*. Элементы 25.06.07.

35 Марков А.В., *Отвращение – основа нравственности?* «Элементы», 20.06.07.

36 Ортега-и-Гассет Хосе. *Восстание масс*. М., АСТ, 2003.

37 Лиловым (или сиреневым) цветом в «Доказательствах...» сейчас выделены написанные Марковым основные претензии к противникам эволюции и возражения на их аргументы, по большей части выдуманные.

38 Еськов К.Ю. *Обезьяний_Процесс.ru: Эволюция маст-дай!* Компьютера, 4 апреля 2006 г.

39 Кирилл Еськов такие примеры приводит, но они ложные. Напомню: *«У Фоменко речь идет о многовековом всемирном заговоре историков, фальсифицировавших всю писаную историю, у креационистов – о таком же заговоре естествоиспытателей, подделавших кости питекантропов и синантропов, радиоизотопные датировки, данные по осадконакоплению, etc.»*

Здесь, что называется, тысячу раз говорено, но ни разу не услышано.

«...заговоре естествоиспытателей, подделавших кости питекантропов...». – Опять «креационизм из пивной». В норме никто не отрицает существования таксона *Homo erectus*. Отрицается (точнее, отрицался, сейчас неак-

туально) сам статус находок питеко-антропов, то есть, обезьяно-людей, правота чего подтверждена новым таксономическим родовым именем *Homo*, без всяких «питеков». Если Еськов имеет в виду древние споры по поводу т.н. яванского питекантропа Дюбуа, то его статус был предметом спора обеих сторон – от него отрекались не только креационисты, но и эволюционисты. О подделке костей т.н. питекантропа речи в среде креационистов тоже не шло – оспаривалась лишь принадлежность черепной крышки Trinil 1 (*Pithecanthropus erectus* Dubois, 1894) и бедренной кости Trinil 3 одному индивиду. Сегодняшняя таксономическая классификация т.н. «питекантропов» как *Homo erectus* – принимается антиэволюционистами без каких-либо возражений, и иное было бы странно.

«подделавших кости... и синантропов...». – Тут Еськов что-то путает. Была версия Баудена, что синантропы являлись добычей для людей современного облика, живших одновременно с синантропами. Эта версия, хоть и не подтвердилась, но никак не является кандидатом на обвинение в подделке костей синантропов. Учитывая, что материалы из пещеры Чжоукоудянь пропали во время Второй мировой войны и сегодня довоенные находки синантропов представлены лишь в слепках, возможно, кто-то из креационистов просто указывал на отсутствие оригинальных образцов или высказывал сомнение в аутентичности реконструкций по слепкам? Но я знаком с достаточно большим количеством креационистских трудов – и само утверждение, что сегодняшние слепки с довоенных черепов Чжоукоудяня являются подделкой, мне ни разу не встречалось. Одно время шли дебаты меж креационистами и эволюционистами о возможном сокрытии части материалов Блеком, безусловно показавшим свое избирательное отношение к находкам, но обе стороны исчерпали аргументы, и вопрос этот остался нерешенным. Но о подделке как таковой материалов Чжоукоудяня я не слышал ни разу. Восклицание ка-

кого-нибудь интернет-неофита: «Это всё подделки!» нельзя выдавать за существующую норму, это подлог.

«подделавших... радиоизотопные датировки...».

Креационисты указывали на факты выборочного отношения к результатам датировок, на аномальные примеры датировок, нарушающие ожидаемую картину, на несовершенство методов радиометрического анализа и прочих методов определения возраста. Но об обвинении в подделке результатов – именно фальсификациях вида «образец показывает шесть тысяч лет, а мы припишем-ка ему миллион» – речь не шла никогда (за единичных сумасшедших, если таковые высказывания звучали, ни одно сообщество ответственности не несет). Но вот трансформировать критику методов датирования в якобы вопли о подделках – это не комильфо.

«подделавших... данные по осадконакоплению, etc». А это вообще нечто за гранью добра и зла. Как можно подделать данные по осадконакоплению? Если, например, Ги Берто представил свою модель с другой скоростью осадконакопления и полагает ее более реальной – сей факт в понимании Еськова автоматически означает обвинение эволюционистов в жульничестве? У каждого, так сказать, своя свадьба, свои допущения и расчеты. Лично я только от одного Еськова и услышал, что креационисты обвиняют седиментологов в подделке... и т.д., и т.п.

Вообще-то, весь вышеприведенный пассаж Кирилла Еськова – традиционный набор креафобных штампов. Мне кажется, К.Ю. просто захотел лишний раз поговорить на свою любимую тему заговоров, а какие-то примеры приводить было нужно. И уж как вышло, так вышло. Весь пассаж Еськова можно охарактеризовать двумя словами – «клеветцем помаленьку».

40 Марков посвящает большие лилово-сиреневые куски текста «опровержению» креационной концепции бараминов,

однако, судя по уровню, с самой концепцией он либо не знает, либо ее не понимает. Действует он по старой накатанной схеме – выдумывает собственные положения, с которыми сам и спорит. Например, критику гипотезы бараминов он строит на утверждении, что между бараминами должны быть какие-то четко обозначенные границы (какие, Марков не называет), не оставляющие сомнений в их «разнобараминности». Так называемые научные креационисты с немалым, полагаю, удивлением вынуждены узнать, что *«концепция бараминов предсказывает повсеместность таких разрывов»*, чего, по словам Маркова, в природе не наблюдается. Марков путает термины, называя «бараминами» нынешние виды, но перевести на русский язык его претензии можно примерно так. Если кошка и собака относятся к разным бараминам, то сей факт должны были увидеть ученые-систематики еще задолго до Дарвина. То есть, утрируя мысль, обе скотинки должны быть изолированы чуть ли не на уровне разных геномов или вообще на уровне основ жизни «белок – кремний». Однако морфология, сравнительная геномика, биохимия и пр. говорят о том, что кошка и собака имеют определенную общность, следовательно, это – свидетельство их происхождения от общего предка. Сама аргументация построена так, что хочется то ли смеяться, то ли извиниться, поскольку автор по незнанию вопроса «доказывает» противнику вещи, которые те сами пытаются доказать эволюционистам. Совершенно очаровательны миниатюры вроде той, где Марков описывает изворотливость противников эволюции.

«На практике антиэволюционисты обычно настаивают на том, что виды А и Б относятся к разным бараминам до тех пор, пока их не ткнут носом в неопровержимые доказательства родства этих видов. Тогда они говорят: “ну ладно, так и быть, значит, это один и тот же барамин”. Рассмотрим пример с породами со-

бак. “Собака осталась собакой” – любят повторять антиэволюционисты. Но генетики уже однозначно доказали, что домашние собаки происходят от волка. Значит, волк и собака – одно и то же, один и тот же барамин, говорят антиэволюционисты. А как тогда быть с шакалами и койотами, которые свободно скрещиваются с собаками и дают плодовитое гибридное потомство? Ну, значит, все они – один и тот же барамин. Мы не знаем, говорят они, какие еще виды входят в этот барамин, но если биологи докажут родство этих видов с собаками, это и будет означать, что это один и тот же барамин, а если не докажут – значит, разные бараминны. Ненаучность такой аргументации очевидна».

Креационисты должны быть жутко благодарны А. Маркову за то, что подсказал им принадлежность собаки, волка, шакалов и койотов к одному барамину. Ткнул, так сказать, носом в истину. Непонятно, правда, в чем ошибка креационистов, если генетический анализ, критерий скрещиваемости и пр. показывают близкое родство определенных видов и указывают на единого «основателя», скажем, на уровне семейства. Непонятно также, как именно «умывает» противников тот факт, что волк и собака являются близкими родственниками, но сама собака в условиях искусственной селекции способна дать множество пород, оставаясь при этом, что называется, физически и метафизически собакой? Если в приведенном марковском пассаже что-то и «очевидно», то лишь его «художественная сверхзадача» – нарисовать лживую картинку этакого неизбежного загона противника в угол и столь же неизбежной сдачи противником своих позиций. Мечтательность как свойство природы, конечно не является пороком, лишь бы Марков не домечтался до утверждения, что саму идею бараминов придумали и подарили своим противникам эволюционисты.

«Расправляясь» с так называемыми библейскими аргументами противников, Марков заявляет, что *«гипотеза Ноева ковчега»* и ее проверяемые следствия –

«...решительно не выдерживают проверки фактами. Эта гипотеза никоим образом не предсказывает (!!! – А.М.) (и не объясняет) существование, например, разнообразной фауны лемурув на Мадагаскаре или кенгуру – в Австралии и Новой Гвинее, притом что нигде больше в мире эти животные не встречаются. <...> Причем ни одна из обезьян, живущих в Африке и Азии, почему-то не пожелала переселиться на Мадагаскар вместе с лемурами. Чем больше для принятия гипотезы нужно сделать подобных маловероятных допущений, и чем меньше известных фактов она в состоянии объяснить (причем объяснить лучше, чем другие, конкурирующие идеи), тем ниже достоверность гипотезы. В случае с гипотезой “Ноева ковчега” научная достоверность практически равна нулю, потому что нет буквально ни одного факта, который объяснялся бы этой гипотезой лучше, чем эволюционной теорией».

Разделавшись с вражеской гипотезой, не сумевшей даже предсказать существование лемурув на Мадагаскаре, Марков дает единственно правильное эволюционное объяснение – предками лемурув были древние приматы, близкие к адапидам, жившие в эоцене (55–34 млн. лет назад) в Евразии, Африке и Северной Америке.

*«Кто-то из представителей этой группы проник на Мадагаскар, дав начало **адаптивной радиации лемурув**. <...> Нетрудно заметить, что случайный занос нескольких животных или даже всего одной беременной самки на удаленный остров – событие гораздо более вероятное, чем массовое переселение сотни видов. Не встречая конкуренции со стороны более продвинутых*

приматов, лемуры сохранились на Мадагаскаре, тогда как на “Большой земле” представители этой древней линии приматов вымерли, за исключением некоторых уцелевших в Азии и Африке архаичных форм, таких как долгопяты и лори».

Напомню читателю, что само определение противников как «антиэволюционистов» и попытка опровержения их аргументов, содержащих библейские реалии, должно вызвать недоумение у всех людей, не связывающих свое отрицание эволюции с так называемым научным креационизмом. Марков неточен даже в таких деталях, поскольку всем антиэволюционистам навязывает одну-единственную модель – потоп, минимальные сроки расселения и неизменность видов. Какой-нибудь отрицатель эволюции, принимающий миллионнолетние сроки, формально может объяснить проблему другой гипотезой – и слова Маркова оказываются пустым звуком.

Однако, если посмотреть на ситуацию с точки зрения гипотезы бараминов, ясно, что Александр Марков ломится в открытую дверь. Оставим самосочиненные «аргументы» о переселении лемурув в формате «сотни видов» на совести автора. Но ровно всё то, что сказал он, в ответ ему мог бы сказать и креационист; с поправкой, соответственно, на свою модель. Сценарий здесь тот же. *Кто-то из представителей* бараминна лемурув (несколько особей или беременная самка) попав на Мадагаскар, дали начало адаптивной радиации лемурув. С точки зрения креационистов барамин (конкретный организм) можно сравнить с ZIP-файлом, который в определенных условиях по историческим меркам моментально (ибо так прописано в программе) разархивируется на множество более мелких, самостоятельных, но генетически сходных видов. Поскольку геологическое время в бараминной схеме для дивергенции видов не критично (может быть 1 тыс. лет, может 50 тыс.), то гипотеза бараминов выигрывает как минимум со

счетом 2:0. Во-первых, она «лучше объясняет» (или не требует лишних допущений, как угодно) отсутствие на Мадагаскаре ископаемых свидетельств длительной эволюции лемуруров. Во-вторых, «лучше объясняет», отчего *«ни одна из обезьян, живущих в Африке и Азии, почему-то не пожелала переселиться на Мадагаскар вместе с лемурами»* (любопытно, что Марков козыряет аргументом, который по своей сути явно **антиэволюционный**). Если подходить к вопросу с точки зрения креационистской концепции, то в ее рамках столь малые шансы обезьян за 55 млн. лет (!) попасть на Мадагаскар хорошо объясняются гораздо более короткими сроками расселения бараминов животных после потопа и быстрым закрытием «каналов доставки» – сухопутных мостов, плавающих островов из выкорчеванного леса и пр. Если уж принимать хвастливые условия Маркова «меряться моделями», то модель бараминной биогеографии как минимум ни в одном пункте не уступает эволюционным объяснениям (это еще скромно сказано). Самой же марковской критике бараминов, как уже было отмечено выше, наиболее подходящее место – в мусорной корзине.

41 Марков А., *Хронология далекого прошлого*. <http://elementy.ru/lib/430055>

42 Godfrey L.R., *Scientists Confront Creationism*, L.R. Godfrey, Ed., W.W. Norton & Company, New York, 1983. По: Гиш Д., Ученые-креационисты отвечают своим критикам. Изд. Библия для всех, 2005.

43 Dawkins, Richard, *The Greatest Show on Earth*. Bantam Press, 2009.

44 Приводимые датировки взяты из официальных источников, с которыми можно ознакомиться на страницах Каталога ископаемых находок сайта Golden Time. Ссылка на передатировку экземпляров ER 1813, ER 1805 и др.: Gathogo P.N., Brown F.H. (2006). *Revised stratigraphy of Area 123, Koobi*

Fora, Kenya, and new age estimates of its fossil mammals, including hominins. Journal of Human Evolution 51,5:471-479.

45 Головин С.Л., *Всемирный потоп. Миф, легенда или реальность?* ХНАЦ, Симферополь, 1999.

46 Поршнева Б.Ф., *О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии).* Изд. «Мысль», М., 1974.

47 Эйдельман Н.Я., *Ищу предка.* Публикация на сайте А. Маркова.

48 Bergman Jerry, *Contemporary suppression of the theistic world view.* Creation Ex Nihilo Technical Journal, 1995, 9(2): 267-275.

49 Renne P. R., et al. Nature, 425. 554-555 (2005). Аннотация на сайте *Nature*.

50 Марков А.В., *Древние человеческие следы оказались слишком древними.* Элементы, 5.12.05.